18+

Оксана Кожемяко

Ошибка молодости

с хорошими людьми происходит хорошее

РОМАН

Ошибка Молодости. С хорошими людьми происходит хорошее.

Жанр произведения: Роман

Произведение написал автор BookBox Оксана Кожемяко

Ссылка на публикацию

Ошибка молодости

С хорошими людьми происходит хорошее

Глава 1

После смерти миссис Эшби отец взялся за воспитание сына весьма ретиво. Задавшись целью искоренить из отпрыска все «глупости», как-то любовь к прогулкам, театрам, музыке и чтению литературы, мистер Эшби-старший составил жёсткое расписание по коему семилетний Оливер Эшби должен был часами заниматься математикой, изучением законов и судопроизводством.

Оливер рос болезненным, слабым ребенком из-за отсутствия долгих и приятных променадов.

И вот Оливеру исполнилось девятнадцать лет. В Бристоле он работал в конторе отца, где сидел в душной маленькой комнатке, сплошь заваленной бумагами, кои полагалось перебирать, регистрировать и отсылать по назначению. Дело Эшби ширилось, и он решил, что пора отправить сына «в большое плавание». Он договорился с одной крупной компанией на Ямайке о месте для сына и удалил его за океан без лишних церемоний и прощаний, даже не смахнув скупой отцовской слезы.

Прошел ровно год с тех пор, как Оливер Эшби стал работать в Кингстоне. Справедливости ради следует заметить, что эта ссылка стала для него благом, ибо здесь он мог независимо распоряжаться и собой и своим временем. Но воспитание отца всё же оставило след на нраве юноши. Когда-то вынужденная замкнутость, скрывающая темперамент и пристрастия юноши, теперь стала его основной чертой характера. К тому же он был неразговорчив и хмур по причине заикания.

Оливер всё делал по расписанию. Вставал в одно и то же время, совершал утренний туалет, завтракал, и шёл на службу, обедал, и опять работал.

Но вечером Оливер уходил далеко от Кингстона. Когда-то юноша обнаружил симпатичный пляж, вероятно, некий романтичный настрой всё же пробивался за ширму вымуштрованного характера. Он снимал башмаки и чулки и гулял босиком по остывающему песку, наслаждаясь приятным морским бризом и закатной палитрой неба. Но моря он не любил, вернее, он не любил путешествий по морю. Его одолевала морская болезнь, его пугала темная бездна и воображение рисовало ему страшных чудовищ, обитающих там.

Однообразный образ жизни наложил отпечаток и на внешность молодого человека. Оливера можно было бы назвать высоким, если бы не его сутулость, выработанная постоянным сидением в плохо освещенных помещениях. Изрядно худощавый. Его зеленые глаза казались бесцветными на его бледном, болезненном лице. Оливер не считался привлекательным, хотя черты его не были лишены гармоничности. У него был прямой нос и пухлые губы, которые он старательно поджимал, дабы его «губастость» не придавала лицу трогательного выражения. Густые темно-русые волосы он связывал сзади в хвост, так как не любил и не носил париков.

Оливер снимал крохотную комнатку под крышей в доме вдовы Томпсон. Дамой она была шумной и деятельной. С ней жила ее дочь мисс Лора. Девушка весьма привлекательная, радующая взор румяностью щек и синевой глаз. Она очень нравилась мистеру Эшби. Но он здорово робел и не смел даже заговорить с мисс Лорой. Она же, напротив, всячески пыталась вызвать его на беседу, но не из-за того, что он ей был по вкусу, а просто, чтобы позабавиться. У мисс Лоры было множество поклонников, с которыми она вела себя весьма живо и непринужденно. Но мать, вдова Томпсон, выказывала недовольство. Она была бы не против, прояви ее жилец мистер Эшби больше настойчивости. Почтенная дама навела справки, узнав, что молодой человек имеет все шансы стать в последствии главой конторы и унаследовать от папаши недурное наследство. Но когда мать начинала говорить дочери о мистере Эшби, мисс Лора морщила носик, давая понять, что он ей не интересен.

Оливер знал, что молодая особа не испытывает к нему симпатии, и очень злился, когда вдова Томпсон делала намеки и неуместно шутила по поводу несуществующих отношений между ним и ее дочерью.

***

Этот день, как и все прошел скучно, безмятежно и предсказуемо. Он опять пришёл на пляж, чтобы прогуляться перед ужином. Сегодня море было неспокойным и семифунтовые волны с шумом накатывали на берег, сдирая с тёплого песка остатки дня.

Оливер окинул привычный горизонт уставшим взглядом, только на секунду обратив его на небольшую точку вдалеке. Прогулявшись еще немного, он уже повернул назад, вознамерившись обуться, и отправится в город. В этот момент очередная волна выплюнула на берег некое тело, ставшее неловко на четвереньки, а следующая волна так поддала ему под зад, что его выбросило вперед на добрых восемь футов. Тело здорово выругалось и перевернулось на спину. Оливер застыл в нерешительности, но дальше стоять и раздумывать он посчитал нелепым и осторожно подошел к тяжело дышавшему человеку.

– Я могу вам п-помочь, сэр? – Оливер наклонился над пострадавшим и тронул его за плечо.

Человек ему не ответил, хотя посмотрел на юношу и его губы расплылись в вымученной улыбке.

– Сэр, вы п-понимаете по-английски? – вдруг осенившая юношу мысль, подсказала следующий вопрос.

Незнакомец с трудом принял сидячую позу, облокотившись на руки, и посмотрел в ту же сторону, где юноша ранее видел удаляющуюся точку.

– Гарпун тебе в печёнку, чертова баба, – на чистом английском языке проговорил человек, и наконец-то обернулся к Оливеру. – ЗдорОво, приятель, ты чё спросил-то?

– Вам п-помочь? – смутившись, пробормотал юноша.

– Есть чё выпить? – выпалил незнакомец.

Юноша окончательно растерялся.

– Ну, – протянул Оливер, – у миссис Т-томпсон, наверное, найдется.

Мужчина с интересом посмотрел на юношу. Вероятно, он начал постепенно приходить в себя.

– Слышь, парень, – оглядывая Оливера, произнес он, – а эта миссис Томпсон твоя, кто?

– Это моя к-квартирная хозяйка, – начал объяснять молодой человек, – ее дом недалеко от площади.

Незнакомец хмыкнул почему-то и попытался подняться, но, похоже, он так ослаб, что после нескольких неудачных попыток, остался сидеть на песке, вперив взгляд в горизонт.

Оливер разглядывал его. Крепкого сложения: под мокрой рубахой виднелась хорошо развитая мускулатура. Загорелый, мужчина обладал шевелюрой темно-каштановых волос, которые были связаны в косицу, даже не растрепавшуюся от долгого пути, вплавь и окладистой бородой. На вид ему было около тридцати двух-пяти лет. Над переносицей прямого носа, красовался небольшой белый шрам. Когда человек повернулся к Оливеру, то юноша заметил в мочке левого уха серьгу, сделанную из золотой монеты. В общем вид у потерпевшего крушение, как подумалось Оливеру, или еще какой напасти, был мужественный и грубый.

– Я п-понимаю, сэр, – произнес Оливер, – вам необходимо убежище?

– А ты не дурак, – хмыкнул незнакомец, – да, мне нужно скрыться. Здесь меня хорошо знают и желают видеть не для того, чтобы поставить мне чарку.

– На берегу, неподалеку есть небольшая хижина, – совершенно не понимая, почему он решил пособить этому человеку, проговорил Оливер. – Я п-помогу вам, мистер…

– Перси Перселл, – улыбнулся человек. – я моряк, если ты понял, и попал в переделку.

– П-пойдемте, мистер П-перселл, – протягивая ему руку, произнес Оливер. – Доберемся до хижины. Я принесу вам что-нибудь поесть и переодеться.

– И выпить не забудь захватить, – опираясь на тонкое предплечье молодого человека, напомнил моряк, изучающе разглядывая своего спасителя.

– Непременно, мистер П-перселл, – подтвердил молодой человек, и будто уловив смысл его взгляда, проронил, – не беспокойтесь, я вас не выдам.

Моряк одобрительно кивнул, и они медленно побрели в сторону указанного строения.

Глава 2

— Петька, Петька, — барыня была вне себя. — Где этот шалопут? Митюнушке уже собираться пора, а этот охламон видать по девкам шляется?

Вся дворня с ног сбилась, по приказу барыни Елизаветы Захаровны искали дворового парня Петьку-цыгана.

Елизавета Захаровна все глаза проплакала. Брат ее, дворянин Емельян Захарович Артищев, сурово поводя очами, сказал, что нечего здоровому увальню за мамкиными юбками прятаться и решил отправить его в Санкт-Петербург на морскую службу.

Дед Емельяна Захаровича, Никита Фокич Артищев служил верой и правдой во флоте царя Петра Алексеевича. Участвовал в славном Гангутском сражении[1], проявил себя героически, был целован в уста самим царем и жалован наградами и землями. При внуке Великого реформатора Петре II за симпатии к опальному светлейшему князю Меньшикову был сослан в Сибирь. И мыкаться бы когда-то славному роду по сибирским деревням, да вот вспомнили при восшествии на престол Елизаветы Петровны про потомков сподвижника великого царя. Вернули поместье в Смоленской губернии, земли и награды почившего деда Никиты Фокича. Емельян Захарович сам во флоте не служил по слабости здоровья, но будучи человеком богатым, на свои деньги построил две шхуны, чем снискал великую милость царицы.

Так как своих детей не имел, а к тому времени сестра его, супруга дворянина Назарова овдовела, он взял на себя опеку над малолетним племянником Митюнушкой.

Митюнушка рос в тепле и неге до момента, пока дядя Емельян не решил сделать его достойным памяти прадеда Никиты Фокича. Он отправил его в морскую академию, но проку никакого не вышло. Молодой барин не преуспел ни в математической географии, ни в тригонометрии, ни в геометрии, ни в навигации, ни в астрономии. Хотя, великая странность, начальство академии отзывалось с восхищением о знаниях и успеваемости гардемарина Назарова. Потом то выяснилось, что за Митюнушку учился и держал экзамены его слуга Петька. Самого молодого барина в академии в глаза не видывали. Митюнушка пошел в разгул, а челядинец его, понимая, что за деньги, отпущенные на образование его хозяина ему ответ держать перед Емельяном Захаровичем, надел одежду барскую и выдал себя за Дмитрия. Парень он был видный! Высокий, статный, чернявый. В бархатном кафтане, да в треуголке с перьями, чем не барин! Посещал уроки, фехтовал, лазал по мачтам, ходил по бимсам,

высчитывал курс. А потом выдержал все экзамены.

Когда вернулись молодые люди в поместье все открылось неожиданно. Емельян Захарович, сам в море не выходивший, но в кораблевождении толк знающий, подловил племянника на невинном вопросе.

Семья сидела за обедом. Елизавета Захаровна наглядеться не могла на своего Митюнушку сахарного.

— Скажи-ка, мне, Дмитрий, — пробасил Емельян Захарович строго, — какие паруса поставишь, ежели шторм начнется?

Митюнушка, с аппетитом поглощающий матушкин пирог, вдруг замер. Невольно стал искать глазами Петьку. Емельян Захарович помрачнел.

— Ты что ж это, друг мой, — вскинув кустистые брови, произнёс дядя Емельян.

И вдруг до слуха его донесся шепот, как будто бы из-за двери.

«В штормовых условиях обычно уменьшают площадь парусов в соответствии с силой ветра. К штормовым парусам относят фор-стеньги-стаксель, штормовой фор-стеньги-стаксель, нижние марсели, зарифленный грот, грот-стень-стаксель и зарифленную бизань».

— Не думал, друг мой, что умеешь чревом вещать, — Емельян Захарович поднялся со своего места и пошел в направлении звука.

Приоткрыв осторожно дверь, он увидел, как Петька-цыган, согнувшись и завернув ладони возле губ трубочкой, шипит в щель между косяком и полотном двери точный ответ.

— Ах, вон оно что! — Емельян Захарович вытянул Петьку за ухо из его убежища. – Так вот кто экзамен то в Академии держал!

Елизавета Захаровна руками всплеснула.

— Да, неужели, ты, поганец, пес дворовый, именем барина своего назвался? — Возмущению барыни не было предела. Она даже стала задыхаться, и ее пышная грудь будто пыталась вырваться из тесного корсажа шелковой робы. — Пороть, пороть! — Елизавета Захаровна трясла руками над головой. — Матвейка!!

На истошный зов явился здоровенный детина.

— Выпороть!! — кричала Елизавета Захаровна.

— Кого, барыня, — озадачился детина.

— Дурак! Холопа Петьку!

Выпороли тогда на конюшне парня нещадно. Петька этого не забыл. Ершистый, своенравный, а теперь еще и образованный молодой холоп был очень уязвлен.

Петька, за смуглость свою, прозванный цыганом, в семилетнем возрасте был приставлен к маленькому барину слугой. Смышленый да шустрый, должен был он укачивать барского дитятю ночью, смотреть за ним, чтобы тот не плакал. Всегда был он виноват и бит розгами.

Петька рос сиротой. Мать его, крепостная крестьянка, умерла родами. Отца отправили в рекруты. Конюх Степан Демьянович только и жалел мальчонку. То пряник ему раздобудет, то рубашонку новую справит. Сообразительный Петька сам научился читать и писать. Бредил он морем и по ночам, пробираясь в хозяйскую библиотеку, читал при огарке свечи про царя Петра, про Федора Матвеевича Апраксина и про Александра Даниловича Меньшикова. Вырос Петька в статного красивого юношу, которого тяготила его холопская участь. Мысли его бунтарские о побеге становились все назойливей, и он всерьез задумывал, улучшив момент, сбежать из хозяйского дома в Кронштадт, завербоваться на какое-нибудь судно моряком.

***

Петьку нашли на голубятне. Устроила ему барыня очередную выволочку и велела собираться в путь.

Пока прощались с молодым барином, все бабы выли, а Елизавете Захаровне даже дурно сделалось. Петька стоял в стороне и из-под серой треуголки горели недобро и решительно его черные глаза.

Емельян Захарович дал напутственное слово племяннику, передал Петьке рекомендательные письма и, погрозив холопу кулаком, прошипел:

— Смотри мне!

Глава 3

На станцию добрались уже затемно. Смотритель сказал, что лошадей поменяет утром. Барин Дмитрий Павлович был в ярости, и опять-таки попало Петьке. До Петербурга еще шестьсот восемьдесят верст, а сил уже терпеть не находилось.

Парень сверкнул злобным взглядом. «Недолго осталось, увалень. Сейчас бы я сбежал, так ведь поймают, выпорют и в Сибирь. Не видать мне Кронштадта тогда, как своих ушей».

Натерпелся Петька за свои двадцать два года. Емельян Захарович хозяин был не свирепый, конечно, но провинностей с рук не спускал. На конюшне пороли крестьян люто. Но Емельян-то Захарович не так страшен. Как барин он был суровый, но справедливый, никогда в сердцах не наказывал, всегда разбирался. А вот сестрица его Елизавета Захаровна, та стерва невозможная. Сколько девок она велела запороть, как показалось ей, что «строят глазки» ее сыночку. Любительница охоты и борзых, заставляла молодых крестьянских матерей вскармливать грудью щенков. Тех, кто противился – под кнут.

На беду Петькину, воспылала вожделением к нему барыня-волочайка[2]. Виду Елизавета Захаровна слыла восхитительного: серые с поволокой глаза ее томно взирали из-под густых ресниц, алые губы манили порочной пухлостью, арбузные груди выпирали из декольте робы[3] пышной сдобой.

Петька-цыган, до поры худой чумазый мальчишка, стал входить в возраст. Сложением своим - чистый Аполлон, черты лица его восхищали мужественной гармонией, от взгляда Петькиных черных глаз по коже струились ручейки теплой истомы. Елизавета Захаровна, грозная помещица, «поплыла». Одним жарким июльским днем не пошла она подремать в тени, знала, что на реке Петька-цыган купает лошадей. Юноша выводил своего любимца, рыжего дончака, на берег, похлопывая жеребца по мокрой сильной шее и целуя его в морду, сам как есть, как в момент Сотворения. Нагнулся было за портками своими да рубахой, увидел перед носом шелковую юбку. Петька выпрямился, прикрыв срам руками.

— Что же ты, Петенька, бегаешь-то от меня? — улыбалась барыня, наматывая на руку Петькину одежду. — Второго дня же послала Фимку, сказать, что приду к тебе на сеновал, как стемнеет. А тебя не застала. Как же так?

— Простите, Елизавета Захаровна, — потупился Петька, от досады заходили желваки, — работы много было, умаялся, заснул в деннике[4].

Елизавета Захаровна по лисьи прошла вокруг Петьки, «лапая» его взглядом:

— Ладный ты какой, Петенька, ох, ладный! — барыня подошла к нему вплотную, запустила пятерню в Петькину шевелюру. Наслаждаясь густотой его черных кудрей, нежно взлохматила их. — Неужто я тебе не по нраву?

Петька промолчал. Слишком приторна, бесстыдна! Его замутило.

Вдруг голос Елизаветы Захаровны потерял вкрадчивость, пальцы ее больно дернули юношу за волосы:

— Смотри, холоп, с огнем играешь! Придёшь сегодня ко мне в опочивальню! Да, помойся, конюшней от тебя разит! — барыня бросила одежду в лицо Петьки.

Вечерело, в окне спальни барыни зазывно горела свеча, а милый друг не шел. Сидел горе-любовник на берегу реки, в раздражении и досаде швырял камушки в воду. Не пошел Петька, и подписал себе приговор на немилость господскую. Что бы не сделал, всегда был в виноватых. Вся спина исполосована от ударов батогами да кнутом.

А однажды приехала с визитом подруга Елизаветы Захаровны, помещица вдова Евдокия Ильинична Дурнова. Дебелая да рябая. Как увидела она ладного дворового паренька, так и заходила ее мощная грудь от волнения скверного. Отослала на ночь барыня в злорадстве челядинца в опочивальню Дурновой, да только непьющий Петька набрался самогону и валялся на конюшне в беспамятстве. Всыпали ему тогда сто плетей, после чего метался в горячке он в господском госпитале неделю.

Емельян Захарович, тот охоч был до девок и устраивал он в бане по субботам вроде античных развлечений. Баню он выстроил под стать римских терм, где желал он видеть сцены из жизни древних императоров. Петро для него был незаменим с его знанием латинского языка, (гувернеры-то учили Митюнушку, но, как всегда, вместо барского сыночка науку познал его слуга). Вот в одну из таких суббот и лишился Петька невинности.

Помимо совместных шалостей, нашел барин в молодце и незаменимого помощника в делах корабельных. Вместо племянника, на которого Емельян Захарович возлагал надежды, стал ему опорой холоп Петька-цыган.

Емельян Захарович в глубине души ценил смышленыша, даже думал дать парню вольную, да все как-то недосуг было. Так и остался до сего дня Петька крепостным при молодом барине.

***

В трактире на постоялом дворе кроме барина со слугой никого не было. Дмитрий заправлялся жареной свининой и пивом. Тучный немец, хозяин трактира, только и успевал подносить кувшины с пенным напитком.

— Вам бы остановиться, Дмитрий Павлович, — произнес Петька с ненавистью, — опять животом маяться будете.

— Молчи, дурак, — вытирая жирные алые губы, рявкнул Митюнушка, — учить меня будешь?

Петька горько хмыкнул. Опять всю ночь с ним возиться!

В трактир зашли новые посетители. Мужчина средних лет, плотного сложения, обстукивал с ботфорт грязь. Он держал в одной руке треуголку, а другой расстегивал тяжелый дорожный плащ. С ним была девушка лет восемнадцати. Она метнула быстрый взгляд на Петьку и его барина. Петька тоже посмотрел на нее и сразу отметил про себя, что серые глаза у девушки под красиво изогнутыми черными бровями, внешними уголками поддернутые к вискам. Ее черты не отличались гармоничностью. Нос – картошечкой, губы полные и немного бледные, обветренные. Девушка сняла капюшон плаща и на высокую грудь ее упала толстая коса цвета миндаля.

Когда новые посетители уселись за стол, хозяин трактира подошел к ним. Они что-то заказали и продолжили беседу, которая была прервана перед входом в заведение.

Петька ловил себя на желании вновь посмотреть на девушку. Она улыбалась мужчине за столом, показывая ровные белые зубки. При взгляде на нее, в Петькиной душе будто бы загорался теплый огонек. Эта пара создавала впечатление непонятного доселе ему душевного уюта, чистоты и доброты. Ему безумно захотелось подойти к ним, но перед ним чавкал Дмитрий Павлович, требуя к себе внимания. Петьке стало стыдно. Стыдно за свое холопское положение, за своего барина и даже за этот грязный трактир. Он опустил глаза и первый раз в жизни ему захотелось заплакать.

Барин, икая, тяжело поднялся из-за стола.

— Будешь спать на конюшне, — зевнул Дмитрий Павлович, — да не забудь насчет лошадей распорядиться.

После того как барин улегся спать, Петька вышел на воздух. Он поднял глаза к небу и тяжело вздохнул.

— Воображаю, каково это, быть в неволе у такого барина, — он услышал приятный женский голос справа.

Девушка стояла в нескольких шагах от него и тоже смотрела на звездное небо.

— Уж лучше не воображать, — ответил ей Петька.

Незнакомка без страха подошла к нему и, к его удивлению, протянула ему руку.

— Меня зовут Ксения Егоровна, — она улыбнулась на его нескрываемое замешательство. — А вас как?

— Петь…, Петром, — проронил он, все еще не придя в себя.

— А по отчеству?

— Алексеевичем, — ответил совсем растерявшийся Петька. И вдруг он спохватился. — А вас батюшка не заругает, за то, что вы с холопом разговариваете?

Ксения Егоровна засмеялась. У нее был звонкий заразительный смех.

— Бросьте, Петр Алексеевич, вы же все понимаете. — Девушка посмотрела на него, и улыбка исчезла с ее уст. — Батюшка считает, что рабство - ужасное явление, бесчеловечное и отвратительное.

— А у вашего батюшки много душ? — буркнул Петька.

Ксения Егоровна покачала головой:

— У нас нет крепостных. У нас слуги свободные, получающие жалованье.

— Вот как! А кто же ваш батюшка, Ксения Егоровна?

— Егор Иванович Давыдов, он архитектор и механик. Мы возвращаемся из Смоленска. Там у батюшки был заказ. Мы едем в Санкт-Петербург. В Университете ему предложили место.

Действительно, эта маленькая семья как будто была из другой жизни. Петька промолчал и опять посмотрел на звезды.

— А ведь вы образованный человек, Петр Алексеевич! – лукаво произнесла Ксения Егоровна. — Хотя вы пытаетесь это скрыть.

— А толку-то в том образовании! Скорби больше! – вздохнул Петька.

— Не грустите, Петр Алексеевич! — девушка улыбнулась. — Мне кажется, что у вас все будет хорошо. Вот увидите!

Петька не знал, что сказать. С ним никто и никогда не вел таких бесед. Разве только, что дядька Степан его гладил по голове, вздыхал да молился.

— Я слышал, что смотритель вам лошадей не дает, — ему захотелось сделать для этих людей что-нибудь доброе, — вы можете ехать с нами. Нам же по пути. Завтра я поговорю с барином.

— Благодарю вас! Как здорово! Ведь батюшка очень торопится! – Ксения Егоровна сияла. — Я обещаю, что у вас все будет замечательно, Петр Алексеевич! С хорошими людьми должно происходить хорошее!

Девушка пожала руку Петру.

— Ксенюшка, — услышали молодые люди, — спать пора!

— Уже иду, — откликнулась Ксения Егоровна.

Через полчаса, на конюшне, Петька, зарывшись в сено, уже начинал засыпать. Мрачные мысли отпустили его. Перед глазами стояло милое лицо Ксении Егоровны, а в душе звучал ее заливистый, как колокольчик смех.

Глава 4

Оливер проснулся как обычно. Голова страшно болела и совсем не хотелось идти на службу. Соблазн послать Джека, мальчишку, служившего у миссис Томпсон, в контору, предупредить о том, что он занемог, достиг невероятной силы. К тому же Оливер был озадачен. Три дня он опекал моряка Перселла, носил ему еду, выпивку и табак. Вчера, в обычное время Оливер с очередной порцией рома и снеди, отправился в одинокую хижину на берегу. Каково было его удивление, когда своего подопечного он не обнаружил.

Оливер прошелся по пляжу, но никаких следов исчезнувшего моряка не нашел.

Молодой человек оставил в хижине на всякий случай узелок с продуктами и отправился домой ужинать.

Оливер лежал и думал о моряке. Нет, на службу идти надо, иначе сведения дойдут до отца и быть неприятному письму из Бристоля с долгими нравоучениями и обещаниями оставить Оливера без гроша.

После того, как молодой Эшби совершил утренний туалет и собрался спустится вниз к завтраку, в дверь постучали.

На пороге с подносом стояла сама миссис Томпсон. Мистер Эшби удивился, но молча пропустил женщину в комнату. Он заметил, что лицо его квартирной хозяйки напряжено. Оливер подумал, возможно, женщину обуревает гнев.

— Доброе утро, миссис Томпсон, — учтиво приветствовал он хозяйку. — Вы здоровы?

— Да, да, мистер Эшби, — рассеянно произнесла она, накрывая маленький столик у окна.

Время от времени, миссис Томпсон бросала изучающие взгляды на своего постояльца, будто хотела что-то спросить. Вдруг она выпрямилась и решительно посмотрела на Оливера.

— Скажите, мистер Эшби, - произнесла хозяйка, как показалось Оливеру, с вызовом, — вам нравится моя дочь?

Мистер Эшби сначала опешил, но потом рассердился, он не любил вопросов такого рода, прямых и категоричных.

— Миссис Т-томпсон, — начал он. От волнения он стал заикаться даже на тех буквах, которые раньше не вызывали у него затруднений. — В-вы не находите, этот вопрос не с-совсем де-де-деликатен?

— О! Мистер Эшби! — вдруг простонала она. — Мне не до деликатностей! Моя дочка Лора попала в беду! Господи, хорошо, что ее отец не дожил до такого позора!

— Что случилось с мисс Лорой? — забеспокоился Оливер.

Миссис Томпсон странно посмотрела на молодого человека.

— Она забеременела, мистер Эшби, — и по еще щекам побежали слезы, — негодная девчонка доигралась. Я избила ее сегодня. Как мне быть? Это такой позор! Что скажет преподобный Джон Пейс? Боже, боже!

Оливер стоял и смотрел разыгранный спектакль, совершенно не понимая его значения.

— Миссис Т-томпсон, — Оливер взял себя в руки, — но я решительно не понимаю, чем я-то могу помочь?

— О, мистер Эшби, — вытирая лживые слезы, произнесла хозяйка, — вы такой благородный джентльмен, такой добрый и великодушный…

Здесь Оливер почувствовал неладное.

— Вы можете спасти от позора мою дочь, женившись на ней! — миссис Томпсон схватила его за руки, — не беспокойтесь, Лора будет вам хорошей женой, она освоила урок, сэр!

— П-послушайте, миссис Т-томпсон, — от негодования Оливер стал заикаться на каждом слове, — это п-просто не-не-неслыханно! В-вы хотите, чтобы я женился на женщине, к-которая сама не ведает от к-кого она за-за-забеременела? Мне мисс Лора н-н-нравилась, но не более того. А жениться на ней, чтобы п-п-прикрыть ее грех, это чересчур!

Взгляд почтенной женщины стал злым. Она отпустила руки Оливера и несколько раз с силой прошлась руками по переднику своему, будто что-то отряхивала.

— Что ж, мистер Эшби, видит Бог, я хотела все сделать по-хорошему! — и она вышла из его комнатенки, сильно хлопнув дверью.

***

К вечеру ветер усилился. Бедный Оливер Эшби, наскоро собравшись, с вещевым мешком за спиной со страхом и растерянностью пытался разглядеть в темноте шхуну, которая отплывала сегодня в Англию. Его душила такая злоба и обида, что впервые в жизни он шел и разговаривал сам с собой вслух. «Что же это т-такое? Где ж это в-видано, ч-ч-что бы невинного человека обвинять в ч-ч-черт знает в чем? Какая же все-таки хитрая и изворотливая д-д-дама? К-к-как я теперь с отцом объясняться буду! И я хорош, бестолочь!» Чем он хорош как бестолочь, Оливер уже не договорил. Наконец, он увидел кормовые огни шхуны «Королева Анна». По вантам карабкались моряки, был слышан звук боцманской дудки. Готовились к отплытию!

Оливер ступил на борт. Оглядевшись, он поднялся на мостик, где стоял капитан.

— Капитан Г-г-уд? — обратился он к низенькому, упитанному джентльмену, который басом раздавал команды, нервно перекладывая трубку с одной стороны рта в другую.

Моряк смерил Оливера свирепым взглядом.

— Я пассажиров не беру! — рявкнул он.

— Капитан, — не думая отступать, произнес мистер Эшби, — я за-заплачу вам любую сумму, к-к-которую вы запросите и...

— Капитан, возьми паренька! — Оливер с удивлением услышал знакомый голос. Он обернулся в сторону своего заступника и увидел Перси Перселла. — Возьму его помощником.

Капитан прищурился и пыхнул трубкой.

— Он тоже плотник? – недоверчиво оглядывая Оливера, наконец, произнес капитан.

— Да, — соврал Перси, — плотник.

— Ладно, Перси, — согласился капитан, — уведи его со шканцев, чтоб под ногами не путался!

Перселл и Оливер спустились в мастерскую корабельного плотника. Перселл прошел первым, повесил фонарь на крюк и повернулся к своему гостю.

— Чувствую, мистер Эшби, — улыбнулся моряк, — теперь вы попали в переделку. Проворовались?

Оливер в изнеможении уселся на узкую скамейку вдоль стены.

— Если бы, мистер П-п-перселл, — он горько усмехнулся. — Меня обвиняют в изнасиловании дочери моей к-к-квартирной хозяйки.

Перселл присвистнул.

— Да, уж, парень, — протянул он, — а с виду и не скажешь!

— П-п-перестаньте, мистер П-п-перселл, — Оливер пошарил глазами по мастерской. — Есть ли у ва-вас что-нибудь выпить?

— Найдем, — выставляя на верстак полную бутылку рома, сказал моряк. — Ну, рассказывай!

Он разлил крепкий напиток по кружкам. Оливер долго смотрел в свой сосуд и, потом залпом опрокинув его в себя, задохнулся. Моряк прыснул и похлопал парня по спине.

— С непривычки! — он продолжал стучать Оливера.

— Мисс Лора, — откашлявшись и глубоко, но порывисто вздохнув, начал свой рассказ мистер Эшби, — никогда не п-п-проявляла ко мне интереса. Не скрою,

что она мне нравилась, но около нее вечно вились какие-то п-п-поклонники. Я думал, она просто флиртует с ними, но как выяснилось, что не только. Видите ли, мистер П-п-перселл, после смерти отца я унаследую и торговую фирму, и к-к-контору, и дом в Бристоле.

— Да ты завидный жених, — хохотнул Перселл, снова разливая ром по кружкам.

— И это стало известно моей к-к-квартирной хозяйке. — Тяжело вздохнув проговорил Оливер, выпил. — Сегодня утром, она заявилась ко мне в комнату и п-п-потребовала, чтобы я женился на ее дочери, которая забеременела. Когда я отказался, миссис Томпсон стала угрожать мне, но, честно говоря, не п-п-придал этому значения. Ведь я почти не разговаривал с мисс Лорой. А вечером, когда я уже г-готовился к-ко сну, я услышал, как миссис Томпсон, фальшиво рыдая, говорила со с-священником и умоляла его призвать меня к ответу за то, что я обесчестил ее дочь. Я не стал ждать и решил убраться в Англию. — Подытожил Оливер и выпил.

— Ну, после твоего побега, уж точно все поверят в твою виновность, дружище, - покачал головой Перселл. — Да, скверная история. У нас такое правосудие, что, если кому понадобится, может и Святого духа обвинить в изнасиловании девы Марии.

— Что мне теперь делать, мистер Перселл, - сокрушенно качая головой, простонал Оливер, — когда дойдет до отца, вряд ли он поверит мне.

— Кстати, парень, — моряк улыбнулся, — захмелев, ты заикаться перестал. Ладно! — Перселл стукнул ладонью по верстаку, - спать ложись. Завтра решим!

Глава 5

Путь до Санкт-Петербурга теперь пошел бодрей. Хотя Петька, ехавший верхом рядом с каретой барина, испытывал смешанные чувства. Ему было отрадно каждый день видеть лицо Ксении Егоровны и ловить на себе ее взгляды украдкой. С другой стороны, ужасное и бесцеремонное обращение барина с холопом било по самолюбию Петьки, и он еле сдерживался, когда подвергался очередной порции ругани Дмитрия Павловича при Давыдовых. Но Ксения Егоровна однажды не сдержалась. Они сидели за ужином у станционного смотрителя.

— Как вы можете, Дмитрий Павлович, так разговаривать с человеком, который вам служит? — Ее щеки горели от негодования. — Вы пользуетесь своим положением хозяина, зная, что он не может вам ответить.

Дмитрий Павлович опешил. Он вырос с уверенностью, что крепостные не лучше домашнего скота и укор со стороны молодой особы прозвучал для него как оскорбление. По правде говоря, Ксения Егоровна очень понравилась ему. Он вспомнил уроки политеса и был галантен как никогда. Но теперь, услышав упрек из уст предмета своих симпатий, вдруг растерялся.

— Помилуйте, Ксения Егоровна, — выпучив глаза, протянул Дмитрий Павлович, — Холоп иного и не заслуживает. Характер у него скверный, да и нерасторопен.

В разговор поспешил вмешаться Егор Иванович, зная горячий нрав своей дочери, и опасаясь, как-бы Ксенюшка, которой был очень неприятен молодой барин, не высказала своего омерзения вслух.

— Ксенюшка, боюсь, что мы не можем указывать Дмитрию Павловичу, как ему обращаться…— и тут Егор Иванович запнулся. Он увидел взгляд Петьки, стоящего за стулом барина. Его черные глаза горели и во взгляде этом виделись и горечь, и ненависть, и вызов.

— «…как ему обращаться с имуществом…», — промолвил Петро вполголоса и потупился.

Дмитрий Павлович захохотал.

— Вот видите, Ксения Егоровна, — изрек он торжественно, — холоп знает свое место.

Барышня посмотрела на Петьку, потом встав из-за стола, произнесла:

— Простите, я устала, — пробормотала Ксения Егоровна. — Пойду, прогуляюсь.

— Да ведь, темно уже, — удивился Дмитрий Павлович, — Я провожу вас.

Ксения Егоровна усмехнулась.

— Вы так галантны, Дмитрий Павлович, — выпалила она с нескрываемой иронией, — но позвольте мне побыть одной. У меня разболелась голова.

Она поспешно вышла.

Вечер стоял замечательный. Весна входила в свои права. Уже воздух наполнился запахами просыпающихся от зимней спячки деревьев, дороги высохли и сквозь прошлогоднюю прелую листву пробивалась изумрудная трава.

Ксения Егоровна прошлась немного дальше постоялого двора. Горизонт багрянцем своим радовал взор. Девушка дала волю слезам.

«Что ж это такое?» - говорила она тихо. – «Так душа ноет, сердце разрывается. Скорее уже бы Петербург».

Так она стояла и плакала. Вдруг кто-то положил на ее плечи шаль. Она обернулась и увидела отца. Девушка опустила голову ему на грудь и разрыдалась.

— Что ж, доченька-лапушка! — проговорил он ласково, гладя ее по голове. — Больно тебе, милая, знаю! Хотел бы тебя оградить от этой мерзости, да куда ж податься! Пойдем-ка, лучше спать. Завтра засветло поедем. Уже немного осталось.

***

В Петербурге они расстались на Миллионной улице. Багаж у Давыдовых был невелик, и Егор Иванович сказал, что они до дому доберутся сами.

Дмитрий Павлович раскланялся и выразил надежду на скорую встречу и добрую дружбу. Петька спешился и стоял вдалеке, поглаживая добрую морду своего коня.

Ксения Егоровна, дождавшись, когда барин сядет в карету, подошла к Петьке и сунула ему в руку записку, не говоря ни слова.

Петька хотел сказать что-нибудь, но слова не шли. Егор Иванович стал прощаться и пожал Петру руку.

— Благодарю вас, Петр Алексеевич за содействие, — он улыбнулся, и его глаза превратились в забавные щелочки. — Если бы не вы, одному Богу известно, когда бы мы в Петербург попали.

— Не стоит благодарности, барин, — отрезал Петька и вскочил на коня, — хозяин мной доволен, да и будет.

Глава 6

Оливер проснулся от приступа тошноты. Накануне он переусердствовал с ромом, да еще эта невыносимая качка. Он оглядел плотницкую. Рвота уже была на подходе. Увидев деревянное ведро, он быстро схватил его. Когда первый

приступ прошел, Оливер только теперь услышал, что наверху происходит что-то неладное. Лязг металла, выстрелы, крики! Очевидно, на палубе шел бой. К горлу опять подкатила тошнота.

Вдруг все стихло. Качка убивала мистера Эшби, он обнял ведро и прислушался. Тишина на корабле уже начинала действовать на нервы. Оливер, почувствовал, что тошнота немного отступила и он, отставив ведро решил рискнуть и подняться на верхнюю палубу.

Не успел он открыть дверь каюты, как был схвачен чьими-то ручищами. Его выволокли на палубу. Солнечный свет больно резанул по глазам.

На палубе творился ад. Стонали раненые, лежали изуродованные тела убитых моряков, доски шкафута были залиты кровью, порванные паруса и такелаж полоскали на ветру. Команда «Королевы Анны» или вернее все, что от нее осталось, стояла вдоль правого борта, мрачно поглядывая на высокую крупную женщину в мужском платье. Она курила трубку и молчала. Вдруг взор ее оживился.

— Господи! — она выхватила взглядом знакомое лицо, — Перси, ты ли это?

Из кучки моряков выступил Перси Перселл. Он сделал вид, будто бы только увидел пиратку.

— Ба, Грейси, дорогая! — он распахнул объятия, — не думал, что встречу тебя так скоро! Приди ко мне, моя любовь, я так соскучился!

— Любиться будем потом, Перси, — недобро улыбнулась пиратка. — Ты нашел мое золото? Ведь я тебя отправила искать мое золото, которое ты у меня украл. Забыл?

— Какое золото, милая? – округлил глаза знакомец Оливера.

— Послушай, не строй из себя полоумного, — весело произнесла Грейс, — Я вышвырнула тебя за борт у берегов Ямайки, как ты помнишь. Ты сказал, что положил мои деньги в банк в Кингстоне. Ну? Я жду.

— Милая, давай не будем устраивать семейные ссоры при посторонних. — Он зазывно мотнул головой. — И я расскажу после порции нежностей, тебе, моя булочка, что стало с нашим семейным бюджетом.

Пиратка хмыкнула.

— Ладно, выбери из этих, — она кивнула на потрепанных матросов «Королевы Анны», — кого пошустрей да посмекалистей в команду к нам.

Оливер опешил.

— А что будет с остальными? — выкрикнул он и пожалел, потому что к горлу подкатила рвота. Он подбежал к борту и повис на леерах.

Пиратка вопросительно посмотрела на Перселла. Перси пожал плечами.

— Вот его можно взять, — небрежно сказал он.

— Этого доходягу? — Грейс была удивлена. — Поступай, как знаешь. Я на «Изумруд»

Пиратка подошла к трапу и стала спускаться в шлюпку.

***

На шхуне «Изумруд» царил аврал. Капитан стояла на мостике и курила трубку. Звали ее Грейс Моран и шел ей двадцать восьмой год. Биография Грейс, переполненная трагическими и под час ужасными событиями, могла стать материалом для интересного повествования. Еще в пятнадцатилетнем возрасте ей пришлось пережить и изгнание с собственных земель семьи Моран, и голод, и потерю близких, и рабство, и надругательство.

Будучи совсем юной, ее продали на Барбадос. Хорошенькую ирландку заприметил один из плантаторов. Он купил ее за три фунта и пообещал не отправлять на плантацию, если она согласится доставлять ему каждую ночь удовольствия. Грейс отказалась в самой грубой форме. Она ударила его. Мерзкий старик, в отместку отдал ее на «растерзание» надсмотрщикам. Но девчушку не так было просто сломать. Она сбежала.

Грейс под видом парня, нанялась на английское судно матросом.

Год одиссеи отважной девушки выдался спокойным, пока она не встретила Перси Перселла. Он ей понравился своим веселым нравом, бесшабашностью и умением ввязываться в интересные и выгодные авантюры. Они поженились, реквизировали шхуну и стали пиратствовать вместе. Время от времени они ссорились, но победительницей из всех склок всегда выходила Грейс.

И вот в очередной раз семья восстановилась. Шхуна «Изумруд» шла мягко, будто скользила по льду и бедный Оливер, который уже сидел в кают-компании корабля Грейс, чувствовал себя значительно лучше.

Когда супруги, наконец, выяснили свои денежные отношения, мистер Эшби решил осведомиться, что они намерены делать с ним.

— Олли, — обнимая стан супруги и попыхивая трубкой, произнес Перселл, — давай начистоту! На Ямайке тебя ждет виселица за изнасилование, которого ты не совершал – раз! В Бристоле ждет папаша, который тебя лишит наследства, потому что ты не довел его дел до конца в Кингстоне, да еще впутался в историю - два! — Перси улыбнулся во всю ширь своего рта, — делай выводы, сынок!

— Вы предлагаете мне стать пиратом? — Оливер произнес это сокрушенно и в то же время смиренно.

— Я всегда знал, что ты умный парень!

Оливер посмотрел в кормовое окно. Действительно, как-то вышло все нелепо. Он пожал плечами и произнес:

— Хорошо! Но ром я больше пить не буду!

Глава 7

Ксении Егоровне не спалось. Выдался суетный день. Как привезли оставшийся багаж из Смоленска, в доме царил ужасный беспорядок. Вдвоем со служанкой Феклой Ксения Егоровна мыла окна, натирала полы и протапливала комнаты целый день. К вечеру их с отцом маленький домик на Аптекарской улице приобрел вполне уютный вид, хотя чуланчик еще был завален неразобранными книгами. Ксения Егоровна просто падала с ног, но сон теперь не шел.

Апрельский день в Петербурге выдался пасмурным, и уже к вечеру сначала посыпалась ледяная крупа, но потом пушистые белые хлопья медленно и уютно стали укладываться на мокрые улицы города.

Ксения Егоровна села у окна и положив голову на руки, задумалась. Мысли ее были о Петре Алексеевиче. Ее сердце сжималось при воспоминании о нем. Какие же он должен испытывать душевные муки, когда, будучи умным и образованным человеком вынужден влачить существование раба. Перед собой Ксения Егоровна была честна. Ей хотелось увидеть его еще раз и говорить с ним. В каком-то

непонятном ей самой порыве, девушка тогда наскоро написала на клочке бумаги их с отцом адрес и сунула Петру Алексеевичу в руки на прощанье. Для чего? Он не может по своей воли прийти к ним.

В гостиной старые часы оповестили о глубокой ночи. Ксения Егоровна встрепенулась. Ей показалось, что в парадную дверь кто-то робко постучал. Она прислушалась. Нет, не показалось! Стучат. Девушка соскочила и мигом спустилась на первый этаж. Приоткрыв дверь, Ксения Егоровна обмерла. На пороге стоял Петька. Без шляпы и кафтана, в сорочке и камзоле, он весь промок и дрожал от холода.

Без слов она пустила его в дом и быстро, чтобы не разбудить Феклу и старого Евсея, провела его на кухню. В очаге еще теплились угли, и Ксения Егоровна кинула несколько поленьев в камин, которые стали медленно разгораться.

— Боже, Петр Алексеевич, — она засуетилась, потрогала чайник на очаге. Он был горячим, — вы же простудитесь!

У Петьки зуб на зуб не попадал, когда он попытался что-нибудь сказать. Ксения Егоровна метнулась к двери кухни.

— Подождите! — кинула она на ходу и исчезла.

Вскоре девушка вернулась с одеялом, сухой сорочкой и кюлотами.

— Вам нужно переодеться, Петр Алексеевич, — как-то смущенно сунув ему одежду, произнесла она.

Петька дрожал, а замершие руки совсем не желали его слушаться. Ксения Егоровна отвернулась к очагу и возилась с приготовлением чая. Не поворачиваясь, она спросила:

— Вы переоделись, Петр Алексеевич?

— Д-д-да! — наконец смог выговорить он. — Б-б-благодарю в-вас!

Ксения Егоровна усадила его на стул и по-матерински укутала в одеяло.

Потом она дала ему в руки большую глиняную кружку с душистым и горячим чаем. Напиток источал приятный аромат мяты и меда.

— Пейте, — проговорила она тихо, — сейчас вам главное согреться. Потом все расскажете, Петр Алексеевич. Надеюсь, мы никого не разбудили.

Петька кивнул, с наслаждением отхлебывая горячий чай. Он начал согреваться и щеки его горели.

— А я уже и не сплю! Да и Феклу вы разбудили, но я ее обратно спать отправил.

Молодые люди обернулись и увидели на пороге кухни Егора Ивановича. Он зевал и завязывал пояс бархатного халата, его коротко стриженые, начинающие седеть, волосы смешно торчали в разные стороны из-под ночного колпака.

— Батюшка! — кинулась к нему Ксения Егоровна. — прости!

Девушка не знала, что и сказать. Петька было привстал, но Егор Иванович, кряхтя, прошел мимо молодого человека, нажал ему на плечо, усадив обратно.

— Налей-ка и мне чайку, дочка, — устраиваясь на табурете напротив ночного гостя, произнес Егор Иванович.

Ксения Егоровна засуетилась и вскоре Егор Иванович, шумно дуя на горячую кружку, прихлебывал чай.

— Ну-с, молодой человек, — он изучающе посмотрел на Петра, — поведайте нам, что случилось? Ксенюшка, проверь ставни, голубушка, чтобы щелей ненароком не было.

— Простите меня, Егор Иванович, что в дом к вам вломился. Мне в Петербурге и податься некуда.

— Адрес-то узнали откуда? – хозяин хитро посмотрел на дочь, и увидев, как Ксения потупилась и покраснела, хмыкнул. — Ну, да ладно. Я слушаю вас, Петр Алексеевич.

Петька вздохнул и поежился.

— Нам с барином утром в Адмиралтейство, а он за горькую и за карты сел. — Петр помолчал немного, кутаясь в одеяло. — Проиграл он изрядно. И стал ко мне приставать, чтобы я деньги ему отдал, которые мне Емельян Захарович доверил. Я отказался, конечно. Барин в крик да за плеть. Я его руку удержал. Он даже с лица сошел от такого. Поносить стал всяко, ну я его и ударил…два зуба ему выбил…деньги ему в физиономию кинул, а потом как был, я и выбежал на улицу. Сам не знаю, как это получилось, но уже мОчи нет терпеть его издевательства.

Егор Иванович допил чай и прокашлялся.

— Да уж, молодой человек, — проговорил он задумчиво, — дело скверное. Тайной канцелярией может закончиться.

Ксения Егоровна ахнула, поднеся руку ко рту. Петька понурился. Он сам понимал серьезность своего положения. Все, о чем он мечтал, теперь стало для него недосягаемым: и Кронштадт, и море, и воля.

Егор Иванович помолчал, внимательно глядя на своего ночного непрошенного гостя.

— Вот что, Петр Алексеевич, — сказал он, наконец решительно — поживете у нас пока, но придется схорониться в чуланчике. Тайная канцелярия везде свой нос просунет. За слуг не беспокойтесь. Фекла не говорит ничего с тех пор, как ее десятилетнего сына барин велел запороть за то, что суп ему на колени пролил. Да и не будет она вас выдавать. — Егор Иванович нахмурился, будто вспомнил что-то неприятное. — Евсей тоже не из разговорчивых. Кухарка приходит только по воскресеньям, а так Ксенюшка готовит. А вам высовываться нельзя. Посмотрим, может что и придумаем. — Егор Иванович хлопнул себя по коленям и встал. — Ксенюшка, устрой получше Петра Алексеевича. Утро вечера мудренее.

В чуланчике Ксения Егоровна организовала все замечательно. За стопками книг, которые теперь невольно служили ширмой, на топчане, она постелила две перины и принесла еще одно теплое одеяло. На старый стул постелила кружевную салфетку и поставила свечу в изящном подсвечнике. Принесла маленькое удобное кресло. Постаралась!

Петька, зайдя, улыбнулся.

— Вы, Ксения Егоровна, меня балуете. Я же больше привык на конюшне спать да в людской на лавке.

— Голодны вы, наверное, Петр Алексеевич? — осведомилась девушка.

Петька едва заметно кивнул.

— Я сейчас! – и Ксения Егоровна исчезла за дверью.

Вскоре она явилась с подносом, на котором красовались кусок румяного пирога с грибами и крынка с молоком.

— Вот, сама пекла, — смущенно проронила девушка, поставила на стул рядом со свечой поднос и деликатно удалилась, пожелав Петьке спокойной ночи.

Когда пирог был съеден и молоко выпито, Петр буквально свалился на перины, ощутив невероятное блаженство, будто попал в облако. Он укутался в приятно пахнущее одеяло и спокойный глубокий сон быстро овладел им. Петька даже не услышал, как кто-то зашел к нему в чуланчик. Ксения Егоровна решилась зайти.

Убедившись, что гость крепко спит, она провела рукой по его черным волосам, а потом робко прикоснулась губами к его высокому лбу. Задув свечу, про которую Петр забыл, она вышла и поднялась к себе.

Глава 8

Утро встретило Петра ароматом кофе. Нездешний манящий запах, так и щекотал ноздри еще сонного беглеца. Он проснулся, дверь в его чулан была приоткрыта. Потянувшись, подумал, «хорошо бы до ветру». Егор Иванович велел не высовываться! Неловко-то как!

В чулан вошла женщина на вид вроде бы и молодая, лет двадцати восьми, но в волосах легли седые пряди, а во взгляде будто застыло мрачное страдание. Она только кивнула Петьке, поставив принесенное ею ведро, в темный угол чулана. Это была Фекла. Выйдя деликатно на какое-то время, она вернулась с кувшином воды и большой лоханью под мышкой и жестом показала беглецу, что она поможет ему умыться.

Фекла без церемоний провела своей ладонью по Петькиному лицу и покачала головой. Он догадался. Суточная щетина выглядит неряшливо. Фекла опять исчезла и вернулась с приборами для бритья. Когда с утренним туалетом было покончено, Фекла удалилась. В доме стояла тишина, через щель между дверью и косяком пробивался серый свет, говорящий, что на улице идет снег и небо затянуто. Петька взял одну из книг внушительной стопки и, устроившись удобней на перине и подушках, принялся читать. Времени теперь у него много. Пока не прояснится с Петькиной дальнейшей судьбой, можно отдохнуть за все годы своего холопского существования.

В руках у него оказался редкий фолиант: Франсуа Фенелон «Приключения Телемака». Петька погрузился в чтение, дабы не обращать внимание на чувство голода, уже одолевшего его.

Когда Богиня Миневра под видом наставника Ментора на разных примерах объясняла Телемаку, сыну Одиссея, обязанности и опасности королевского правления, в чулан вошла Ксения Егоровна с подносом.

— Доброе утро, Петр Алексеевич! — улыбнулась девушка, ставя поднос с завтраком на стул рядом со свечой. — Как почивали? — Петька заметил, как щеки девушки зарделись, когда он посмотрел на нее.

— Великолепно, Ксения Егоровна, — проговорил он, не сводя с нее взгляда. Ему нравилось милое смущение девушки. — Выспался и чувствую себя хорошо.

Только неловко, что вам столько хлопот доставил.

— Полноте, какие хлопоты. Вы кофе пьете?

— Не пробовал, Ксения Егоровна, — продолжая из озорства смотреть на нее, признался Петр. Лицо девушки пылало… — Кофе только господа пили, мы больше квас да воду.

Ксения Егоровна налила заморский напиток в изящную фарфоровую чашечку, и сама намазала горячую сдобную булку маслом. Петька принял угощение из ее рук.

— А сами вы, Ксения Егоровна, завтракали? — осведомился Петька, прикладываясь к диковинному напитку. Кофе ему пришелся по вкусу и ароматом, и крепостью.

— Нет, – ее голос немного сорвался, и она откашлялась, прикрывая рот рукой. — Батюшка ушел куда-то рано утром, я его подожду. С вами посижу.

Петро ощущал себя странно. Вчера он был холоп. Спал на конюшне, ел, когда придется. Не минуты покоя, постоянно виноват, чтобы не сделал. Эту ночь он хоть и провел в чулане, но провел ее на мягких перинах, после вкусного и сытного ужина. А утром завтрак ему принесла милая молодая барышня.

— А вы случайно не ведунья, Ксения Егоровна, — улыбнулся Петька, ставя пустую чашку на поднос. — Обещали мне, что все хорошо будет, вот оно и сбылось.

— Где ж сбылось-то, Петр Алексеевич! – она грустно хмыкнула. — Вы в бегах, за вами Тайная канцелярия охотится, а впереди одна неизвестность. — Она поднялась и взяла поднос. — Сейчас я отнесу посуду, вернусь и вы мне о себе расскажете. Согласны, Петр Алексеевич? Время скоротаем.

Петьке понравилось предложение. Его радовала перспектива общения с Ксенией Егоровной, и Петр Алексеевич кивнул в ответ, подумав, что Фенелон может и подождать.

***

— Матери я своей и не помню, Ксения Егоровна. Мне было два года. Она в поле работала, рожать начала. Да вот кровью вся и изошла. Младенец мертвым родился. А вот отец мой, Алексей Михайлович…

— Надо же какие имена у вас царские, Петр Алексеевич, — перебила его девушка.

Петр только пожал плечами и продолжил:

— Мой отец кузнецом был знатным, на всю губернию славился. Барин наш, покойный Назаров Павел Сергеевич очень его ценил. Вольную ему написал, да вот случилась скверность. Уехал он по надобности в Москву. А барыня наша… Елизавета Захаровна решила зазвать на ночь отца к себе. Мужчиной он был видным. Отец в отказ, а барыня его на следующий день в солдаты. — Петька замолчал, пытался справиться с гадким чувством. — Где это видано! Кузнеца — в солдаты! Вольную нашла у Павла Сергеевича, порвала в клочья. Когда вернулся барин из Москвы, ему преподнесла Елизавета Захаровна все в черном свете. Сказала, что отец, мол, брошь ее бриллиантовую украл. Павел Сергеевич не поверил. А она истерику закатила. — Петро провел рукой по волосам и покачал головой, будто хотел избавиться от неприятных воспоминаний.

— Петр Алексеевич, — девушка подняла на него глаза, полные слез, — душа на части рвется. Но может вернется еще ваш батюшка, обнимет вас и подивится тому какой у него сын вырос замечательный.

Они посмотрели друг на друга. Беда, нависшая над беглецом, будто растворилась, исчезла. Петька утонул в раскосых серых глазах Ксении Егоровны, в них видел он целый мир, океан доброты и сострадания и в то же время невероятную для нежной девушки отвагу, отвагу золотого сердца.

Вдруг Ксения Егоровна спохватилась. Как-то засуетилась, опять покраснела.

— А ведь мы Давыдовы из крепостных, — сказала девушка, вытирая слезы. Заметив удивление во взгляде Петра, она улыбнулась. — Да, да, Петр Алексеевич! Дед мой Иван Лукич был плотником, попал на воронежскую верфь, где строился флот. Его заметил сам государь Петр Алексеевич, — Ксения Егоровна бросила на Петьку выразительный взгляд, — приблизил к себе. Вольную ему дал, потом и землями одарил, учиться отправил делу корабельному. А батюшка мой с самим Михайло Васильевичем Ломоносовым знакомство свел у Вольфа[5].

Вдруг Ксения Егоровна встрепенулась.

— Батюшка вернулся!

После завтрака Егор Иванович зашел в чулан. Он уселся в кресло против Петьки и хлопая по коленям, произнес:

— Ну-с, молодой человек, — Егор Иванович потер подбородок, — наделали вы дел! Вас по всему Санкт-Петербургу ищут. Слухи скверные поползли. И…

Договорить ему не дала Фекла. Она вбежала в чулан, размахивая руками и страшно выпячивая глаза. Егор Иванович покачал головой.

— Вот и Тайная канцелярия нагрянула.

Он встал, и покашливая вышел из чулана. Ксения Егоровна не растерялась, схватила Петьку за руку и толкнула его за зиккураты книг. Девушка быстро скрутила постельное белье и этим внушительным свертком прикрыла беглеца. Сама уселась на голом топчане и взяла в руки «Приключения Телемака». Она слышала, как отец разговаривает с поручиком.

«В чем дело, поручик? — Ищем беглого холопа дворянина Назарова. — А причем здесь мой дом? — Простите, господин Давыдов, но Дмитрий Павлович сказал, что он знаком с вами и возможно его холоп мог прийти к вам. — Вот, как! Что ж, поручик! Ваша служба. Обыскивайте!»

Время обыска, казалось, тянулось невероятно долго. Когда солдаты заглянули в чулан, их взору предстала девушка, сидящая на топчане и раскладывающая книги в аккуратные стопки, распределяя их по формату.

Ксения Егоровна с испугом посмотрела на сыщиков. Один из солдат прошел внутрь чулана и огляделся. Он ещё раз бросил взгляд на Ксению Егоровну, которая уже недовольно хмурила брови и направился прочь.

Когда за сыщиками закрылась дверь, Ксения Егоровна обмякла.

В чулан зашел Егор Иванович. Петька, покинув свое убежище, произнес:

— Я подверг вас ужасной опасности. Если бы они обнаружили меня…

— Ну, если бы да кабы, Петр Алексеевич, — перебил его Егор Иванович. — Теперь мы вне подозрений, но надо быть осторожными. И у меня есть одна задумка. Вы, Петр Алексеевич, вроде вместо своего барина в морской академии учились.

— Да, закончил с отличием. Присвоено звание мичмана.

— Вот и славно, Петр Алексеевич, вот и славно!

Егор Иванович даже повеселел и когда поднимался по лестнице, что-то стал напевать.

— Фекла! — послышался его голос уже на втором этаже. — Сделай-ка мне ванну! И чаю! И водочки принеси!

Глава 9

Шхуна «Изумруд» встала на рейде у Багамских островов. Капитан Моран, оставив Перселла на борту корабля за старшего, сама сошла на берег, разодевшись в пух и прах, но все же в мужское платье. Губернатор ждал пиратку к себе на аудиенцию. Грейс, собираясь спуститься по трапу к шлюпке, метнула гневный взгляд на Перси.

— Смотри мне Персиваль, чтобы никаких костей мне! Я крайне, — она сурово кашлянула, — крайне буду удивлена, если шхуна останется в первозданном виде! И, кстати, смотрите в оба! Должен прийти этот чертов англичанин Осборн, если не подох по дороге. У него двенадцати пушечный бриг «Гордость королевы», если ты помнишь.

Перселл послал капитанше воздушный поцелуй.

— Я все сделаю, чтобы ты осталась довольной, моя булочка!

Шлюпка Грейс Моран отвалила от борта.

Визит к губернатору Багамских островов, вещь весьма обыденная для капитана Моран, мог затянуться на два или даже три дня. Губернатор обделывал свои делишки, пользуясь услугами пиратов. А капитан Моран славилась своим непревзойденным нюхом на авантюры, приносящие в последствии неплохой доход. Это было взаимовыгодное сотрудничество. Губернатор предоставлял остров для укрытия пиратов, те в свою очередь обогащали главу части британского королевства, в обход казны.

Стояла невыносимая жара. Матросы драили палубы, чинили паруса, приводили в порядок и чистили оружие… Обычная работа на корабле, тяжелая. Персиваль, конечно, не утруждал себя, взяв на себя полномочия капитана. Извлекши из кубрика бедного Оливера, который только пришел в себя от нового приступа морской болезни, дал ему в руки скребок.

— Что я должен с этим делать? – мистеру Эшби совсем не хотелось на жаре соскребать грязь с палубы.

— Сынок, — дружески улыбнулся Перселл, — так уж вышло, что ты стал моряком, и для тебя начались суровые будни. Но есть и приятные стороны!

Правда, позже! — он засмеялся и вдруг его смех стих. Он вскинул руку с подзорной трубой и, глядя в нее, осклабился. — А вот и наша подмога! Осборн, дорогой, как же мы по тебе соскучились.

***

Солнце уже перекатило к закату, но жара не спадала. Бриг «Гордость Королевы» стал борт о борт с «Изумрудом».

Моряки решили освежиться. Они спустили шлюпки меж кораблей на воду и образовали из них круг. Матросы с криками и хохотом плюхались с шлюпок в воду, наслаждаясь прохладой и свежестью моря после изнурительного труда.

Оливер не купался. Во-первых, он не умел плавать, а во-вторых, он панически боялся одного вида синей бездны, рождающего в его воображении нечто чудовищное. К мистеру Эшби подошёл мокрый и довольный Персиваль и с хитрой улыбкой произнес:

— Олли, дружок, тебе не мешает освежиться.

Оливер посмотрел на него, как мог беззаботней. Он надеялся, что моряк шутит.

— Увольте, мистер Перселл, я не любитель п-п-подобных развлечений.

— Ох, Олли, что-то мне подсказывает, что ты боишься, — шутник подмигнул кому-то за спиной мистера Эшби, молодого человека подхватили с двух сторон и бросили за борт. — Это будет твое крещение! — последнее, что услышал полный ужаса Оливер.

Он сразу пошел ко дну под дикий взрыв хохота.

— Твою ж мать, — послышалось с брига на непонятном морякам языке, — он же тонет! Сучье племя!

Кто-то прыгнул с борта «Гордость королевы». Сильные руки подхватили уже наглотавшегося воды мистера Эшби и вынесли его на поверхность.

Оливер очнулся на борту брига. Над ним склонился загорелый молодой человек, с его длинных черных волос капала вода на лицо несчастного. Когда мистер Эшби открыл глаза, его спаситель мотнул головой и произнес на каком-то странном языке:

— Очнулся, бедолага! С воскрешеньем! Ну и дерьмовые шуточки у твоих друзей!

Черноволосый кинул злобный взгляд в сторону «Изумруда».

— Сэр, — прохрипел Оливер, — Спасибо вам!

— «Фенкью, фенкью», — передразнил его на ломаном английском спаситель Оливера, — таких друзей иметь и врагов не надо, - опять он заговорил на своем непонятном языке.

— Молодец, Питер, — крепкий невысокий человек хлопнул черноволосого по спине. — Надеюсь, этот парень стоит твоего поступка.

Спаситель Оливера встал во весь рост. Высокий, стройный, он медленным движением рук загладил свои мокрые волосы назад и сказал на английском языке с сильным акцентом:

— Знать бы наперед, кто из нас чего стоит…— он протянул руку Оливеру, обратившись к нему, — пойдем, тебе дух перевести нужно. Идти-то можешь?

Оливер поднялся и произнес:

— Да, сэр, конечно!

— «Сэр», — парень усмехнулся, — обопрись на меня, пошли.

Глава 10

Черноволосый молодой человек отвел Оливера вниз в кубрик. Мистер Эшби чуть дышал. Спаситель Оливера, снимая мокрую одежду, одной рукой открыл небольшой сундук. Он извлек оттуда сухую сорочку, и кинул ее мистеру Эшби.

— А к-как же вы, сэр? — спросил спасенный, видя, как черноволосый повесил свою мокрую рубашку на веревку гамака.

— Высохну, — буркнул он.

Оливер не знал, как начать разговор с этим мрачным на вид моряком. Странность — несмотря на неразговорчивость и недружелюбность его спасителя, Оливер испытывал к этому человеку не поддающуюся объяснению симпатию. Он сделал еще одну попытку вовлечь в разговор парня, который уже взлез в свой гамак и прикрыл глаза.

— К-к-как вас зовут, сэр?

— Вот заладил, «сэр-сэр», — пробормотал черноволосый на своем языке, садясь в гамаке. — Питер, Питер Кингли, мичман. Я через два часа заступаю на вахту. Мне нужно выспаться. — Молодой человек говорил по-английски медленно, как будто подбирая слова.

— П-п-простите, мистер Кингли, — попытался улыбнуться Оливер, — я доставляю столько хлопот. Меня зовут Оливер Эшби. Я вам чрезвычайно б-благодарен за свое спасение.

Взгляд мистера Кингли потеплел. Он протянул руку для пожатия Эшби.

— Вот и познакомились, только давай без твоих этих «мистер» да «сэр».

— Д-давай! – согласился Оливер. — п-прости, меня одолевает любопытство. Ты п-плохо говоришь по-английски и…

Питер лег в гамаке. Он прикрыл глаза и произнес:

— Учил английский на ходу. Я здесь всего полгода. Я - русский.

Оливер до сих пор знал только, что существует такая страна Россия далеко на Севере, что там холодно, что был русский царь Петр, который приезжал в Англию учиться корабельному делу. Вот и все его знания!

— П-прости, П-питер, я мало знаю про т-твою страну.

— Вот и хорошо, — посмотрел на своего собеседника Кингли. Он опять сел в гамаке. — Разумею, ты мне спать не дашь, пока свое любопытство не утолишь. Но так и мне интересно.

— Спрашивай, — с готовностью произнес Оливер.

— Ты как на «Изумруд» попал? Ведь ты не моряк, это сразу видно и хилый ты какой-то. Я знаю кто такая Грейс Моран. Это гром-баба, пиратка! Ей лучше под горячую руку и не попадать! — Питер опять перешел на русский язык. — Черт, как-же мне тебе объяснить? Хреново…

Оливер заслушался. Ему нравилась страсть, с которой его товарищ говорит на родном языке и повторил последнее слово очень мягко и как-то певуче:

— Хре-новоо! Красиво!

Кингли хохотнул.

— «Бьютефул»! Жестче надо говорить, с напором, Оливер! Чтоб душа зазвенела!

Оливер опять повторил и оба молодых человека засмеялись.

Так как первую часть своей эмоциональной тирады, Кингли сказал на языке Оливера, Эшби ответил, все еще улыбаясь:

— Я вынужден был бежать с Ямайки, П-питер. И в Англию мне д-д-дороги нет, вот и пришлось остаться с п-пиратами.

— А почему удрал?

Мистер Эшби вздохнул. Его снова обуяло раздражение от сознания нелепости ситуации, в которой он оказался.

— Мисс Лора к-красивая девушка, она мне нравилась, но я ей был не по вкусу. Она даже не разговаривала со мной, просто мисс Т-томпсон любила п-п-посмеяться. Но ее мать решила меня женить на ней, меня обвинили в изнасиловании. От от-тчаяния я и сбежал.

— Да! Попал, как кур в ощип! —проговорил тихо Питер по-русски и, видя недоуменное лицо товарища, добавил по-английски, — Везунчик!

— А к-какая у тебя история?

Кингли помрачнел. Он опять улегся в гамак.

— Давай спать, Олли! Мне вахту нести.

— П-прости, П-питер! Спи, конечно! — Оливер вдруг вспомнил о своих вещах, оставленных на «Изумруде», он хотел было сказать своему новому товарищу, но передумал.

Питер Кингли будто бы прочел его мысли.

— Завтра поговорю с капитаном. Останешься у нас на борту. Вещи заберем. Если замутит, в углу стоит ведро.

***

Гамак мерно и убаюкивающе покачивался и мичмана Питера Кингли, - Петьку — одолела дремота, но сон не шел. Разговор с его новым знакомцем воскресил мысли о Ксении Егоровне. Воспоминания травили душу, а осознание того, что он больше не увидит девушки, ставшей для него дороже жизни, сводило его с ума.

После того как ищейки Тайной канцелярии побывали в домике на Аптекарской улице, Егор Иванович стал уходить из дома с раннего утра до позднего вечера, вернувшись, ужинал, а потом запирался в кабинете и что-то писал.

Ксения Егоровна день-деньской пропадала в чуланчике. Молодые люди читали друг другу книги, весело разыгрывая диалоги героев, рассматривали атлас Кириллова, воображая себя путешественниками, а Петька рассказывал смешные истории о курьезных случаях на охоте с Емельяном Захаровичем. Ему нравился звонкий смех Ксении Егоровны и готов был из любого заурядного приключения сотворить забавный рассказ.

Дверь в чулан была приоткрыта и каждые десять минут перед молодыми людьми возникала Фекла, строго смотрела на Петра.

Три дня в жизни беглеца, наполненные радостью, покоем и душевностью словно целебным эликсиром наполнили его израненную душу. Сознавая хрупкость и недолговечность этого счастья, он даже не желал думать, что будет дальше.

Третий день выдался солнечным. Ксения Егоровна и Петька открыли атлас. Девушка, воображая себя путешественником и весело предлагая собеседнику «прогуляться» по уральским горам, так была увлечена, что не заметила на себе пристального взгляда Петра.

Ее милое лицо озарялось полоской света, бившей из приоткрытой двери, упругая девичья грудь в узком лифе робы поднималась и опускалась от ровного дыхания подобно морской волне. Петька не удержался и нежно прикоснулся губами к ее щеке. Ксения Егоровна не вздрогнула, не возмутилась. Только потупилась. Петька заметил, как загорелись ее щеки.

— Почему вы это сделали, Петр Алексеевич, — тихо спросила она.

И вдруг повернула голову и посмотрела на него.

— Простите, Ксения Егоровна, — проговорил он, но глаза не опустил, — я оскорбил вас?

Губы девушки слегка тронула улыбка.

— Помните, как у Лопе де Вега, Петр Алексеевич? «Любовью оскорбить нельзя!»

Петр хотел ответить Ксении, но в дверях опять показалась Фекла. Она уже не глядела сурово, женщина жестами показала, что к дому подходит Егор Иванович.

Профессор Давыдов Егор Иванович воспользовался своими связями и положением друга самого Ломоносова. Он справил паспорт для Петьки на имя мичмана Питера Кингли. Договорился с капитаном брига «Гордость Королевы», судна весьма сомнительного, но по крайней мере менее опасного, чем Тайная канцелярия. Вольную получить для Петьки сталось делом пока невозможным, но Давыдов не терял надежды. Сам Ломоносов обещал пособить. Егор Иванович принес одежду для Петьки и велел собираться. На рассвете бриг покидает Санкт-Петербург.

Егор Иванович должен был встретить Петьку на пристани. Молодые люди прощались у черного входа. Ксения, силясь улыбнуться, протянула было Петьке руку. Но потом медленно подошла к нему и уткнулась головой в его грудь. Он едва подавил желание обнять девушку.

— Петр Алексеевич, неужели мы больше не увидимся?

Захлестнуло Петьку отчаяние. Не стал крепиться. Прижал Ксению к себе со всей страстью.

— Ты же у меня ведунья, голубка моя, Ксюша! — прошептал он, сердце бешено колотилось и сжималось от боли одновременно.

— Как ласково-то, Петрушенька…

Вдруг разжал он объятья, покачал головой:

— Зачем же все так вышло, ведь беглый я! Дурак! Забудьте меня, Ксения Егоровна!

Петька взял ее за руки. Последний раз посмотрел в раскосые серые глаза, нахлобучил треуголку и вышел.

***

Гамак мерно раскачивался, и Петька уже дремал и виделась ему полоска света на милой щечке и сердце ныло невозможно.

Глава 11

Проход через мыс Горн стал для Оливера не просто испытанием. Возможно, если ад существует, как думал молодой Эшби, то он должен выглядеть именно так. Огромные волны, пронизывающий западный ветер, сбивающий с ног бывалых

моряков, серая мгла вместо неба.

Единственным счастливым обстоятельством Оливер считал то, что он теперь являлся частью экипажа брига «Гордость королевы». Правда, капитан Осборн, оглядев его с ног до головы оценивающим взглядом, никак не мог понять, чем может быть полезен этот худосочный, не ведающий морского ремесла юноша.

— На что мне этот балласт, Кингли, — ответил он Питеру на просьбу оставить мистера Эшби на борту.

— Парень он жилистый, — возразил его мичман, — остальному я его научу. — Питер хмыкнул.

— Дело твое, Кингли, — согласился капитан, — я с ним возиться не стану.

Пока шли вдоль восточного побережья Южной Америки, Петька учил Оливера вязать узлы, отличать ванты, фордуны и штаги [6]от фалов, брасов, галсов [7]и прочего. И к мысу Горн мистер Эшби вполне сносно разбирался в названиях парусов, добирался по выбленкам до марса-рея[8] без паники и не путал грот-стеньгу с фор-стеньгой.[9]

Внешне Оливер тоже изменился. Он окреп, его мышцы налились силой, кожа, получив добрые порции солнечного света, стала отливать бронзой, и зеленые глаза, раньше казавшиеся бесцветными, теперь выгодно выделялись на загорелом лице.

Петр и Оливер очень привязались друг к другу. Их сблизило положение изгоев. Оба неразговорчивы, причиной чего были плохое знание английского языка Петьки и заикание Оливера. Оливеру нравилась грубая честность его русского друга, а в мистере Эшби Петр нашел искреннего и верного товарища.

***

Бриг «Гордость королевы» и шхуна «Изумруд» зашли в небольшую бухту у северо-западной оконечности побережья Перу на закате. На совете, состоявшемся на шхуне, решили разведать обстановку. Вызвался Питер Кингли:

— Я пойду!

Грейс посмотрела на молодого моряка, пыхнув трубкой. Она давно присматривалась к красивому мичману из команды Осборна. Ей нравилось его мастерство моряка, его неразговорчивость и решительность. И капитан Моран

строила планы, как переманить Питера Кингли в свою команду.

— Валяй, Кингли! — согласилась Грейс. Она руководила всем предприятием, у нее были все сведения и карта. — Есть у испанцев одна задумка. Два корабля у них для отвода глаз, а вот третье загрузят серебром и храмовыми сокровищами. Так что не подведи! У нас не будет времени на ошибку. Ты один пойдешь?

— Да, — ответил Питер, надевая треуголку и засовывая за пояс два пистолета.

— Я п-п-пойду тоже, — пираты с удивлением переглянулись. Голос подал бывший доходяга Оливер Эшби.

Только сейчас Грейс заметила, как изменился неприметный юноша. Его когда-то сутулые плечи развернулись, а во взгляде появилась уверенность и вызов. «А он красавчик!» — подумала капитан Моран.

— Вот еще! — возразил Питер, — я и один справлюсь.

— Одному идти опасно, П-п-питер, — настойчиво возразил Эшби, — ты от меня не от-от-отвяжешься.

Грейс и Осборн переводили взгляд от одного упрямца к другому.

— Вот что, детишки, — рявкнула она, — мое решение, пойдете оба!

Петька сердито взглянул на Оливера.

Кингли и Эшби погрузились в шлюпку. Оливер молча показал Петьке на небольшой грот, где можно оставить лодку.

— Глазастый! — буркнул Питер. — Не зря напросился.

Берег, скалистый и высокий, казался неприступным. Моряки, пройдя по воде немного, стали взбираться наверх. Вскоре они увидели мачты испанских кораблей, на пристани происходило активное движение. Питер и Оливер расположились на плоской скале, прекрасно подходящей для наблюдательного пункта.

— Смотри, Питер, — Оливер показал на группу испанских моряков, которые при свете факелов катили большие бочки к галеону. Одна из них выскользнула из рук грузчиков и плюхнулась в воду. — Там явно не серебро. Очень уж они спокойно отнеслись к ее потере.

В бухте стоял галеон, 28-пушечный фрегат и 24-пушечный бриг. На все суда моряки грузили бочки и ящики.

— Вот что, Олли! — прошептал Петька, и его глаза блеснули азартом. — Я подойду ближе, ты остаешься здесь.

— Ты с ума с-с-сошел! — не поверил своим ушам Эшби. — Что ты с-с-собираешься делать?

— Помогу ребятам с погрузкой, — блеснул белозубым оскалом Петька. — Авось не подведет! — и моряк исчез в темноте.

Оливер наблюдал со страхом за своим другом. Питер сначала исчез из виду, но потом удивлению Оливера не было предела. Петька, вероятно оглушив одного из испанцев, уже в мундире несчастного, нес большой ящик, который казался очень тяжелым.

— Что это у него за «Авось» т-т-такой! Он с-сумасшедший!

Работа у испанцев кипела и к рассвету все три корабля были готовы к отплытию. Безмятежная обстановка, мерное шуршание волн и предрассветный бриз убаюкали бедного Оливера. Он задремал, как не старался противостоять малодушному желанию поспать. Он очнулся от того, что рядом с ним кто-то тяжело плюхнулся.

Уже забрезжил рассвет и Оливер, протирая глаза, заметил совершенно довольную мину Питера.

— Серебро на бриге, — произнес Петька, отхлебывая из фляги воду.

— Черт, П-п-питер, — сам не свой от изумления произнес Оливер. — Ты с-с-сумасшедший!

Петька хмыкнул.

— Возвращаемся на «Изумруд».

***

Пираты, подобные волчьей стае, бросились в погоню. Их легкие и быстроходные суда настигли без труда груженые корабли испанцев. Пока тяжелые галеон и фрегат разворачивались для маневра, бриг уже был «отбит». Команда «Изумруда» пошла на абордаж, «Гордость королевы» прикрывала атаку пиратов

артиллерией. Когда испанцев загнали на корму, к штурвалу встал Питер Кингли. Он привел испанский бриг в крутой бакштаг[10]. Артиллерия с «Изумруда» в помощь «Гордости королевы» произвела залп всего правого борта.

Галеон и фрегат сделали попытку догнать пиратов с похищенным флибустьерами бригом, трюмы которого были набиты серебром и древними сокровищами. Они сделали попытку…

Глава 12

Испанский бриг требовал ремонта, и пираты решили дойти до Галапагосских островов. К тому же необходимо пополнить запасы воды и еды.

Испанцев Моран пощадила, дав им две шлюпки, и отправила бороздить океан. Матросов команд «Гордости королевы» и «Изумруда» разделили на три корабля, чтобы моряки смогли довести захваченный бриг до ближайшей земли. Требовался капитан и она сделала свой выбор.

— Ты нас всех удивил, Кингли, — щурясь от дыма своей трубки, обратилась Грейс Моран к Петру. — Прекрасно проведена разведка, а потом твой маневр в море …— Моран в восхищении, не зная, что сказать, покачала головой.

— Ему п-п-помогал его бог, — вмешался Оливер, капитан Моран мазнула по юноше плотоядным взглядом.

Петька хмыкнул. Его сейчас занимала мысль о будущности обретения своего собственного корабля и разговор о заслугах сего дня Петьку уже не волновал. «А не так уж и плохо! Разбойником, так разбойником! Уж точно лучше, чем холопом».

Испанский бриг ему понравился. Отличные ходовые качества и маневренность.

В бою выстрелом с галеона на бриге была повреждена фок-мачта, да и грот-брам-стеньга держалась на «честном слове» и теперь малым ходом необходимо добраться до Галапагоса. До отплытия капитан Моран собрала всех на «Изумруде».

— Итак, джентльмены, — раздавался ее звучный густой голос, — мы отлично поработали. У нас есть добыча, корабль и претендент на должность капитана нового судна. Голосую – Кингли в капитаны!

Персиваль Перселл и капитан Осборн переглянулись. Осборн не хотел терять отличного матроса и мичмана, а Перселл заволновался от предпочтения своей

супруги. В глубине души, он надеялся получить бриг под свою команду. Персиваль с надеждой оглядывал матросов. Тщетно!

Со всех сторон послышались возгласы:

— Кингли в капитаны! Кингли в капитаны! Кингли в капитаны!

Так при общем собрании флибустьеров и единогласном решении их, Питер Кингли или Петька-цыган, холоп дворянина Назарова стал командиром 24-пушечного брига.

Капитан Осборн подошел к своему бывшему мичману и пожал ему руку.

— Прими мои поздравления Кингли! Не зря мне золотом заплатили, чтобы я взял тебя на борт. — Осборн улыбнулся, показывая свои желтые зубы. — Доходягу к себе возьмешь?

— Эшби? — Петька посмотрел на своего подопечного, — конечно!

— Ну, ты его выловил, ты с ним и нянькайся. Удачи тебе, капитан Кингли.

***

Ремонту стало достаточно. Моряки работали несколько дней без отдыха. Корабли были отремонтированы и готовились к новому походу через мыс Горн. Оливер заскучал.

Он устроился на фальшборте, смотрел на звездное небо и собирал в едино всю свою волю, чтобы вновь подвергнутся чудовищному испытанию "Пастью Дьявола"[11]. Но…

Оливеру начинала нравиться его жизнь. Не об этом ли он мечтал, сидя в душной торговой конторе отца, не таких ли перемен он жаждал, когда прогуливался по песку на пляже в Кингстоне? Конечно, его мучила морская болезнь, но как выяснилось многие бывалые моряки время от времени перевешиваются через леер. Черная глубина океана по-прежнему пугала мистера Эшби, но теперь он не чувствовал томящего и тоскливого одиночества. Присутствие в его жизни отчаянного в своих поступках, но верного в своем отношении друга Питера Кингли давало ощущение основательности и уверенности бытия, ощущение безопасности.

Оливер гордился Питером, и теперь прилагал больше стараний в обучении морской науке, надеясь завоевать его уважение. Правда, до сих пор, суровый

товарищ не поведал ему своей истории. Оливер любил украдкой наблюдать за выражением лица Питера. И не раз видел, как красивый смуглый лик новоиспеченного капитана Кингли озаряется теплым воспоминанием. А потом, будто задувают свечу, глаза становятся черными, непроницаемыми.

Наблюдая красоты ночного неба, Оливер не заметил, как к нему подошел его новый капитан.

— Что, Олли, — произнес Питер, раскуривая трубку, — не спится?

Оливер обернулся и улыбнулся.

— Да, п-п-пытаюсь справиться с внутренними д-д-демонами. — Вдруг Оливеру пришла в голову идея, а не застать ли капитана врасплох. — Она красивая, П-п-питер?

Кингли затянулся из трубки. Он подошел ближе к борту и облокотился на планшир.

— Для меня нет ее краше, — молвил Петька тихо. Помолчал. — Расковырял ты, Олли! Она в России, а мне туда путь заказан. Забыть ее хочу, да никак не получается. Думал, пересплю с девкой срамной, полегчает, да только хуже сделал. Как после родниковой воды помоев выпил. — Петька посмотрел с укором на Оливера. — Ну, что легче тебе стало, как узнал?

— П-п-прости, П-питер, — пролепетал Эшби, — я думал...

Петька хлопнул друга по плечу и сказал по-русски:

— Индюк тоже думал, да в суп попал!

Оливер спрыгнул с планшира.

— Мне нравится т-т-твой язык, П-питер. Научи меня!

Петька засмеялся.

— Выловил я на свою голову утопленничка, — покачал он головой и сказал по-английски, — да уж научу.

Глава 13

До Багамских островов добрались без приключений, хотя приходилось тяжело, ведь людей не хватало. Новый бриг, захваченный у испанцев, получивший

ироничное название «Агнец» нуждался в полной комплектации команды. Питер Кингли отдавал отчет себе в том, что на островах Карибского моря ему вряд ли посчастливится набрать умелых моряков. Переговорив с капитаном Осборном, Петр условился часть команды набрать на Барбадосе и дотянуть до Глазго, где, думалось, людей отчаянных и профессиональных в достатке.

На Багамах Грейс Моран настояла на присутствии Питера Кингли на ее встрече с губернатором и представила капитана «Агнца» как своего нового партнера. После аудиенции, заплатив оговоренную сумму хозяину островов и разделив добычу среди членов команд, пираты засели в таверне.

Петька, крайне редко употреблявший крепкие напитки, немного не рассчитал силы. Он, теперь капитан брига, получив свою долю добычи, чувствовал себя смятенно. Его часть оказалась немаленькой, и как Петька посчитал, вернись он сейчас в Россию, жизнь его стала бы беззаботной. В его воображении возник образ Ксении Егоровны. Но резануло! Он же беглый холоп! Петька налил себе рома. Он долго смотрел в кружку прежде, чем осушил ее до дна. А ведь он может сам себя выкупить из крепости! Черт! Он избил барина, а это крамола! Не миновать Тайной канцелярии!

Он снова налил себе рома. Оливер тронул его за руку.

— П-п-питер, — Эшби, как и обещал, не пил рома, он только добавлял несколько капель себе в воду. — тебе п-п-плохо будет, не надо! А завтра в м-м-море!

— Хуже не будет, Олли, — Петька вскинул на друга налитые кровью глаза, — знаешь, тебя так и так тошнить будет. — Он взял еще одну кружку и наполнил ее. — Выпей со мной, Эшби!

Оливер засомневался, помня головную боль и тошноту, но рассудив, что от одной порции беды не будет, чокнувшись с кружкой друга, выпил. Ром пополз по венам и добрался до головы. Приятно! Оливер подумал, что может воспользоваться моментом и, наконец, разговорить своего нелюдимого товарища.

— П-питер, мне кажется, что у тебя здесь, — он похлопал себя по левой стороне груди, — засела какая-то б-боль.

— Не кажется, не кажется, Олли, — пробормотал уже изрядно захмелевший капитан Кингли, — боль адская. Мечта о море, о своем корабле сбылась. И разбогател. И сам черт мне не брат, а радости нет!

— Я думаю, что ты с-слишком много страдал, П-питер и теперь у тебя не хватает т-терпения и веры в хорошее. Мне думается, что с нами совершается нечто чудесное, необычное, будто открылась новая дорога. Мы еще не знаем пути, но я уверен эта стезя нас приятно удивит. — Оливер так увлекся своими рассуждениями, а ром уже обволок его разум, что он не заметил своей ровной без заикания речи.

Петька метнул на Оливера критический взгляд.

— Ты в чудеса никак веришь, Олли? — он усмехнулся.

Мистер Эшби помолчал, его зеленые глаза светились и радостью, и надеждой. Он заговорил вновь тихо, будто в задумчивости.

— Раньше не верил. Я сидел в конторе день за днем и ужасался от одной мысли, что так будет всегда. Даже будущее наследство не внушало мне оптимизма. Я знал, что стану приманкой для искательниц богатых мужей, подобных мисс Томпсон. — Оливер горько усмехнулся, — но судьба сделала такой головокружительный поворот, что я сначала растерялся и захотел опять в свою темную контору. — Он улыбнулся. — Питер, чудеса случаются, надо только верить!

— Твои слова напомнили мне…

Петька хотел наполнить кружку вновь, но передумал.

— Я не знаю, почему ты бежал из своей страны, Питер, — разговорился мистер Эшби, — знаю, только, что ты счастливый человек. Да, счастливый! В твоем сердце есть любовь, я вижу это!

— Много ты понимаешь, — обозлился Петька, — что ты знаешь о любви? Посмотрел сам на девку пару раз и вся любовь.

— Так ты мне расскажи, Питер, — радуясь тому, как он ловко вывел товарища на откровенность, попросил Оливер.

— Когда любишь, душа будто с богом разговаривает! — начал Петька и глаза его загорелись лихорадочным огнем. — Когда смотришь на нее и все в тебе улыбается, когда чувствуешь каждый удар своего сердца и понимаешь, что не можешь ты уже жить по-прежнему! — Петр говорил с нарастающей горячностью и не заметил, что перешел на русский язык. — Слышать ее голосок звонкий, как капель весеннюю! А глаза! Сколько ласки в них, глубины! Смотришь на нее, и щечки нежные ее загораются зорькой ясной!

Оливер слушал, не понимая ни слова, но чувствовал немыслимую тоску и разрывающее отчаяние друга.

— Питер, — произнес мистер Эшби мягко, — надо потерпеть. Ты не знаешь своей судьбы! Счастье найдет тебя!

Вдруг Петька «погас». Он посмотрел на друга, окинул взором свою немногочисленную команду, которую удалось набрать здесь и встал. Капитан Питер Кингли скомандовал:

— Разошлись! Завтра в море!

Петька похлопал Оливера по плечу и сказал без злобы по-русски:

— И ты иди, исповедник хренов!

***

Бриджтаун кипел. Война за австрийское наследство[12] к этому времени уже подобралась к колониям и была основной темой газетных листков и застольных светских бесед. Уже адмирал Ансон разбил французов в битве у мыса Финистерре, а Франция вернула Великобритании Мадрас в обмен на захваченную британскими колонистами в Северной Америке крепость Луисбург на острове Кейп-Бретон.

***

На рейде в великом количестве стояли торговые и военные корабли, и когда стали на якорь близ Барбадоса бриги «Агнец», «Гордость королевы» и шхуна «Изумруд», то на них никто не обратил внимания. Да и пираты появились здесь не ради грабежа, нужны были матросы. На берег сошли только капитан Питер Кингли с Оливером, капитан Осборн и Персиваль. Грейс не здоровилось. Ее била лихорадка и она была вне себя. Прозорливый супруг суровой пиратки решил воспользоваться случаем, чтобы размять ноги и пошататься по городу, только бы не попасть под горячую тяжелую руку «своей ненаглядной Булочки».

На пристани собралась толпа. По монотонности выкриков бойких торговцев угадывался некий аукцион.

— Интересно, что там? — спросил Оливер.

Петька брезгливо передернул плечами и буркнул:

— А разве непонятно? Людьми торгуют.

Пираты не стали задерживаться и отправились в сторону крепости, где как они знали можно найти матросов, ищущих работу.

Расталкивая прохожих, Петр мельком взглянул на ряды несчастных в кандалах, которых продавали с аукциона. Вдруг он остановился.

— Питер, — озадачился Оливер, — что с тобой?

Мистер Эшби удивился не меньше, когда увидел на лице своего друга совершенный восторг. Капитан Кингли произнес, улыбаясь:

— А ведь ты прав, Олли! В чудеса надо верить! А еще в Божию справедливость! — Петька, резко сменив курс, направился в толпу участвующих в торге плантаторов.

Рабов раскупали быстро. И вот очередь дошла до молодого человека со всклоченной рыжей бородой и с пустым, невидящим взглядом.

— Моряк, двадцать лет, десять фунтов!

Петька вскинул руку.

— Сто фунтов!

На мгновение на пристани воцарилась тишина. Сто фунтов за белого раба – это не просто расточительство, это глупость!

— Сэр, вы не оговорились?

— Нет, — Петька хищно улыбнулся. — Сто фунтов! — Капитан Кингли бросил торговцу кошелек с монетами.

— Что ж, продано!

Молодой человек в кандалах поднял голову, и пытался разглядеть покупателя. Его глаза выкатились из орбит.

— Петька?? — произнес он по-русски.

Питер Кингли подошел к своей собственности.

— А для тебя, Дмитрий Павлович, я теперь не Петька, а Петр Алексеевич.

Бедный Митюнушка смотрел секунду и вдруг глаза его закатились, и он рухнул без сознания, гремя кандалами к ногам своего хозяина.

Глава 14

Петр был доволен. В Глазго он набрал хорошую команду. Пару десятков умелых моряков, канонира и боцмана он нашел сразу в портовой таверне. Боцман - шотландец Джок Дугэл лет сорока, служивший когда-то в королевском флоте, был бит плетьми и уволен с корабля за то, что оскорбил английского офицера, - сразу приглянулся Питеру. Почему-то он проникся безоговорочным доверием к бородатому, одетому в килт[13], рыжеволосому, неразговорчивому здоровяку.

Джок, отметив про себя необычный акцент Петра, заинтересовался предложением завербоваться на борт «Агнца», и они ударили по рукам. Джок, в свою очередь, помог Петру подобрать и других членов экипажа, состоящих в основном из ирландцев и шотландцев. Оливер, назначенный квартирмейстером, скрупулезно и профессионально составил списки и договоры - образование юриста пригодилось.

Когда все документы были подписаны, Джок, улыбаясь лукаво (Петька при этом обнаружил сходство сужающихся в улыбке глаз своего нового боцмана и профессора Давыдова Егора Ивановича), обратился к Петру:

— Я держу пари, капитан, ты не всегда был Кингли. Мой отец служил во флоте русского царя Петра когда-то. Он рассказывал про русских, и я помню эти рассказы. Он даже говорил немного по-русски…

Петька растянул губы и подмигнул боцману:

— Джок, а мне уж и скрывать нет смысла! Я - русский, беглый холоп. А ты уж точно на меня в Тайную канцелярию не донесешь.

— Капитан, — боцман посерьезнел, — я любую власть не выношу, под каким бы она флагом не ходила. Поэтому и пошел к тебе, не раздумывая. А вот черный стяг не так уж и плох в наше время.

Капитан и боцман обменялись крепким рукопожатием.

— Готовьте бриг к отплытию, мистер Дугэл, — сказал Петр, — через четыре дня снимаемся с якоря.

— Есть, капитан!

***

Грейс Моран принимала Питера лежа в гамаке. Лихорадка, начавшись еще на Барбадосе, никак не желала отпускать ее крепкое, боевое тело. Петр давно хотел поговорить с ней и вот теперь, пока корабли стояли на рейде в порту Глазго, представился случай. Капитан Осборн покинул своих партнеров и направился в Бристоль. Он был капером[14] и любое подозрение в сотрудничестве с пиратами обратилось бы для него большой неприятностью.

— Я привел тебе доктора, Грейс, — входя в ее каюту, произнес капитан Кингли. Персиваль сидел у изголовья своей супруги и менял на ее голове компресс. Он окинул Петра недовольным взглядом. Мало того, что этот выскочка-иностранец пользовался неограниченным доверием капитана Моран, так еще и бриг у него сцапал.

Доктор осмотрел пациентку, выдал ей порошки и, получив свою плату от Питера, удалился. Грейс сразу приняла два порошка.

— Надеюсь, поможет, — прохрипела она. Грейс строго посмотрела на Персиваля. — Оставь нас, Перси.

— Это еще почему? — возмутился ее супруг. — Я не собираюсь оставлять тебя наедине с молодым проходимцем, моя булочка.

— Ты дурак? — привстав в гамаке, рявкнула Грейс, — вон пошел!

Персиваль вышел, поджав губы и хлопнув драматично дверью. Питер проводил его насмешливым взглядом.

— Что ты хотел сказать, Кингли? — осведомилась пиратка.

— Моран! Ионические острова[15]! — Петька многозначительно поднял одну бровь.

«Хорош то, как, сукин сын!» - подумала Грейс невпопад.

— Тебе турки не дают покоя, Питер? — она откинулась в гамаке. — А ведь это неплохая идея!

— Это гениальная идея, Грейс! — усаживаясь рядом с гамаком больной, окатив капитана Моран обворожительной улыбкой, произнес Петька. — Я даже островок для базы подобрал. Райское место, надо полагать.

— Для тебя, дьявола, только вот рай и подходит, — попыталась пошутить капитан Грейс. — Ладно, похоже порошки действовать начали. Если не сдохну, идем. Я сама о том размышляла. — Она закрыла глаза. Петр уже встал и направился к двери. — Как там Олли?

Петр посмотрел на пиратку.

— Просил тебе привет передать, Грейс!

Капитан Моран улыбнулась, не открывая глаз.

Глава 15

Перед Петром стоял худой молодой матрос. Капитан «Агнца» смотрел на него и с жалостью, и с презрением. За полтора месяца пребывания на бриге рядовой матрос по имени Мэт, а по-настоящему Дмитрий, два раза нарушал дисциплину.

На бриге «Агнец» во время плавания были запрещены две вещи: выпивка и игры. Ром добавляли только немного в воду, обеззараживая ее. Один раз Мэт добрался до запасов алкоголя и напился на вахте. Капитан назначил наказание и бывшего барина секли у мачты все члены команды. Теперь боцман Дугэл положил на стол перед капитаном колоду карт, Митюнушка подбил двух матросов на игру. Тех двух просто высекли, за вторую провинность Дмитрию Павловичу грозило килевание[16].

Петр взял в руки карты, посмотрел на них, вспомнился ему тот день, когда он сбежал от барина. Он молчал и в безмолвии этом нарастала нешуточная угроза. Дмитрий Павлович не выдержал и кинулся в ноги Петьке.

— Пощади, Петр Алексеевич, — стонал барин, хватая Петра за ботфорты, — бес попутал! Не дай иродам-еретикам душу православную загубить! Христом Богом молю, Петр Алексеевич! Ты ж не мстительный! Тебя и мой дядя Емельян щадил!

Петр в раздражении отцепил от своих ног Дмитрия Павловича. Он бросил колоду карт на стол, и та рассыпалась веером. Петр обратился к боцману:

— Джок, оставь нас!

Когда боцман вышел, Петр поднял Дмитрия Павловича и посадил на стул.

— Дело не в мести, Дмитрий Павлович, — начал он, — и зла я на тебя не держу. Прошло все. Хотя мои спина да седалище за твои шалости всегда ответ держали, я сейчас не мщу, а учу. Ты в морском деле дурак и невежда, а гонору

много. Так, что не обессудь.

Барин завыл.

— Что ты как баба, воешь? — сквозь зубы проговорил Петр. И крикнул:

— Мистер Дугэл!

Вошел шотландец и Петр, подойдя к нему ближе, тихо сказал:

— Под форштевнем[17] протащите, будет с него пока.

Джок кивнул, ухмыляясь.

***

— Капитан, — в кают-компанию вломился Оливер, — ты должен это увидеть!

Петр и Оливер вышли на палубу. Шхуна «Изумруд» шла впереди брига на тридцати кабельтовых[18] от «Агнца». Но происходило непонятное. «Изумруд» как будто преследовал кого-то. Капитан брига взял подзорную трубу. И тут из уст Питера Кингли вырвалась витиеватая, не поддающаяся переводу на английский, брань. Оливер был озадачен. Вот уже несколько недель подряд Питер учил его русскому языку и неприличные слова тоже входили в программу обучения, но теперь мистер Эшби не понял ничего.

— Твоей зазнобе совсем голову лихорадкой стрясло, Эшби? — рявкнул Петр.

— Я ничего не понимаю, капитан, — принимая из рук Петра подзорную трубу, пробормотал Оливер. — Но это не Грейс командует! Это Перселл!

Петр опять выругался.

— Мистер Уолш, — крикнул он рулевому, — судно в бакштаг! Успеть бы! Мать их!

Оливер решил рискнуть и выяснить, что так взволновало капитана. И он спросил:

— Может объяснишь, наконец, что случилось!

— Олли! Этот межеумок[19] решил взять на абордаж русского торговца! Мы не нападаем на русские корабли!

Теперь Оливер сам заволновался. Да, Питер очень трепетно относился ко всему близкому его душе, и выходка Перселла его вывел из равновесия. «Агнец» уже

нагнал «Изумруд»! Но поздно, на русской шхуне уже шла бойня!

— Джок, Брайен, Смит, Коннор, Эшби! — крикнул капитан Кингли. — Идем на абордаж!

Все произошло мгновенно. Когда Питер Кингли с товарищами оказались на русской шхуне, сражение было в самом разгаре. Пираты напирали, желая загнать хозяев на корму, но моряки судна под Андреевским флагом не собирались сдаваться. Петр встал на сторону русских, его команда, не раздумывая последовала за ним. Впереди, распалившись боем, махал саблей Перселл. Но увидев такую расстановку сил, вдруг крикнул:

— Стоять всем!

Противники, разгоряченные битвой, тяжело дыша, стояли друг против друга.

— Кингли, ты перепутал! — проорал Перселл.

— Я ничего не перепутал, Персеваль, — сверля пройдоху взглядом черных глаз, произнес Петр. — Ты флаг видел? Мы не воюем с русскими! Где Грейс?

— Капитан Моран в горячке, — сказал кто-то из команды «Изумруда».

Петр был вне себя. Грейс бы никогда не назначила Перселла командовать кораблем.

Он свирепо посмотрел на команду «Изумруда».

— А ну, пошли отсюда на хрен! — рявкнул он по-русски. И хотя моряки не поняли слов, они уловили энергетический посыл сказанного и покинули палубу корабля весьма поспешно.

За спиной капитан Кингли услышал родную речь!

— Да он лается по-нашему! — к Питеру подошел по виду капитан корабля. Седой, просоленный океаном «морской волк». — Эй, парень, ты русский?

Питер Кингли повернулся и оглядел команду шхуны, спросил:

— Сильно вас потрепали?

Вдруг какой-то толчок изнутри заставил его еще раз внимательно вглядеться в русских моряков. Юноша, мальчишка совсем, привлек его взгляд. Его раскосые глаза показались ему…

— Нашла! — звонко крикнул «мальчишка». — Нашла!

— Дьявол тебя дери, Олли, с твоими чудесами, — только и успел сказать капитан Питер Кингли и кинулся навстречу расталкивающему толпу матросов «юноше» с раскосыми серыми глазами.

Глава 16

Петр внес Ксению в кают-компанию своего брига на руках. Он легко подхватил ее при всех матросах, отмахнувшись от зеленоглазого молодого человека, который что-то хотел ему сказать: «Олли, не до тебя!» Его темпераментная радость смущала Ксению. Петька целовал беспрестанно ее лицо, и Ксения чувствовала горячую дрожь его тела. В кают-компании она осторожно высвободилась из его пылких объятий. Петькин вид пугал ее. Ксения заметила, как изменился он. Да, Петька был красив: статен, его плечи и руки налились силой, орлиные черные глаза горели первобытной уверенностью, длинные тяжёлые волосы связанны в хвост, в мочке левого уха поблескивала серьга. От юноши, трогательного, рассказывающего полтора года назад в чуланчике забавные охотничьи истории, не осталось и следа! Заматерел - так бы сказали про волка!

— Ксюшенька!! — говорил Петька, хватая ее руки и покрывая их поцелуями, - голубка моя, как же ты здесь оказалась!? Да еще в таком виде, в платье мужском. Косу отрезала.

— Ничего, Петруша, — пролепетала Ксения Егоровна, — ничего, отрастет! Я тебя искала, сокол мой, ненаглядный.

Петька вновь притянул Ксению к себе и целовал ее зардевшееся лицо.

— Как же ты меня нашла, лапушка? — сам не свой от счастья Петька не мог наглядеться на возлюбленную.

— Да ты, Петрушенька, сам нашелся! — улыбаясь сквозь слезы, произнесла Ксения. — Радость-то какая, Петруша! Батюшка тебе вольную выправил. Сама государыня-императрица подписала! Михайло Васильевич пособил.

— Ломоносов? — Петька был удивлен немало.

— Да, Петруша! Ломоносов! Михайло Васильевич в большой милости у Елизаветы Петровны. — Ксения взяла руки Петра и стала говорить быстро, — я батюшку оставила, записку ему написала. Фекла повисла на мне, чтобы я не уходила. Я на торговую шхуну завербовалась. Знаю - сумасшедшая! Когда спустилась в

кубрик, где матросы спят, поняла, что натворила. Да, только хранит нас Господь, Петруша. Мичман Василий Антонович, старый моряк, сразу раскусил, что я не юноша. Устроил меня в трюме, где продукты хранятся. Оберегал меня всяко. Фехтовать научил, стрелять из пистолета. Морской науке немного. — Лицо Ксении заливалось слезами, — Петруша, ты теперь можешь вернуться в Россию! Мы вернемся в Россию, сокол мой!

Взгляд погас у Петьки. Будто туча набежала. По сердцу Ксении Егоровны резануло дурное предчувствие.

— Что, что не так, Петруша? — упавшим голосом пробормотала она.

Пират горько усмехнулся.

— Возвращаться туда, где холопом был? – сказал злобно.

В нем чувствовалась звериная мощь и ярость. В черных глазах его будто затаилось что-то скверное, сатанинское.

— Бог с тобой, Петруша! – обмерла девушка. – Ты теперь вольный…

— Вольный? — он оскалил свои белые зубы.

Петро подошел к столу налил рома и опрокинул его в себя.

— Петрушенька, — обомлела Ксения, — ты ж не пил никогда…

— А теперь пью, друг сердечный! Я, Ксюшенька, только здесь и сейчас понял, что такое воля, — тихо произнес он, медленно подступая к девушке. — Мне воля российская не нужна. Тут я — царь, весь мир принадлежит мне, — звук его голоса нарастал. — А ты мне предлагаешь вернуться туда, где я всегда был и буду холопом, где жил в унижении, где…

Ксения смотрела на него с ужасом.

— Ты изменился, Петруша, — проронила она. — Ты другой…

— Да, голубка моя, другой! — он взял ее за плечи и взгляд потеплел, и опять это он, ее Петенька. - Мы с тобой поженимся, будем жить в Греции, на островах. Эти острова под венецианцами, не подвластны туркам. Ксюша, здесь теплое море, покой! Мы будем любить друг друга! – Петро все жарче стал обнимать Ксению. Она как будто таяла в его объятьях.

— Петрушенька, но как же я батюшку оставлю!

— Егора Ивановича к себе заберем, голубка моя! – все нежнее и страстнее становились его поцелуи. – Здесь настоящая воля!

Вдруг Ксения будто очнулась. Она вырвалась из его рук.

— Воля!? Воля? — крикнула она, — воля убивать да грабить? Ты ж разбойник, Петенька! Разбойник!!

В Петра вселился дьявол. Он засмеялся, и от этого смеха у девушки похолодела спина.

— Да, Ксюша, разбойник, - в его взгляде сквозила такая злоба, что Ксения ахнула, – и похоже, не люб тебе!? Любила бы, приняла такого, разбойника! Тебе нравилось жалеть холопа несчастного, ты упивалась своим милосердием да великодушием! Подобрала как щенка бездомного, приласкала. Что ж вы с батюшкой меня не выкупили? Холопом то понукать куда сподручнее, чем разбойником! Сечь нещадно, когда скука нападет, — он подошел к ней снова и взял ее за подбородок. — А в хорошие ночи приглашала бы меня моя барыня Ксения Егоровна к себе в опочивальню.

Ксения замахнулась, но Петро успел перехватить ее руку. Он грубо дернул девушку к себе и впился жадным поцелуем в ее губы. А потом стал рвать на ней одежду и уже обнажились и округлые плечи, и девичья нежная грудь…

— Не смей! Оставь меня! — кричала Ксения.

Вдруг в кают-компанию ворвался Оливер. Он оттащил девушку от капитана и закрыл ее собой.

— Питер! — его щеки пылали. — Ты с ума сошел!!

— Уведи ее, Олли!! Христом Богом молю!! – заорал Петька по-русски и, опомнившись, крикнул по-английски, — уведи!

***

Оливер накинул на плечи всхлипывающей Ксении свой жюстокор[20] и проводил в каюту. Он налил воды в кружку и добавил немного рома.

— Выпейте, мисс Ксения, — тихо произнес Оливер. Ксения подняла на него взгляд, и увидев в зеленых глазах сострадание, стала успокаиваться.

— Вы знаете, как меня зовут, — удивилась девушка. Она даже не заметила сначала, что молодой человек объясняется с ней по-русски, но с сильным акцентом. — Вы знаете русский?

Оливер улыбнулся. Он заговорил медленно, пытаясь правильно формулировать предложения.

— Да, совсем мало, Питер учить меня. Я скверный ученик. «Экий бестолочь»!

Ксения засмеялась и спросила:

— Как вас зовут?

— Оливер Эшби. Я просить вас, мисс Ксения, говорить мне - Оливер. «Без всяких «мистер»».

— Хорошо! — Ксения совсем успокоилась. Оливер ей понравился. Молодой человек казался добрым, мягким и очень чутким. — Вы Петрушин друг?

— Да, мисс Ксения, — ответил Оливер. — Он спасать меня. Я восхищаться им, Питер отважный человек, искренний. Он не убивать. Нет. Он хорошо владеть шпагой. Питер оставлять в живых врагов. Он великодушный. Простите, я очень плохо говорю по-русски! И вы имеете красивое имя, мисс Ксения.

Девушка с милым укором посмотрела на Оливера. За дверью послышались шаги. Оливер вскочил и открыл дверь. По едва освещенной галерее шла Грейс Моран. Темные круги под глазами, впалые щеки, ее нетвердая походка - говорили о крайнем нездоровье. Она заметила Оливера, улыбнулась, подошла и поцеловала его в губы.

— Здравствуй, мой изумруд, — произнесла Грейс и вдруг заметила в глубине каюты Ксению. — Развратничаешь, пока я не вижу?

— Нет, любимая, — отвечая пиратке поцелуем, произнес мистер Эшби, — это невеста Питера. К сожалению, они поссорились.

Грейс зашла в каюту. Она с интересом посмотрела на Ксению. Девушка встала и пиратка обнаружила, что одежда на ней разорвана, а на плечах ее висит жюстокор Оливера.

— Что ты такого сказала, девочка, что так расстроила Кингли? — спросила Грейс.

Оливер хотел перевести, но Ксения его остановила:

— Мистер Эшби, я немного знаю английский. Я жестоко оскорбила его и только теперь понимаю это.

Грейс хмыкнула.

— Питера расстраивать не рекомендуется. — Грейс повернула голову к Оливеру, — Он у себя? Я к нему.

Грейс застала Питера Кингли не в лучшем состоянии. Он сидел за столом, уронив голову на руки. Грейс показалось, что он мертвецки пьян. Она подошла к нему и тронула за плечо:

— Кингли!

Петр поднял голову. Нет, трезвый, но глаза больные.

— Грейс? — прохрипел он, — где Оливер?

Капитан Моран тяжело опустилась на стул и кивнула в сторону двери.

— Рядом в каюте, — ответила капитан Моран, беря в руки вольную грамоту Петьки, которая лежала на столе. — Что это, Кингли?

Петр, следя за ее движениями взглядом, провел себя по волосам рукой и произнес медленно, будто пытаясь осознать происходящее.

— Моя вольная, Грейс, я теперь не раб. Отец Ксении добился для меня свободы. Ксюша через всю Европу везла бумагу мне, отца бросила, а я… тварь я неблагодарная, грязь! Оскорбил мою лапушку, да еще и…, — он закрыл лицо руками.

— Видела я чего ты натворил, Кингли, — Грейс сверлила кающегося Петра суровым взглядом. — Ксения твоя - сильная девочка, отважная, чистая. В команду бы взяла к себе, с такими как она свет не таким омерзительным кажется. Ты, Кингли, покайся, покайся! Очисти душу свою.

— Злоба во мне какая-то, Грейс, злоба невозможная! — произнес Петр, — будто камень в душе с острыми краями. Глаза мне застила, если бы не Оливер… как Ксения? Испугана? Плачет?

— Нет! — смягчившись, ответила капитан Моран, — не плачет уже. Оливер развлек ее.

Петр улыбнулся.

— Олли умеет развлечь. — Он посмотрел на Грейс, заметив ее сильную бледность, — как ты, Грейс? Что с Перселлом?

— Как видишь, уже на ногах! А мерзавца в железо заковала, и в трюм на сухари и воду, — Грейс сверкнула гневным взором. — Строптив стал и неуправляем. Высадила бы его на острове, да в этом море необитаемых не осталось. — Тут капитан Моран выпрямилась, — вот что, Кингли, бери себя в руки, а то смотреть на тебя больно! Я по делу пришла. Русский капитан просит помощи. Гибралтар на горизонте. А дальше алжирцы лютуют. Русские держат путь на Мальту и просили их поддержать. Перселл повредил их шхуну, а у них дело спешное, ремонтироваться некогда. Я пока ответа не дала, решила с тобой переговорить.

Петр встал, накинул жюстокор и надел треуголку.

— Да, Грейс, я готов, пошли!

Капитан Моран поднялась и направилась к выходу. Петр бросил взгляд на вольную грамоту и произнес:

— Иди, Грейс, я догоню тебя.

Когда капитан Моран вышла, Петр аккуратно свернул драгоценный документ и положил его в сундучок для важных бумаг. Он слышал, как в галерее Грейс позвала Оливера. Выйдя из кают-компании, Петька в нерешительности приблизился к каюте, где находилась Ксения. Он несколько раз порывался постучать. Если бы он знал, что у двери так же стоит Ксения и не смеет открыть ее! Петр приложил ладонь к равнодушной поверхности дверного полотна. Он постоял так несколько секунд. Но не решился, ушел.

Глава 17

Русская шхуна «Осторожный» в сопровождении пиратского эскорта прошла Альборон. Корсары двигались в пол ветра позади «Осторожного» с поврежденной грот-брам-стеньгой. Шхуна не могла развить должной скорости, и капитан Сумароков Иван Никитич молился, чтобы их путь до Мальты закончился благополучно. По левому борту проплыла Сардиния и казалось, что молитвы русского капитана были услышаны.

Грейс Моран была недовольна. Она надеялась за услуги охраны русского корабля получить плату, но Кингли, этот сумасшедший, настоял сопровождать «Осторожного» бесплатно:

— Я понимаю, что у вас, ирландцев, за так и прыщ не вскочит, но я со своих плату брать не буду. Хочешь, назначай цену для себя, Грейс.

«И как?!» Грейс увидела укоризненный взгляд Оливера. «Черт бы вас подрал! Тебя, хорошего мальчика Олли и тебя, чокнутого Питера».

Вдруг с марса крикнули: «Алжирские галеры!»

На добром ходу, два гребных берберских судна нагоняли пиратский караван. В борт «Изумруда» воткнулся гарпун с «Агнца», к его мощному древку была привязана бумага. Там была нарисована схема построения кораблей и размашистым почерком Кингли начертано: «по сигналу». Грейс покачала головой: «шальной!».

На «Агнце» выкинули сигнальный флаг. К удивлению, Салим-паши, капитана флагманской галеры, не успела присоединиться досада, когда перед самым носом преследуемые им корабли «разошлись» в разные стороны. Бриг ушел в бейдевинд[21], а шхуна в бакштаг, произведя одновременный залп бортовых орудий. Малая галера, получив пробоины ниже ватерлинии, стала тонуть. Флагманская галера с разбитым в щепы баком[22] неслась по инерции. Салим-паша разразился бранью, с брига «Агнец» полетели абордажные крюки. Пираты с разрисованными лицами хлынули на палубу галеры. Прозвучал приказ: «Салим-пашу брать живьем!».

Пираты рубились отчаянно, тесня алжирцев к корме. Петька рвался к роскошной надстройке, где недавно возлежал в парчовых одеяниях бич христианских торговых кораблей Салим-паша. Вдруг перед ним возник огромный бербер. Он размахивал своей кривой саблей как топором. Капитан «Агнца» уворачивался до поры успешно, правда, безрезультатно пытаясь нанести удачный удар берберскому пирату. Петька стал выдыхаться. Он увидел, как у самого правого глаза проплыло лезвие сабли, и кровавый мешок повис на ресницах. Петр ушел от удара почти вслепую, но, когда он вновь ринулся в наступление, мощное тело бербера с искаженным от злобы и боли лицом повалилось навзничь. Петька оглянулся. Рядом с ним стояла Ксения с окровавленной шпагой в руке. Ее серые раскосые глаза пылали таким неистовством, взгляд метал искры.

— Аспид басурманский! — процедила она сквозь зубы, но тут же повернулась к Петьке и промокнула кровь платком на его брови.

Галера была взята. Салим-паша с кляпом во рту, связанный по рукам и ногам, извиваясь от бессилия, яростно вращал мутными от гнева глазами. Петька, прижимая платок Ксении к брови подошел к поверженному врагу. Он скривил губы в усмешке и приказал доставить пленника на «Осторожный».

— Пусть капитан Сумароков порадует подарком Великого Магистра!

Петька поманил Ксению к себе.

— Поведай мне, Ксюша, — начал он, — как ты здесь оказалась?

Перед ним уже стояла милая девушка, с легким румянцем на свежих щечках, от мегеры со шпагой не осталось и следа.

— Был приказ «на абордаж» от капитана, я не могла ослушаться, - последовал ответ.

Петька не нашел, что сказать сначала, но потом рявкнул:

— Марш на бриг, матрос! Жди меня в кают-компании!

Ксения послушно сидела на стуле в кают-компании, когда вошел Петр. Он прижимал ее платок к ране на брови, из которой сочилась кровь.

Ксения подскочила к Петру и отняв его руку от пореза, осмотрела его и произнесла:

— Промыть надо и перевязать!

Ксения усадила Петра к кормовому окну, достала все самое необходимое для перевязки и принялась за дело. Петька молчал. Он следил взглядом за движениями Ксении и сердце его замирало от нежности.

— Ксюш, — начал он, когда Ксения стала бинтовать его рану, — где ты так фехтовать то научилась?

Ксения, продолжая свое занятие, проронила:

— Василий Антонович, мичман с «Осторожного» научил.

— Спасибо тебе, Ксюш, — проговорил он тихо. — Прости меня, дурака! Люблю я тебя!

Ксения строго посмотрела на Петьку.

— Любишь, а чуть не снасильничал!

Петька прижался к ней, обвив ее стан руками.

— Голубка моя! Озверел я, обезумел! Полтора года как в бреду жил, не было дня, чтобы о тебе не думал. Слова твои больно меня хлестнули. Прости меня!

Простишь?

Ксения подняла его лицо за подбородок. Долго смотрела в его глаза, видела в них и раскаяние, и мольбу.

— Конечно прощу, — улыбнулась она, — люблю я тебя, Петруша, очень люблю!

Петька вновь прижал к себе Ксению.

— А замуж за меня пойдешь, за такого, за разбойника?

Ксения поцеловала его в затылок.

— Пойду, Петруша!

Глава 18

До Мальты осталось немного. Марсовые смотрели в оба, но горизонт был безмятежен, и на корабле шла обычная работа. Ксения Егоровна сидела у кормового окна и чинила рукав жюстокора, пострадавшего в битве. Она слышала, как на палубе раздавался зычный баритон Петруши, с улыбкой подумала: «капитан!». В дверь постучали, и Ксения пригласила войти. Она думала, что это Оливер и обрадовалась, что может с ним немного поболтать. Но в кают-компанию зашел незнакомец с подносом, на котором красовались изящные чашки и кофейник.

— Капитан приказал принести вам кофе, мисс, — на ломаном английском языке промямлил незнакомец.

Ксения посмотрела на него и, ахнув, не поверила своим глазам.

— Дмитрий Павлович?? — почти прошептала девушка.

Он поднял на Ксению глаза и грустно улыбнулся.

— Да, Ксения Егоровна, я.

Ксения обомлела, разглядывая бывшего барина Назарова. Все в нем изменилось. Он похудел, во взгляде возникло какое-то заискивающее выражение.

В дверях возник капитан Кингли.

— О! Вот и кофе! — бодро заметил он. Дмитрий Павлович налил Петру и Ксении ароматный напиток и услужливо подал на подносе. Петр сделал глоток,

прищурившись, бросил взор на Ксению.

— Узнала, лапушка? — он хмыкнул. — Правда, жиру да спеси поубавилось, но узнать можно. Дмитрий Павлович здесь у меня на бриге моряком подвизался сначала, а так как он ленив от рождения, наука морская оказалась ему не по зубам. Вот перевел его к коку в помощники. Кофе варит отменный.

Ксения поставила свою чашку на стол и подошла к Дмитрию Павловичу. Она взяла его за руку.

— Дмитрий Павлович, как вы здесь поживаете?

Глаза барина повлажнели.

— Я, Ксения Егоровна, хорошо живу. Благодарю вас за слово доброе. Да и русскую речь приятно услышать. Я ведь раньше, как глухонемой был, а вот благодаря капитану, стал по-английски да по-испански понимать.

Ксения Егоровна чуть не плакала. Жаль ей стало бывшего барина. Петр это заметил.

— Ну, будет, — отрезал он, — тебя, Дмитрий Павлович, на камбузе заждались, верно. Ступай!

Дмитрий Павлович вышел.

— Жаль мне его, Петруша, — вздохнула Ксения, когда дверь за бывшим барином закрылась.

Петр изучающе воззрился на девушку.

— Жалостливая ты у меня, Ксюша, — вдруг вспомнилось ему лицо Ксении, когда она проткнула шпагой бербера. И он улыбнулся. — Я жалость свою, Ксюшенька, под кнутом Елизаветы Захаровны оставил. Барин у меня здесь науку морскую изучал, да экзамен держал. Бит был несколько раз за провинности.

— Экий ты, Петруша, мстительный! Ведь добротой можно большего добиться.

Петр подошел к Ксении, обнял ее.

— Да я не лютовал сильно, лапушка, — произнес он нежно, — поучил барина уму-разуму. К тому же он обычный матрос, а здесь любому за провинность наказание будет.

Ксения вскинула брови.

— Так и я ведь теперь твой матрос. Неужто и меня наказывать будешь?

Петр прикоснулся поцелуем к губам девушки.

— Если провинишься, то и накажу.

***

У берегов Мальты на «Агнце» моряки прощались. Иван Никитич сначала пожал руку Грейс Моран и вежливо поблагодарил за помощь, выразив восхищение, как уж смог по-английски, отвагой и мастерством грозной капитанши. Потом он подошел к Петру. Капитан Сумароков сначала протянул капитану «Агнца» руку, но потом обнял его по-отечески.

— Благодарю тебя, Петр Алексеевич! — у Ивана Никитича даже голос дрогнул, — если бы не ты, даже не помыслю, что могло статься. Сказать то я тебе более ничего не могу, но спас ты не только нас. И за «гостинец» низкий поклон тебе. Салим-паша давно в этих водах безобразничает, христианам от него житья нет. Денег ты брать не хочешь, сам скажи, чем отблагодарить то тебя.

Петька улыбнулся. Он обернулся и, взяв стоящую за его спиной Ксению за руку, произнес:

— Иван Никитич, ты не рассыпайся в благодарности, ведь так и так Салимку приструнить бы пришлось. Ты мне вот, что скажи. У тебя на шхуне по уставу батюшка православный должен быть.

— Да, Петр Алексеевич, имеется, — понимающе растянул губы в улыбке Сумароков. — Отец Павел.

— Пусть он нас с Ксюшей обвенчает! — Петр посмотрел на Ксению, и она зарделась.

Иван Никитич расплылся в умилении.

— Почему бы и нет, Петр Алексеевич, конечно, обвенчает! — капитан Сумароков обернулся и крикнул, — эй, доставьте-ка отца Павла на «Агнца»! Да Василия Антоновича тоже, посаженным отцом Ксении будет.

***

Каюту капитана было не узнать. Вместо гамака стоял застеленный полотняным бельем топчан, а к нему сверху пристроен балдахин из тонкой кисеи. На столе стояла бутылка красного вина, и лежали фрукты. Тусклый свет фонаря на борту придавал маленькой каюте волнующую интимность.

Петр улыбнулся и покачал головой.

— Олли постарался.

Ксения в простом платье, которое они с Грейс придумали за час до венчания, взяла яблоко, но есть не стала, перекатывала его из ладони в ладонь.

Петька подошел к ней, взял ее лицо в руки и нежно прикоснулся губами к ее губам.

Ксения дрожала. Яблоко покатилось по полу.

— Боишься, лапушка моя? — его губы нежностью задержались на трепещущей шее. — Любимая моя, сладкая!

— Не боюсь, Петрушенька, сокол мой ненаглядный, — Ксения млела от поцелуев молодого мужа. — Ты такой ласковый. От волнения дрожу и от любви к тебе!

— Ведунья моя, Ксюша, — шептал Петька, его пальцы осторожно распустили завязки платья Ксении, — нагадала счастье. Вот и исполнилось! Моя ты теперь навеки, моя, лапушка! Перси сахарные, — его губы со страстью и в то же время мягкостью припадали к упругим соскам, — чресла аппетитные, врата медовые блаженства, — в пылком томлении молвил Петр, покрывая поцелуями бедра Ксении.

— Твоя, любый мой, твоя! Объятия жаркие! Уста нежные! Шепот твой кружит мне голову, Петрушенька.

— Лапушка моя милая да страстная, счастье мне с тобой, Ксюша, светик мой ясный! Голубка, душенька, медовая моя! Огонь то какой в тебе моя хорошая, любимая!

Петька в страсти целовал живот Ксении, и спускались его уста все ниже и коснулись уже трепещущей нежности. И ниже, ниже… Ксению будто пронзила молния, но не обожгла. А потом волна накрыла ее мягкая: обволокла, изнежила. И опять молния и вновь волна. Напала на Ксению истома сладкая. Она в объятиях его сильных и нежных. Казалось, отпусти он ее, смерть наступит. И вдруг боль, как порыв ветра! Петр покрыл поцелуями лицо Ксении.

— Лебедушка моя, ладушка! Не всегда так будет! — шептал Петр нежно. — Любимая моя!!

Ксения уснула на груди Петьки, обхватив его рукой. Он тоже задремал, боясь шелохнуться, чтобы не разбудить лапушку. В дверь робко постучали. «Капитан!» Петр узнал голос Оливера.

Петька осторожно высвободился из объятий любимой, обернул бедра рубахой, приоткрыл дверь.

— П-прости, П-питер! — прошептал Эшби, — Земля! Корфу!

Петька оглянулся на Ксению. Совсем не было охоты покидать лапушку. Но идти надо. Во-первых, сочинить письмо для байло[23] с просьбой принять его и капитана Моран. Во-вторых, убедить его в необходимости присутствия корсарских кораблей на юго-западном рубеже Ионического моря.

В его сундучке для бумаг лежало рекомендательное письмо от Великого Магистра мальтийского ордена Мануэля Пинто де Фонсека, которое, как думал Петр, послужит весомым аргументом в пользу его доводов. Шкатулка из оникса с сокровищами, раздобытыми в Перу, должна окончательно уверить байло в преданности морских искателей приключений и славы.

— Хорошо! — кивнул Петр, — ложимся в дрейф! Просигналь на «Изумруд».

Глава 19

Беседа с байло Корфу завершилась благополучно на взаимовыгодных условиях. Пираты предложили свои услуги в якобы охране юго-западных границ Ионического моря, но на самом деле речь шла о предоставлении им убежища. К тому же пираты гарантировали тридцатипроцентную долю своей добычи байло Корфу и провведитору[24] Чериготто[25], острова, по сути, отдающегося в аренду корсарам. Правителя Корфу приводило в восторг данное предприятие, весьма удачно действовавшее на далеких островах Карибского бассейна. Припомнилось, что двести лет назад сама королева Англии Елизавета Тюдор закрыла государственный долг за счет средств, добытых английскими пиратами.

По Пожаревацкому мирному договору[26] 1718 года остров Чериготто оставался под властью Венеции, но османские и алжирские пираты время от времени совершали разорительные набеги на эту часть пролива. Венеция была вне себя,

но Османские власти только пожимали плечами: «Что с них взять? Пираты!». Было бы весьма недальновидным упустить шанс взять реванш у обнаглевших иноверцев.

Конечно, двух кораблей будет недостаточно, но капитан Моран уверила байло, что этот вопрос в основном решен и к концу этого месяца на рейде близ Чериготто обоснуются еще два корабля.

***

Ксения и Оливер беззаботно сидели на трапе в ожидании Питера и Грейс.

— Оливер, — с улыбкой обратилась Ксения к Эшби, — спасибо, что так мило устроили все в каюте.

Оливер в удивлении вскинул брови и произнес по-русски:

— Это не я! Это Грейс. Она хотела сделать для вас, Ксения, приятность. Грейс сказала, что «эта девочка должна познать красоту момента». Надеюсь, я правильно перевел на русский.

— О! — Ксения вспомнила печальную историю капитана Моран. — Я очень ей благодарна! Грейс великолепна!

Оливер устремил свой взгляд в лазурный горизонт, и проговорил:

— Я благодарить судьба. Жить скучной и унылой жизнью, в цивилизованном мире, я быть окружен корыстью и алчностью. Смешно… я стал пиратом и живу среди пиратов, но я не променяю грубого благородства Питера и жесткой честности Грейс на мнимую вежливость и лживое сострадание моих прежних знакомцев. Грейс быть безумной в любви, и знать, что ей нужен я, но не мое положение.

Ксения слушала Оливера, не перебивая. Она заметила, что мистер Эшби, говоря по-русски, не заикается.

— Может быть, завтра все закончится, может нам суждено умереть! — Оливер говорил медленно, будто смакуя каждое слово. — Мисс Ксения, я ни секунды не жалеть не о чем! Если бы я умирать в Кингстоне от болезни, я умирать и плакать оттого, что я умирать как червь.

— Оливер, — мягко возразила Ксения, — не говорите о смерти. Мы через многое прошли, и я верю в нашу счастливую звезду. Сбылись мечты, об исполнения которых даже помыслить не было возможности. Правда, осталась одна,

заветная, но… — Ксения погрустнела. — Конечно, я не могу сейчас убедить Петрушу вернуться в Россию. Он и слышать о том не желает. А я скучаю по батюшке, по нашей Аптекарской улице, по снегу и морозу.

— Питер знать много несправедливость в России, — оправдывая друга, произнес Оливер.

— Да, Оливер, — вздохнула Ксения, — сама видела. И Петрушу не осуждаю.

Вдруг Ксения посмотрела мимо собеседника. Оливер, увидев в ее взгляде тревогу, обернулся. От «Изумруда» отвалила шлюпка, но всего непонятней и настораживающим выглядели открывающиеся пушечные порты на шхуне. Ксения и Оливер перешли с трапа на палубу. В шлюпке находился Перселл и пятнадцать моряков, вооруженных до зубов с «Изумруда».

— Оливер, — произнесла Ксения, — оружие!

На борт, по-хозяйски ступил Персиваль с матросами. Команда «Агнца», не совсем понимая намерения бывшего старпома капитана Моран, стояли во все оружие около Оливера и Ксении. Перселл осклабился.

— Надо же, как нас встречают! — он подступил ближе к команде брига. — Не думал, что друзьям не рады! Как у вас в России принято, мисс: «хлеб-соль»? Где ваше гостеприимство?

— Друзья, а пушками угрожаете! И я не помню, чтобы мы выслали вам приглашение, Перселл, — выступая вперед, проговорила Ксения. — Рано тебя расковали, я смотрю, проку не стало.

Перселл подошел к отважной женщине, он протянул руку к ее лицу, но чье-то лезвие шпаги плашмя шлепнуло мерзавца по похотливым пальцам предателя. Боцман Джок встал между Ксенией и мятежником. Шотландец с презрением произнес:

— Зря тебя Моран пригрела, повесить на рее тебя, в самый раз будет.

— А ты попробуй! — осклабился Перселл и вскинул вверх руку, сразу за этим последовал выстрел из пушки. Ядро, судя по звуку, плюхнулось рядом с бортом. — Еще одно невежливое слово и бортовой залп орудий моей шхуны отправит вас на корм рыбам.

Перселл опять посмотрел на Ксению.

— Знаешь, милаха, твой Кингли мне поперек горла, — он кому-то кивнул, Джок и Оливер были сбиты с ног подельниками мятежника. Джок стукнулся затылком о рустер[27] и потерял сознание. Оливер попытался подняться. Но мощный удар оглушил его. Матросы «Агнца» кинулись на изменщиков с «Изумруда». Новый выстрел со шхуны остановил их. Ядро попало выше ватерлинии.

— Чего ты хочешь, Перселл? — крикнул канонир Коннор, высокий бородатый шотландец. — Дележ был честным и корабль Кингли достался по праву. Он моряк, а ты торгаш, прощелыга.

— Коннор, ты не находишь, что вы не в том положении, чтобы наносить мне безнаказанно оскорбления.

Он кивнул своим головорезам.

— Загоните их в трюм. Кстати, и серебро можно прихватить. И у меня есть дело к этой русской мисс.

Мятежники с «Изумруда» выстрелами из пистолетов и уколами шпаг загнали вниз команду «Агнца». Мерзавцы скрутили Ксении руки за спиной. Очнувшийся Оливер рванулся: «Не трогайте ее своими лапами, отребья!». Эшби подняли двое матросов на голову выше бедного Оливера и стали избивать его. Он пытался сопротивляться, но вскоре упал, потеряв силы. Перселл подступил к Ксении и провел ладонью по ее лицу. Ксения плюнула с ненавистью в плотоядную улыбку. Перселл утерся и проговорил:

— Горячая! Развлекся бы я с тобой, да некогда!

Один из матросов Перселла, ткнув пальцем в горизонт, произнес:

— Шлюпка!

Перселл улыбнулся.

— А вот и наши капитаны! Как ты думаешь, милаха, твой красавчик очень расстроится, если узнает, что я тебя продал в гарем Мехмед-бею? — он повернулся в сторону «Изумруда» и дал знак канонирам на шхуне. — Ладно, не будем расстраивать Кингли, пусть умрет счастливым, да и моя «булочка» тоже.

Раздался выстрел и шлюпка, где находились Петр, Грейс и пятеро матросов с «Агнца» взорвавшись, вспенила идеальную гладь моря. Ксения бросилась вперед и вцепилась в горло Перселлу. Перселл стал задыхаться, но обезумевшую молодую женщину оглушил кто-то из матросов, ее цепкие пальцы выпустили ненавистную шею. Хрипя и кашляя - Ксения сломала ему кадык - он

наотмашь ударил бедняжку по щеке и со злобой прошипел:

— Все на «Изумруд»! Взорвать к чертям эту лоханку!

— Перси, но как же? — его приспешники были в недоумении.

— Взорвать!! — сорвался на визг Перселл.

***

С окровавленной головой Оливер пытался подняться хотя бы на четвереньки. Его мутило. Он огляделся. Джок стал подавать признаки жизни, из раны на затылке струилась кровь. Оливер сделал еще одну попытку встать, чьи-то руки подхватили его и поставили на ноги. Оливер поднял глаза. Перед ним стоял, восставший из мертвых, мокрый Питер Кингли. У борта лежала Грейс, на плече ее зияла кровавая рана и она была без сознания.

— Что здесь произошло, Олли? Где Ксения, где команда?

Оливер пытался собраться с мыслями.

— Трюм, Питер! Они говорили о взрыве! Трюм!

Петр с двумя оставшимися матросами со шлюпки уже кинулся к рубке. В одно мгновение они оказались в пороховом трюме. Зажженные фитили уже подкрадывались к бочкам с порохом. Матросы стали накидывать на огонь свою мокрую одежду. Питер нашел команду, запертую в тесной клетке.

Дмитрий Павлович рванулся к Петру.

— Петр Алексеевич, это Перселл! Он Ксению Егоровну забрал, что-то сболтнул про гарем Мехмед-бея!

Взгляд Петьки метнул молнии.

— Ну, паскуда! Все наверх!

Поднявшись на квартердек, Петр взял подзорную трубу. Корма «Изумруда» маячила в 20 кабельтовых[28] от «Агнца».

— Открыть порты! Мистер Коннор, целиться по ахтерштевню. Рулевой, круче к ветру! Догоним!

«Если, что случится с лапушкой… Перселлку по частям акулам скормлю».

«Агнец» настигал, Перселл чертыхнулся. Он уже прекрасно осознавал, что встречи не избежать. Бриг был на расстоянии выстрела, и он последовал, разнося ахтерштевень в щепки. Шхуна стала неуправляемой. Перселл рявкнул:

— Девку на квартердек!

Ксения извивалась и кусалась, но здоровый матрос втащил молодую женщину на мостик. Она увидела Петьку. Перселл приставил к ее горлу нож.

Бриг уже был борт о борт с потерявшей управление шхуной.

— Кингли! — крикнул Перселл, — твой абордаж будет последним, что увидит твоя девка!

Петька посмотрел на Ксению. Она не была испугана, ее глаза сверкали решимостью и гневом.

Петр крикнул по-русски:

— Ксюша, он зело глуп, да и слаб на передок!

Ксения, немного поддавшись влево, со всей силы ударила Перселла кулаком в пах. Он взвыл и вдруг рухнул. Ветром разнесло сухой звук ружейного выстрела. Джок стоял на квартердеке[29] и медленно опускал дымящееся ружье.

— Отличный выстрел, мистер Дугэл, — отдав честь шотландцу, произнес капитан «Агнца» и скомандовал, — на абордаж!

Петька первым спрыгнул на палубу «Изумруда». Ксения бросилась к нему.

— Господи, Петенька, я думала, убил тебя этот аспид!

Петр подхватил жену на руки. Он увидел сильный кровоподтёк на ее щеке.

— Лапушка, родная моя! Это Перселл? — его глаза загорелись дьявольским огнем.

— Боже, Петруша! — испугалась Ксения. — Об тебя обжечься можно!

Петька посмотрел, как его команда загоняет предателей на корму. Оливер совершенно обезумел, он размахивал саблей, оставляя после себя кровавый след.

Капитан «Агнца» не стал его останавливать.

Глава 20

Лекарю мистеру Ангусу на «Агнце» работы прибавилось. Всех раненых перевели с «Изумруда» в лазарет брига. Ксения Егоровна вызвалась помочь мистеру Ангусу. С собой из России она прихватила, вернее Фекла всучила девушке множество мешочков с засушенными травами и ягодами. Петру нравилось, когда Ксения готовила для него ароматные напитки из душицы и ромашки, заправляя их калиной да земляникой и добавляя немного царь-травы. Теперь же пригодились Феклины запасы листьев березы, смородины и малины в лечении раненых. На подхвате был и Дмитрий Павлович. Только и успевал бывший барин носить кипяток из камбуза[30], заваривать под руководством Ксении целительные настои.

Бедный Оливер! Ему сильно досталось. Правый глаз заплыл, губы, разбитые в кровь, потеряли свою форму, да и ребра, похоже, были поломаны. Раненая в плечо щепкой от взорвавшейся шлюпки, Грейс уже пришла в себя. Бледная и ослабленная, она лежала в гамаке и держала за руку верного Оливера, ожидая своей очереди на осмотр врача. Джок Дугэл ходил по лазарету с перебинтованной головой и маялся от тошноты. Кубрик время от времени оглашался стонами раненых моряков.

Когда вошел капитан Кингли, Грейс улыбнулась и проговорила:

— Нет, вы посмотрите на него: красив, ухожен и ни одной царапины! А мы здесь как обломки кораблекрушения!

Моряки засмеялись.

— Я заговоренный, Грейс! — заметил Петька, — у меня два ангела-хранителя, правда, они-то и пострадали вместо меня. — Он окинул взглядом искалеченного Оливера и Ксению с кровоподтеком на щеке. — Мистер Ангус, сколько раненых?

— На «Агнце» семнадцать. С тяжелыми ранениями - трое, — продолжая свой врачебный долг, говорил лекарь. — С «Изумруда» перенесли десятерых. К сожалению, убитых на шхуне девять.

— Чертов Перселл! — простонала Грейс, — это были умелые моряки. Что думаешь с ним делать, Кингли?

— Ты уж, Грейс, сама, — произнес Петр, — я за себя не поручусь…

Оливер Эшби усмехнулся. Он видел, как Питер, после боя, сгреб Перселла, раненного в плечо выстрелом Джока, когда заметил след удара на щеке Ксении. Схватив его за шею, несколько раз стукнул лбом о фальшборт, а потом, прижав его за горло к грот-мачте, вырвал из бороды на скуле клок волос и сунул Перселлу в рот со словами: «Если жив будешь, запомни, бабочек бить - последнее дело!». Перселл скулил, как собака.

Петька подошел к Ксении и, не стесняясь, поцеловал ее в ушибленную щечку. Молодая женщина смутилась: «Петенька, люди ведь кругом!»

— Как ты, лапушка? — промолвил Петька нежно, при этом бросив суровый взгляд на «людей».

— Хорошо, Петруша, — проворковала Ксения, — мне Дмитрий Павлович примочку на щеку сделал, не так больно теперь.

Петр в удивлении воззрился на своего бывшего барина.

— Похоже, дядя Емельян тебя не в ту академию отправил учиться, Дмитрий Павлович!

Дмитрий Павлович робко улыбнулся. Бывший барин и слуга посмотрели друг на друга. Со стороны казалось, что взгляд этот будто тихая беседа закадычных друзей. Петр хмыкнул в задумчивости: «Надо же!»

— Питер! — вернув капитана Кингли к их общему делу, позвала капитан Моран. — Что там байло?

— Отлично! — ответил Петр, — они видели, как мы, недавно предлагающие свои услуги в сотрудничестве, передрались как торговки на рынке и пребывали в недоумении. Но мне удалось уверить байло, что это был спектакль! Так сказать, товар лицом, на что мы способны. «Изумруд» изображал турка, «Агнец» — воплощение христианского гнева.

Моряки грохнули дружным хохотом.

— И он поверил?

— Еще бы! — усевшись на табурет, провозгласил капитан Кингли, — я был хорош в описаниях!

— Ты бог дипломатии, Кингли, — с восторгом ответила Грейс.

— Возможно, — улыбнулся Петька, — когда покончу с пиратством, пойду служить в посольский приказ. Как там с ужином, Дмитрий Павлович?

— Кок занимается, будет вовремя! — последовал ответ.

***

Капитан Кингли, проверив, как идет работа на кораблях, остался покурить на палубе. Ночь была лунная, светлая. Петр распределил вахты и на парусниках ремонт не прекращался даже на мгновение, надо было уложиться в три дня.

Петька пускал в звездное небо аккуратные колечки дыма и с нежностью думал о спящей в каюте Ксюше, его лапушке. Он уже воображал себе, как подойдет к ней и поцелует сладкие пальчики на ногах, и пройдется лаской по ее округлым белым ножкам, и будет нежно покусывать ее медовую шейку и… разомлел! Уже собрался выстукать табак из трубки.

— Петр Алексеевич! — услышал он робкий голос. — Небо-то какое!

Петр повернулся и увидел своего бывшего барина.

— Что ж ты не спишь, Дмитрий Павлович? Тебе через три часа на вахту заступать.

— Да вот решил подышать перед сном да тебя увидел, — барин перевел дух. — Ты прости меня, Петр Алексеевич. Виноват я перед тобой, да Бог-то мне и показал, каково это, когда человек человека скотиной делает. — Дмитрий Павлович помолчал немного, и Петька не стал нарушать этой паузы. — Попали мы в шторм, корабль в щепы о рифы разбился, подобрал нас работорговец. И вот тогда в трюме, закованный в кандалы, под ударами плетей и, понял я, каково тебе было. Когда стоял на рынке, и продавали меня как бычка, уже и мыслей человеческих не было. — Он вздохнул. — Я ведь думал, что, купив меня, отыграешься за все годы издевательств, а ты поступил, по справедливости, по-христиански.

Петька внимал исповеди своего бывшего барина, разглядывая его с интересом. От лоснящегося жиром толстяка не осталось и следа. Перед ним стоял вполне симпатичный молодой человек, неплохо сложенный, длинные волосы цвета спелой пшеницы, голубые глаза. Но не верил ему Петька. Неужели закосневший в своих убеждениях барчук так круто мог поменять свои взгляды? Стоит перед своим бывшим холопом и винится.

— Знаешь, Дмитрий Павлович, — проговорил Петр, — ежели ты в Россию хочешь вернуться, то я тебя не держу. Ты мне не раб, хотя за тебя внушительная сумма уплачена, — капитан Кингли пыхнул трубкой. — Елизавета Захаровна, чай, все

глаза проплакала и перед дядей Емельяном можешь экзамен держать по науке морской.

— Спасибо тебе, Петр Алексеевич, — глаза барина повлажнели, — да только не хочу я домой возвращаться.

Петр вскинул брови в удивлении.

— А что так-то, Дмитрий Павлович? Или глаз на мою жену положил? Вижу, увиваешься подле нее часто.

— Бог с тобой, Петр Алексеевич! — воскликнул барин. — Я не умалишенный, чтобы у тебя жену отбивать! Не скрою, нравится мне Ксения Егоровна. Еще с той поры, как в Санкт-Петербург ехали. Видел я, что и тебе она приглянулась, и что Ксении Егоровне ты, а не я, по сердцу пришелся. Поэтому и унижал тебя всяко перед Давыдовыми. За то меня Бог и покарал. Ты уж прости меня, Петр Алексеевич!

— Бог простит, Дмитрий Павлович! Да и я уже зла не держу!

— Небось, Давыдовы тебя приютили, когда от меня ты сбежал?

Петр с любопытством посмотрел на своего бывшего барина. Взгляд у того прямой да открытый, голубизна его глаз создает впечатление прямодушия.

— Что ты, Дмитрий Павлович, окстись! Я и адреса не знал, — ответил Петька. — Прямиком на пристань. Завербовался на первое попавшееся судно моряком. Да и не беглый я уже, Дмитрий Павлович! Мне вольную грамоту сама матушка-императрица подписала.

— Вот как! — в простом возгласе бывшего барина, Петр уловил нотки разочарования. — Я не знал...

— Да, Дмитрий Павлович, — сверля взглядом собеседника, произнес Петька. — Ксения Егоровна замуж за вольного вышла. Девкой крепостной никак не может быть. Так-то вот!

— Да неужели ты подумал....

— Подумал, Дмитрий Павлович, подумал! — щуря глаз от дыма своей трубки, подтвердил Петр. — Не верю я тебе! Так что, как случится оказия, отправлю тебя к матушке твоей! Грейс уже пригрела одну змею. Второй нам не надобно.

— Зря ты так, Петр Алексеевич, — понурился Дмитрий Павлович, — я был искренен с тобой. Хотя имеешь право не верить! Только не отсылай меня домой.

Позволь доказать, что другой я.

— Иди спать, Мэт, — вдруг по-английски сказал Петр, — если увижу, что на вахте носом клюешь, палубу три раза драить будешь.

Дмитрий Павлович пошел в сторону рубки. Потом остановился. Постоял немного. Повернулся.

— Знаю я, Петр Алексеевич, простить тебе меня трудно. Ты и за отца своего Алексея Михайловича прости. Погубила его моя мать не за грош. Глупо было рассчитывать на твое великодушие.

Петька зыркнул на него из-под треуголки черным взглядом.

Глава 21

Приболел Егор Иванович. С утра голова разболелась, суставы заломило. Фекла пользовала его медом да чаем с малиновым вареньем. Он сидел в гостиной у камина в любимом кресле, облаченный в халат и колпак, смотрел на огонь и вздыхал. Прошел почти год, как Ксенюшка ушла из дома на поиски Петьки. Сначала Егор Иванович сам был не свой от гнева, а потом с болью и страхом, засевшим в его родительском сердце, наступила тоска.

С утра были студенты, справлялись о здоровье любимого профессора. Егор Иванович немного развеялся. Фекла испекла пирог с грибами, чаю выпили.

Егор Иванович старался не думать о скверном, считал, что плохие новости всегда быстро приходят, хорошие в дороге задерживаются.

В дверь постучали. Егор Иванович занервничал:

— Фекла, голубушка, скажи — нет меня!

Фекла торопливо вбежала в гостиную, показывая руками на дверь. Вслед за ней неловко зашли два морских офицера.

— Господин Давыдов, — сказал один из них в мундире капитана, — мы к вам с весточкой от дочери вашей Ксении Егоровны.

Егор Иванович вскочил. Сердце готово было выпрыгнуть, он даже пошатнулся.

Капитан подбежал к нему и придержал за локти.

— Егор Иванович, — воскликнул капитан, — вы уж поосторожней!

— Говорите, — простонал Егор Иванович, — не томите!

Капитан помог Давыдову опять устроиться в кресле.

— Я капитан Сумароков Иван Никитич, а это мичман Василий Антонович Сотников, — представился сам и представил своего спутника моряк. — Ксения Егоровна на мое судно завербовалась, на шхуну «Осторожный». Я-то думал, что юноша, а вот Василий Антонович сразу понял, что дева это.

— Ох, ох! — запричитал Егор Иванович, — позволял ей много! Да вы присаживайтесь, господа! Фекла, чаю!

Егор Иванович вспомнил о своих обязанностях хозяина. Усадил гостей, распорядился насчет угощения, поднялся наверх, переоделся.

— Вы уж простите, господа, — извинялся профессор Давыдов, — приболел я немного.

— Это вы нас простите, Егор Иванович, — поспешил оправдаться Василий Антонович, — вот сошли на берег, сразу к вам. Ксения Егоровна просила кланяться вам. Нашла она жениха своего. Не взыщите, Егор Иванович, я у дочки вашей на свадьбе посаженным отцом был.

— Так она замуж вышла? — сокрушенно произнес профессор Давыдов, — эх!

— Егор Иванович, — сердечно молвил Василий Антонович, — муж у нее хороший. Петр Алексеевич вам поклон шлет и просит вашего прощения! Вот письмо вам наказал передать. — Мичман вынул из кармана лист, сложенный в четверо. — Петр Алексеевич сказывал, что все в письме объяснил. Славный моряк, если бы не он, быть бы экипажу «Осторожного» на невольничьем рынке в кандалах.

Егор Иванович принял послание от зятя и перевел дух.

— Ксенюшка моя-то как? Здорова ли?

— Да, Егор Иванович, не беспокойтесь, — улыбнулся Василий Антонович, — боевая дочка у вас! Когда Салимку брали на абордаж, она бербера шпагой проколола.

— Ох! — вздохнул бедный отец. — Скучаю я по ней, по моему воробышку! Увидеть бы ее, обнять! Она у меня бунтарка, всегда за справедливость стояла. Снаружи девушка нежная, а внутри амазонка непокорная! Вы в те края не скоро еще, господа?

— Как приказ будет, Егор Иванович! — ответил капитан Сумароков.

— Хочу дочери записочку черкнуть. Может, как соберетесь, забежите ко мне?

— Конечно, Егор Иванович!

Гости поднялись.

— Пора нам, Егор Иванович, — произнес капитан Сумароков, — Служба!

— Да, господа, — хозяин дома встал из кресла, — благодарю, что порадовали отца, утешили.

Егор Иванович проводил гостей до двери, и они раскланялись. Он посмотрел на Феклу и покачал головой:

— Вот, Фекла, приютили мы на свою голову тогда зятя! Замуж вышла наша Ксенюшка. А это что? — он увидел в руках служанки увесистый кожаный кошелек.

Фекла жестами, как могла, объяснила, что это оставили моряки от зятя, Петра Алексеевича. «Мол, вряд ли, Егор Иванович примет. Тайком Фекле отдать надо».

Профессор Давыдов вернулся в гостиную и взял письмо Петьки в руки. Пробежав глазами по строчкам, он опять сложил бумагу и бережно положил на столик перед креслом.

— Благословляю! Храни Господь!

***

На северо-востоке Черигото в бухте обосновались корсары. Свято место пусто не бывает! Когда-то в IV – I веках до Рождества Христова киликийские пираты облюбовали этот остров, устроили здесь базу и отправляли суда на разбой, пока не пресёк их шалости Помпей Великий.

Питер Кингли в тайне мечтал о новой республике пиратов, вдохновившись легендой о Тьерри Миссоне и его Либерталии на Мадагаскаре. К кораблям «Агнец» и «Изумруд» присоединился бриг «Гордость королевы» и бермудских шлюп «Дельфин». Капитан Осборн недолго думал, когда получил письмо от Грейс Моран с предложением немного «поработать» в Эгейском и Средиземном морях. Его товарищ, шкипер Диксон, командующий шлюпом, согласился почти мгновенно, когда капитан «Гордости королевы» намекнул ему, что собирается в небольшое путешествие по теплым восточным морям. Пираты разместились на скалистых берегах острова в небольших беленых домах, каскадом, рассыпанных по склонам. Малочисленное население восприняло новых жильцов спокойно, без

восторга. Но пираты договорились с местными жителями об условиях проживания полюбовно. Корсары арендовали дома, хозяева обслуживали жильцов за определенную плату. Морякам позволялось заводить семьи, во избежание насилия и непотребства.

Головой пиратского городка всеобщим собранием был назначен бывший Петькин барин.

«В море толку от тебя никакого, Дмитрий Павлович, а на берегу, да еще на хозяйстве, думаю справишься. Ты, чай, помещик!» Петр тогда ёрничал, а Дмитрий-то Павлович за дело взялся с умом. Даром, что помещик! Добытое пиратами добро записывал аккуратно в заведенную им книгу и сам высчитывал «жалованье» каждому матросу. Проценты, причитающиеся байло Корфу и провведитору Чериготто, скрупулезно вычисленные, он вносил в отдельный том. Отлично и разумно справлялся он и с бюджетом, отобранным на содержание маленького пиратского поселения. Баню поставил, шатер для совета. В общем, Петр Алексеевич не прогадал, назначив своего бывшего барина на сею должность. В городке царили полный порядок и благоприятность.

***

Грейс и Ксения вернулись засветло из разведывательного плавания на шлюпе к берегам Крита. На Чериготто застали они картину весьма красноречивую: бриг «Агнец» покачивался на волнах с разбитой грот-брам-стеньгой. Рядом с бригом, изрешеченная, со сломанными мачтами - турецкая фелука. А на берегу были свалены ящики с благовониями, восточные шелковые ковры и серебряная посуда. Когда женщины спрыгнули на берег, к Ксении подошел с озабоченным видом Оливер и просил не волноваться:

— Мисс Ксения, капитан Кингли ранен, но не тяжело, не беспокойтесь. Он у себя. Отказался от услуг Ангуса, сказал, что сам справится.

Ксения в мгновение ока взбежала по каменной лестнице к их с Петькой домику, пронеслась мимо хозяйки, мрачной на вид старой гречанки Марии и влетела в крохотную комнатку. Петр сидел на кровати, спустив одну штанину кюлот. На бедре зияла кровавая рана.

— Петруша, — запыхавшись, произнесла Ксения, — что ж ты сам-то?

Она присела перед ним и стала осматривать рану.

— Царапина, лапушка! — ответил Петька. — У Ангуса и без меня полно работы. Взяли на абордаж Али-бея. Вот саблей полоснули.

— Царапина, а крови то сколько, да и бледный ты, свет мой! Сейчас я все сделаю, — промолвила она, отправляясь вниз.

Через несколько минут Ксения вернулась с горячей водой. Она осторожно промыла рану. Потом достала Феклины мешочки, и в большой кружке заварила иван-чай[31]. Бережно перебинтовывая бедро Петьки, покачала головой:

— Вот оставила тебя без присмотра!

Она подала Петьке кружку с настоем.

— Тебе поспать надо теперь, свет мой!

Петька послушно выпил чай и, застонав, положил перебинтованную ногу на кровать.

Ксения, укрывая Петра, поцеловала его в лоб.

— Холодный ты какой! — она налила еще в кружку целебного напитка и поставила ее на прикроватный столик. — Как проснешься, еще выпей.

— А ты куда, лапушка? — тихо взмолился Петька, когда Ксения направилась к двери. Ему не хотелось, чтобы жена уходила.

Молодая женщина вернулась, присела рядом и поцеловала бледные губы мужа. Улыбнулась! Ее грозный капитан Кингли казался ей сейчас беззащитным маленьким мальчиком.

— Мне с Грейс поговорить надо, свет мой! Обернусь скоро. Ты спи и сил набирайся, — молящий взгляд черных глаз заставил ее немного изменить планы. — Хорошо, хорошо! Посижу с тобой, пока ты засыпать будешь.

Петька согласился. Ксения прибрала комнату и присела подле него. «Заснул, ненаглядный мой». Ксения любовалась спящим мужем, его длинными черными ресницами, мужественным лицом.

— Сокол мой пригожий, — прошептала Ксения. Она провела рукой по своей груди. Вот уже два месяца к набухшим персям было больно прикоснуться.

***

Пиратки прогуливались по берегу, сняв обувь. Ионическое — море ласковое теплое, мягко прикасалось к ногам женщин, будто пытаясь с ними заигрывать. Ксения заметила, капитан Моран изменилась, из нее будто вынули металлический каркас. Одетая против обыкновения в робу, красиво подчеркивающую статную сильную фигуру пиратки, Грейс помолодела и выглядела нежной и женственной. Легкая улыбка играла на ее губах.

— Грейс, — начала Ксения, — тебя и не узнать.

— На моем теле много ран, Ксения, — оглядывая безмятежный горизонт, проронила капитан Моран, — на теле, а больше на душе. Я устала… Устала быть сильной, устала от потерь, устала от лжи. Мне почти тридцать, а в моей жизни не было настоящей радости. — Грейс повернулась к Ксении. — Я могла стать матерью, но на моих глазах повесили отца моего будущего ребенка. — Грейс помолчала, Ксении показалось, что в ее синих глазах мелькнули слезы. — Отчаянный, красивый! Твой Кингли похож на него. Его погубила его самонадеянность.

Ксения по-бабьи подперла подбородок, она слышала и про рабство, и побег, но не знала, что Грейс была любима и любила. Суровая ирландка, казалось, не имела чувств, ее грозная фигура всегда возвышалась на квартердеке как монумент женской жестокости и черствости. Она подчиняла себе мужчин одним взглядом и сурово наказывала, не зная жалости, за неповиновение.

— Отогреться бы тебе, милая, — Ксения обняла подругу, — поплакать. Под чугуном то золото блестит, я вижу.

— Ксения, — Грейс выпрямилась, — а я и не капитан больше. Я сняла с себя эту обязанность. Не хочу! Оливера прокричали капитаном. — Ксения ничего не ответила. — Из Эшби выйдет прекрасный капитан! Мне кажется, что он счастлив!

— Петр предложил? — наконец-то промолвила Ксения.

— Да! Питер сказал, что в Оливере живет настоящий «морской волк»! А я свободна и любима! Буду ждать своего героя на берегу, как благоверная женушка.

— А как же Перселл, — прищурилась Ксения.

— Мы с ним не состоим в церковном браке, дорогая. Мы сочетались по древним ирландским законам, и я могу избавиться от этих уз, одним словом. К тому же, он мятежник и заслуживает кару. Его выходка погубила много отличных

моряков. Питер дал на откуп его наказание мне, боясь, что будет излишне жесток, но и я не собираюсь строить из себя милосердного судью. Он будет прогнан по доске у берегов Крита. Я думаю, это справедливо.

Ксения в задумчивости прошлась немного вперед Грейс Моран. Она зашла глубже в воду и поводила ножкой по набегающей волне. Ксения улыбнулась чему-то и приложила руку к животу. Когда к ней подошла Грейс, Ксения подняла взгляд на пиратку:

— У нас с Петрушей ребеночек будет, Грейс.

— Я думаю, Кингли счастлив.

— Нет, Грейс. Я ему не говорила. — Ксения прошлась по воде. — Скажу, а он в море меня не возьмет.

— А сколько уже?

— Больше двух месяцев. Я знаю, что сказать надо, но я боюсь. Про возвращение в Россию даже намекать не смею, он слышать о том не желает. А здесь…

— Ксения, дорогая, — Грейс обняла свою подругу, — Кингли должен знать. Возможно, это известие поможет ему справится со своими страхами. Скажи, дорогая!

— Страхами?

— Да, Ксения, страхами, — Грейс усмехнулась, — глядя на Кингли, этого не скажешь. А ведь он страшится возвращаться в Россию. Конечно, он теперь вольный человек! Но Россия и лишения у него слились воедино. Он боится потерять тебя…Очень боится.

— Грейс, милая, — Ксения взяла ее за руки, — у нас с Петрушей одно биение сердца на двоих!

Глава 22

Корабли были подготовлены к отплытию. Разведка, которую провели Грейс, Ксения и Диксон дала исчерпывающие сведения о передвижении Мехмед-бея. Мехмед-бей славился своим богатством, гаремом из плененных христианок и немыслимой самоуверенностью. Его флот, состоящий из трех фелук и двух галер, считался непобедимым.

Капитан Осборн сидел с раннего утра в шатре на берегу, предназначенном для пиратских советов, пил кофе и ждал своих партнеров. Он был в превосходном настроении. «Все-таки из этого Кингли вышел толк. Теплые моря и сокровища Востока! Да еще и свой остров в придачу. Здесь зарождается новая корсарская республика!» Каперский патент капитана Осборна истек и предложение Грейс Моран пришлось весьма кстати. Уже первые вылазки вглубь Эгейского моря вдохновляли результатами, и капитан Осборн уже мысленно подбирал себе дом в Новом свете.

Правда, его немного взволновало решение Грейс Моран остаться на берегу и выбор капитана на шхуну «Изумруд». Оливер Эшби! Надо же! Он не узнал его! Высокий, загорелый, в зеленых глазах - огонь! Смело управляет кораблем, ругается по-русски, а грозная Грейс нежным голоском называет его: «Мой Изумруд!». Капитан Осборн отхлебнул кофе. Что ж! Он не против перемен. «Морской волк» посмотрел на часы. Через тридцать пять минут все соберутся на совет. Можно выкурить трубку и выпить еще кофе.

***

Петр осторожно дотянулся до часов, висящих на спинке кровати. На его груди спала Ксения и он не хотел разбудить ее. Петька посмотрел на циферблат. Надо вставать, его будут ждать на совете. Ксения пошевелилась и освободив мужа из своих объятий, перевернулась на спину. Петр улыбнулся: «лапушка!». Тронул губами драгоценный живот Ксении и выскользнул из-под одеяла, придержав перебинтованную ногу. Вчера Петька намеренно не сказал о походе на Крит, зная упрямый характер жены. Виня себя за то, что втянул Ксению в пиратское дело, он твердо решил, что теперь имеет полное право запретить ей выходить в море. Ведь обстоятельства изменились, они ждут ребенка! Петька снова улыбнулся, вспомнив как вчера зашлось радостью его сердце от новости Ксении. И речи быть не может о пиратском ремесле для нее! Он вдруг подумал о возвращении в Россию, но в душе шелохнулось что-то неприятное.

Петр оделся и подошел к спящей жене. «Ксюшенька моя, медовая!» Так хотел поцеловать ее, но ведь проснется, заупрямится. Не удержался, прикоснулся губами к милым устам. Ксения во сне обвила руками шею любимого. «Спи, лапушка, спи!» - прошептал Петька, целуя нежные щечки.

Капитан Кингли спустился вниз. Мария уже сварила кофе, на столе лежали горячий хлеб, козий сыр и оливки. Петька, проглотив быстро завтрак, оставил на столе монету. На ходу бросив хозяйке: «ευχαριστώ!»[32] он надел треуголку и вышел из домика.

Моряки забегали вокруг шпиля, ветер заходил с юга-запада. Немногочисленные жены и подруги моряков стояли на берегу, провожая уходящие к горизонту корабли. Сердце Петьки екнуло, когда он увидел любимую фигурку, спешно спускающуюся по ступенькам к пристани.

Ксения подбежала к краю пирса. Петра резануло по душе, лапушка плакала. Зря он так, надо было открыто сказать, пусть бы поспорили, а теперь камень на душе. Он увидел, как к Ксении подошла Грейс и обняла ее за плечи.

***

В море вышли на четырех кораблях: двух бригах, шхуне и отремонтированной на скорую руку турецкой фелуке. Шлюп оставили на Черигото.

Пиратские корабли подошли к Криту с севера и подковообразный залив служил им прекрасным стратегическим прикрытием. Эскадра Мехмед-бея выходила в море, держа курс на северо-восток. Его трюмы были полны мирры, шафрана и амбры. Сундуки ломились от золота. Мехмед-бей направлялся к Махмуд-султану.

У пиратов осталось время для того, чтобы согласовать свои действия. На карте Осборн расставил щепки, изображающие османский флот.

— Две галеры идут борт о борт. Фелуки в охранении. Предлагаю врезаться «Гордостью королевы» сюда, — капитан Осборн пальцем ткнул с юга-запада между фелукой в арьергарде и кормой флагманской галеры.

Петька хищно оскалился:

— Предлагаю немного пошуметь. Мне нужна парочка моряков, умеющих хорошо плавать. Есть идея! Правда, рискованная, но если выгорит…

— Питер, — покачал головой Оливер, — опять призываешь на помощь своего бога? Как его там?

— Авось, Олли, авось! — подмигнул другу Питер Кингли. — Поднять на фелуке турецкий флаг!

Петька вел фелуку в крутом бейдевинде. Пять матросов, вызвавшиеся идти вместе с капитаном Кингли, ждали приказа. Когда до цели, как предлагал капитан Осборн, оставалось около двух кабельтовых, Петр отдал приказ зажигать фитили. Шипящие и искрящиеся огоньки поползли к бочонкам с

порохом и маслом. Вот уже нос пиратской фелуки «пролез» между кормой флагманской галеры и баком сторожевого турецкого корабля. Петька и его матросы прыгнули за борт. Сквозь толщу воды до смельчаков донесся еле слышный глухой звук взрыва. Проплыв под водой пока хватало сил держать дыхание, моряки вынырнули и посмотрели на результат своих деяний. Корма флагманской галеры пылала, одна из фелук была полностью объята пламенем. Строй распался.

Пираты, воспользовавшись паникой в турецком стане, теперь могли спокойно плыть к своим кораблям, которые вышли из засады и неслись к охваченным пожаром и хаосом вражеским судам.

***

Пираты возвращались с триумфом и трюмами, наполненными дорогими восточными пряностями и сокровищами. Петька, стоящий на квартердеке своего брига, курил трубку. Он горел от желания быстрее попасть на Черигото, но ветер, к сожалению, заходил с северо-запада и судам приходилось лавировать. В таких условиях немыслимо было развить хорошую скорость.

Вот уже показались знакомые очертания их маленького острова. Петька вскинул руку с подзорной трубой. Уже издали стало ясно, что в их городке что-то случилось.

Был виден дым горящего поселка, шлюпа на месте не было.

Пираты высыпали на берег из шлюпок. Здесь явно шел бой. Но с кем? В поселке оставались только жены и подруги моряков и немногочисленные местные жители, в основном старики.

Петька взлетел по лестнице в их с Ксенией домик. Внутри царил хаос, перевернута мебель, на каменном полу на первом этаже лежал убитый магрибский моряк. Вдруг капитан Кингли услышал стон. Он сразу не заметил лежащую в луже крови Марию.

— Τι συνέβη εδώ? Πού είναι η Ksenia?[33] — пытался привести в чувство старую гречанку Петька.

Мария силилась что-то сказать, Петр наклонился к самым губам: «Πειρατές από τη Δύση!»[34]

В домик вломились разгоряченные Оливер и Джок.

— Питер, — задыхаясь, говорил Эшби, — Грейс нигде нет! Вообще никого, только старики остались. Мэт тоже пропал.

— Позовите Ангуса, — произнес, вставая Петр, — Марии нужна помощь. — Он посмотрел на друга. — Ксении тоже нет. Мария сказала, это были пираты с запада, — он кивнул на мертвого моряка, — из Магриба. Олли, на борт! Их надо догнать!!

Глава 23

«Пираты озверели!» Города и крепости Магриба[35] вот уже на протяжении трех месяцев терроризирует пиратская эскадра. Щадят только женщин и детей. Но разорения и грабеж немилосердный. Жители боятся засыпать, не загадывают завтрашний день. Жестокий Черный Пит и сумасшедший Рыжебородый могли нагрянуть в любую минуту и устроить ад. Если на горизонте мелькнули черные стяги «Агнца» и «Изумруда», надежды на спасение не было. Уйти от погони не представлялось возможным, похоже за штурвалом одного корабля стоял дьявол, а другому покровительствовал сам Посейдон. С какой бы стороны не появлялись Черный Пит и Рыжебородый, любой суровый шторм мог превратиться в послушного их воли раба.

Средиземное море очистилось от берберских корсар. Христианские торговые суда теперь проходили Северное побережье Африки безбоязненно: магрибские корабли гнили на дне.

К северо-востоку от Египта тоже творилась чертовщина. На южном побережье Османской империи свирепствовали «Чериготтские ведьмы»! Их бермудский шлюп наводил ужас на турок! Осатаневшие гарпии налетали на османские галеры и буквально парализовали волю суровых воинов ислама! Лица ведьм, раскрашенные синей краской, развивающиеся на ветру волосы, их холодящие кровь крики и мощный напор отбили охоту выходить в море самым отважным из моряков империи. Около трех месяцев назад нападение ведьм на торговую фелуку, когда не было произведено ни одного выстрела, стало предметом разговоров и зарождения суеверных ужасов. Откуда явились они? На каком языке разговаривали? Чего добиваются? Вопросов было больше, чем ответов. Ясно одно: как только на морской глади южного побережья возникал шлюп, с разноцветными лентами на снастях - вероятно, какой-то сатанинский обычай – значит, Аллах прогневался и наслал на головы грешников кару!

***

На рейде у Корфу покачивались на волнах пиратские бриги и шхуна. Капитан Осборн отбыл с визитом к байло. Добыча за последний месяц превышала все мыслимые расчеты и байло Корфу в очередной раз порадовался своему договору с корсарами. Петр и Оливер остались на своих кораблях, вернее капитан Эшби в ожидании Осборна перебрался на «Агнца», приглашенный к обеду. Капитаны сидели в кают-компании, обед остывал, зато бутылка рома уже в пятый раз прошлась по рукам.

Питер Кингли, черный, бородатый, сложив ноги на стол, курил трубку и пускал ровные колечки дыма в пространство, пристально наблюдая за их плавным движением.

Оливер, уже опьяневший, тупо смотрел в свою кружку, наполненную в очередной раз ромом.

— Олли, — вдруг позвал Петька, Эшби при этом молча поднял на друга глаза, — Сколько гаремов мы уже обыскали?

— Около д-д-двадцати. — отозвался Эшби. Он все-таки выпил.

Дверь в кают-компанию отворилась. Капитан Осборн, помахав перед носом рукой, отгоняя табачный дым и запах перегара, произнес:

— Да, уж! Весело у вас тут!

Питер Кингли повернул голову к Осборну и вяло отдал честь, не вставая с места, Эшби только кивнул в знак приветствия. Капитан Осборн подсел к столу и без церемоний начал трапезу. Жуя, он посмотрел на своих коллег капитанов:

— Джентльмены, байло Корфу был крайне удивлен, увидев меня одного. Он желал встретиться со всеми и явить свою благодарность. Я уверил его, что ваши старые раны не позволили вам выразить свое почтение лично.

— Осборн, я благодарю тебя за твою находчивость, — прохрипел Эшби.

Осборн чему-то усмехнулся. Продолжая трапезу, он, взглянув лукаво на своих упавших духом товарищей, произнес:

— На Корфу слухи разные ходят. Говорят, на юге туркам житья совсем не стало. «Чериготтские ведьмы» заели. Порчу напускают, в страхе побережье держат. Такое рассказывают, кровь в жилах стынет. — Капитан Осборн продолжал жевать, украдкой поглядывая на своих товарищей. А товарищи оживились!

— Какие ведьмы, Осборн? — выпрямляясь и теряя интерес к кольцам дыма, осведомился Питер Кингли.

— Чериготтские, Питер, чериготтские, — отозвался Осборн, радуясь произведенному эффекту.

Эшби протрезвел. Он поднял голову, в его налитых кровью глазах вновь заискрилась жизнь.

— Питер, — он перешел на русский язык, — похоже мы не там искали. И на старуху бывает проруха!

Петька грозно сдвинул брови.

— «Чериготтские ведьмы», говоришь, — он посмотрел на Оливера, — подмечено-то как верно! Мы здесь землю носом роем, корабли топим, крепости в прах обращаем, а бабочки наши турков на юге третируют! Ну, Ксения Егоровна, амазонка с Аптекарской, попадись мне!

— Да, кстати, — подливая масла в огонь, продолжал Осборн, наливая себе полную кружку рома, — особой свирепостью капитан их отличается! От взгляда ее раскосых глаз, говорят, турки в камень превращаются.

Петр встал, подошел к Оливеру и рывком поднял его на ноги.

— Олли, — он несколько раз похлопал друга по щекам, — трезвей, старик! В путь-дорогу собираться надо! Турок от жен наших спасать! Давай-ка на шхуну свою ступай, командуй!

Капитан Осборн давился тихим смехом. Его плечи тряслись, а на глазах выступили слезы.

***

Грейс стояла вахту ночью. За три месяца они с Ксенией вымотались. Хорошо, что еще этот русский Мэт немного понимал в кораблевождении. Двадцать женщин ничего не смыслящих в морском деле на борту! Боже, думала Грейс, командовать мужчинами намного проще! Да еще этот постоянный встречный ветер! «Кингли мастерски мог вести судно против ветра, умело лавируя! Да, только где ж Кингли взять!»

Мэт придумал, как бабочек научить отличать бегучий такелаж от стоячего, как ветер ловить. Привязали цветные ленточки к снастям. Все-равно толку мало

было. Беременная Ксения, она - Грейс, да Мэт справлялись с парусами как могли. Но вот удача! Взяли на абордаж галеру турецкую. На веслах рабы, бывшие моряки да солдаты пленные.

Наконец, подул долгожданный зюйд-ост, можно идти на Чериготто! Бермудский шлюп и галера взяли курс к вожделенному острову. Грейс наказала Ксении идти спать, и сама правила кораблем. На галеру отправила капитаном Мэта.

На марсе крикнули:

— Паруса слева по борту!

Грейс чертыхнулась, «только этого не хватало!».

Она взяла подзорную трубу. Хорошо, что ночь порадовала лунным светом, хоть что-то можно разглядеть. Сердце пиратки подпрыгнуло. Знакомые очертания! Ее «Изумруд»! Ради такого подругу разбудить не жаль. Грейс сбежала в кубрик и растолкала сонную Ксению.

— Грейс, милая, — произнесла, не открывая глаз, молодая женщина, — опять турки? — Поднялась, придерживая уже округлившийся живот. — Или еще какие черти полосатые?

— Наши!! Наши, Ксения!!

Глава 24

Начинался шторм, когда пиратские корабли заходили в бухту острова Чериготто. Галеру, на руле которой Ксения оставила Дмитрия Павловича, вел на буксире бриг «Гордость королевы». Моряки и солдаты, бывшие галерными рабами были распределены на пиратские корабли, разбираться во время похода домой, кто есть кто, не было времени. Шторм подгонял.

Теперь на берегу, несмотря на шквальный ветер и захлестывающие волны, кипела работа. Дмитрий Павлович снова взялся за свои обязанности «бургомистра». А дел ему достало! Новых жильцов надо было разместить в поселке. Но для начала загнать их всех в баню! Помыться да постричься!

Дмитрий Павлович был несказанно рад вернуться на Чериготто. Три месяца в море с двумя десятками женщин совершенно его утомили. История приключилась натурально прескверная. В тот день, когда пираты ушли за Мехмед-беем к Криту, Дмитрий Павлович и думать не думал, что придется ему вновь держать экзамен по морской науке. Пираты из Магриба нагрянули поздно

вечером. Их намерения понять было несложно. Откуда, правда, они знали, что здесь сейчас много молодых женщин, а мужчины покинули остров? Магрибцы рассредоточились по поселку. Крики, выстрелы, неразбериха! Дмитрий Павлович увидел Ксению Егоровну, она бежала вниз по лестнице с окровавленной саблей в руке.

— Ксения Егоровна! Шлюп! — крикнул Дмитрий. — Собирайте, кого сможете! Я шлюпки на воду спущу!

Ксения понимающе улыбнулась и кинулась в поселок. Ей навстречу неслись жены моряков, но не испуганные. В руках у них было оружие. «Ага! Значит, рядом Грейс!» А магрибцы дрогнули! Их суеверный ужас перед растрепанными вопящими женщинами сослужил плохую службу. Ксения собрала всех, кого увидела. Беглянки стали грузится в шлюпки. Вдруг к Ксении подскочил магрибский пират и схватил ее за волосы, молодая женщина пыталась вырваться, но сильная рука тянула ее обратно на берег. Дмитрий Павлович выпрыгнул из шлюпки. Выхватив из-за кушака пистолет, он в упор выстрелил в обернутую тюрбаном голову. Ксения упала Дмитрию на грудь.

— Благодарю вас, Дмитрий Павлович, — пробормотала, задыхаясь, она.

— Да не за что, Ксения Егоровна, вы только уж на мне долго не виснете, — сказал Дмитрий, улыбаясь, — а то Петр-то Алексеевич мне голову оторвет! Идемте! Уходить надо! Это работорговцы!

Шлюп сняли с якоря. Его подхватило течением и понесло в юго-восточном направлении. С парусами могли управляться только трое, и Грейс голос сорвала, пытаясь хоть как-то на ходу объяснить обезумевшим женщинам за какой трос надо тянуть, чтобы установить паруса в нужном положении. Приходилось справляться Ксении и Дмитрию Павловичу. Сложные названия такелажа не могли уложиться в головах беглянок за короткий срок. Обучение морскому делу - процесс весьма сложный, долгий, и надежда на то, что дамочки освоят уроки за сутки, даже не возникала.

Шлюп шел почти по воле волн, и Дмитрий Павлович предложил на бегущий такелаж навязать зеленые ленты, а на стоячий – красные. Это не решило проблемы глобально, но хотя бы дало представление о предназначении «этих веревок». Конечно, бедные женщины никак не могли понять, что такое «травить гика-шкот» и опять, не спящим уже несколько суток Ксении Егоровне, Дмитрию Павловичу и Грейс, приходилось делать основную работу. Ветром и течением шлюп несло в направлении Египта и осознание безысходности возрастало с каждой новой милей, отделяющей беглецов от острова.

Пираты, после пережитых волнений, радостной встречи и возвращения на Чериготто, пировали в таверне и происшествие это теперь вызывало у всех: и участников нелепого плавания, и слушателей историй, с ним связанных, - смех и веселые шутки! Громкие взрывы хохота сопровождали рассказ Дмитрия Павловича о его одиссеи в обществе двух десятков представительниц прекрасного пола. Рассказчиком он оказался прекрасным, сдабривавшим повествование смешными словесными оборотами и описанием своих противоречивых эмоций.

— Мэт! — утирая от смеха слезы, простонал канонир Коннор. — Вот ты и побывал в шкуре турецкого султана с его гаремом, только одно плохо, жены все чужие, не побалуешь!

Петр, покуривая трубку, тоже смеялся до слез. Одно его, правда, насторожило: Грейс, которая сидела рядом с сияющим от радости Оливером, не выглядела счастливой. Она растягивала губы в наигранной улыбке и вяло отвечала на объятия Эшби.

***

К ночи корсары разошлись по домам. Мария, уже оправившаяся от тяжелой раны, на удивление радостно встретила своих жильцов. Она нагрела воды и приготовила бадью для своих постояльцев, чтобы они могли помыться. В комнате Петра и Ксении было убрано, на прикроватном столике стояли в кувшине цветы.

Ксения у небольшого зеркала расчесывала мокрые волосы. Петр открыл окно и в маленькую спальную ворвался свежий морской ветер.

— Перселл сбежал, — стоя у окна, произнес Петр.

Ксения оставила свое занятие и в удивлении воззрилась на мужа.

— Из ямы? Как он смог выбраться?

— То-то и оно, лапушка, — Петька хмыкнул, — разумею, помог ему кто-то.

— Петруш, — изучающе посмотрев на мужа, промолвила Ксения, — догадываешься, кто?

— Есть догадка, только в толк не возьму, почему, — в задумчивости сказал Петька.

Вдруг его лицо изменилось, черты смягчились. Он подошел к жене и обнял ее со спины, положив руки на ее округлившийся живот. Ксения откинула голову на плечо мужа. Петр, целуя любимую в висок, тихо проговорил:

— Чрево то, как выросло, лапушка! Родная моя, как же я соскучился! Места себе не находил. Мы с Олли все гаремы в Магрибе обыскали. Дураки! Как я мог помыслить, что моя голубка отважная в руки басурманские попадет. Любимая моя, лебедушка!

Ксения провела рукой по густой бороде Петьки, улыбнулась.

— Зарос, свет мой! Похудел! — проворковала нежно.

— Побреюсь завтра, Ксюша, — прошептал Петька, поворачивая к себе Ксению. Взял лицо ее в ладони и целовать стал. — Соскучился, истосковался по тебе, моя лапушка.

***

Ксения уютно устроилась на плече Петьки. Шторм ушел и в окно виднелось звёздное спокойное небо и слышался мерный звук накатывающих волн.

— Мы с Олли за эти три месяца рома выпили, что только подумаю об этом, тошно становится, — рассказывал Петька. — Вламываемся в гаремы, бабочки визжат, а мы и не видим их.

— Неужели и не приглянулся никто, — лукаво спросила Ксения.

— Да, не блудливый я, Ксюш, — Петька поцеловал жену, — отец, помню, говорил: «Нельзя мужчине силу свою направо и налево раздавать. Природа обидится может». После смерти матери, барин Павел Сергеевич женить его хотел, а отец сказал, что мачехи мальцу брать не будет. Красивым он был: широк в плечах, силен, глаза как море, синие. Волосы темные, волной. Бабы об него глаза ломали, а он только мать мою и любил.

— Ты помнишь батюшку своего, Петруша?

— Да, помню, конечно! — вздохнул Петька. — Мне около двенадцати лет было, когда его в солдаты забрали. Помню, как тятя меня кузнечному ремеслу учил. Избенка у нас была какая-никакая, но всегда чисто, печь натоплена. Помню, как в баню ходили. Зимой тятя напарит меня, а потом вместе в сугроб или полынью. Помню, как в лес ездили, как с барином Павлом Сергеевичем охотились на белку да на лису. Однажды отец принес мне азбуку, сказал: «Учись, Петро! Бог его

знает, если барин нам вольную даст, ты в люди и выбьешься!» Я слышал, как барича учат и сам в избенке по азбуке читать учился.

— Ты был счастлив тогда? — спросила Ксения.

— Да, Ксюш, счастлив, — ответил Петька, — отец никогда не бил меня, говорил, что кто на чадо руку подымает, тот в слабости своей признается. — Петр помолчал немного, — после, как забрали его, и Павел Сергеевич слег. А когда барин умер, меня-то из избы и выгнали. Кузницу закрыли. Степан Демьянович, конюх наш, меня на конюшне приютил. Барыня будто невзвидела меня. Жизни не стало. Как вырос, Елизавета Захаровна сначала сама меня в спаленку зазывала. Я отказывался, меня и пороли. Потом подруги ее… А Емельян Захарович… видел он меня Калигулой, смотрел как…

— Не надо, Петруша, не вспоминай! Больно же тебе, свет мой!

— Больно и тошно, Ксюш! Емельян Захарович говорил, ежели не буду ему перечить, оттянет женитьбу мою[36]. А что это за семья по принуждению? Рабов плодить…

Ксения покрыла лицо Петьки поцелуями. Посмотрела на него, улыбнулась.

— Забудь все плохое, свет мой, сокол мой ненаглядный! Не будет больше плохого!

Глава 25

Ксения хотела дождаться Петра. Она положила руку на живот, малыш толкался, и молодая женщина улыбалась каждый раз, когда ее ладонь чувствовала бодрые толчки существа еще неизвестного, но такого любимого и желанного. Ксения иногда поглаживала чрево, приговаривая: «маленький, что ж ты так расшалился». Необъяснимая тревога, несмотря на забавную игру ребенка, овладела Ксенией. Сегодня, спустя три дня после возвращения на Чериготто, поднимаясь к домику, первый раз за полгода беременности, она почувствовала дурноту. Голова закружилась и Ксения, опершись о каменные перила лестницы, тяжело дыша, остановилась. Кто-то подхватил ее под локти.

— Дочка, — хриплый голос произнес по-русски, — что ж ты по жаре-то мотаешься! Побереги себя, да чрево свое и так уже наработалась на шлюпе.

Ксения повернулась. Она увидела перед собой человека с длинными седыми волосами и аккуратно подстриженной белой бородой. На загорелом лице его, нещадно изрезанного морщинами, выделялись глаза глубокого синего цвета, во

взгляде которых засели страдание и искренняя сердечность. Человек был крепкого атлетического сложения, среднего роста, но плечи его будто бы несли непомерную ношу и поэтому он казался ниже и коренастей. Ксения узнала в нем одного из гребцов с галеры, которого Дмитрий Павлович окрестил немым. Действительно, на протяжении всего плавания и потом на берегу только он не произнес ни слова, несмотря на бурное развитие событий.

— Вы русский?? — оторопела Ксения.

— Да, дочка, русский. — Он улыбнулся, обнажив почти беззубый рот.

— Как же вы на галере турецкой оказались?

— Ох, завалила вопросами, — посетовал он. — Давай-ка в тенечке присядем, дочка.

Когда они устроились под оливковым деревом, он достал кисет, трубку и огниво. Не спеша набив табаком трубку, он, запалив трут, раскурил ее.

— В войну с турками, взрывом оглушило, вот и попал в плен. — Несмотря на нерадостное повествование, во взгляде его светился покой и добродушие. — Пять лет в каменоломне работал, сбежал. Турки меня поймали, высекли, ухо отрезали и на галеры отправили. Спасибо, Господь здоровьем да силой наделил, выдержал все! А ты-то как здесь оказалась, дочка, среди англичан?

— Долгая история, — вздохнула Ксения.

— Как звать то тебя?

— Ксения, — женщина улыбнулась. — А вас как величать?

— Алексеем Михайловичем, — старик затянулся из трубки.

Ксения внимательно посмотрела на своего собеседника, хотела спросить что-то, но он опередил ее:

— Ты, дочка, — он кивнул на живот Ксении, — с англичанином в грехе живешь?

Ксения засмеялась.

— Он не англичанин! Он тоже русский. И мы венчанные, Алексей Михайлович, по-православному.

— Вон оно что! — протянул старый солдат. — Красивый, да и серьезный у тебя муж! Моряк отменный! А если русский то, как его по-нашему зовут?

— Петром, Алексей Михайлович, — Ксения неотрывно смотрела на своего собеседника. — Петром Алексеевичем.

— Вон оно что! — повторил солдат. — Тятенька его значит мой тезка. — Он прищурился. — А история-то очень долгая, дочка?

— Да, Алексей Михайлович, — Ксения поднялась, — в следующий раз расскажу. Мне идти надобно. Петруша скоро домой придет, накормить его надо.

— Конечно, иди, дочка, я здесь пока посижу.

Ксения улыбнулась и стала подниматься дальше по лестнице в их с Петькой домик. На самом верху она оглянулась на оливковое дерево, под которым остался старый солдат. Его не было видно в тени ветвей, но дымок, курящийся сквозь нежные листья, выдавал его присутствие.

***

Петька вернулся поздно, Ксения его не дождалась и крепко спала, свернувшись на постели калачиком. Петр укрыл жену теплее, из окна тянуло свежестью. Он зверски устал: корабли требовали ремонта, а шлюп кренговали[37]. Целый день на жаре! Работа прекратилась только тогда, когда за горизонт закатилось солнце и моряки, несмотря на усталость, скинув с себя одежду, насладились купанием в теплых водах Ионического моря.

Ксения оставила ужин: двух перепелок, сыр, зелень, фрукты и вино с медом и мятой. Петька, устроившись на широком подоконнике, налил себе вина. Вечерняя прохлада, игривый ветерок и ясное звездное небо послужили прекрасным антуражем для Петькиной одинокой «пирушки». Тихий шелест волн призван успокоить все тревоги!

Капитан Кингли посмотрел на спящую Ксению. Он увидел, как на животе жены возник маленький бугорок, замер на секунду, исчез и вновь появился. Петр улыбнулся и с нежностью прошептал: «Осторожней, постреленок, мать разбудишь!».

Петька подумал о возвращении в Россию. «Я теперь вольный. Чего я боюсь? Надо держать экзамен в морской академии. Допустят ли? Ведь я бывший холоп, мужик. Не век же Егору Ивановичу мне покровительствовать. Да и простил ли он меня? Взял я дочь его замуж без согласия да благословения отцовского». Петька провел рукой по влажным волосам. Вдруг в дверь тихо постучали. Он соскочил с подоконника и мгновенно оказался у входа.

На пороге стоял один из матросов, стоящих в охране бухты этой ночью. Это был молодой шотландец Алан Грант.

— Капитан, — шепотом проговорил он, — на рейде судно, русская шхуна. Сигналят о помощи.

— Русская шхуна? — Петр озадачился.

— Да, капитан, флаг русский. — подтвердил Алан. — Мы на всякий случай крепостные пушки к бою приготовили. Ведут себя странно. Шлюпку выслали. Один из моряков с нами объяснялся. По-английски говорит плохо, едва понять можно. Мы поняли, что капитан на шхуне умер, а дело у них срочное.

— Тот, кто говорил с вами, назвал имя капитана? — спросил Петр.

— Да, капитан, — моряк замешкался, — русские имена такие сложные. Он сказал, капитан Су..сума,. черт! Извини, капитан, не выговорю.

— Сумароков, может быть? — догадался Петька.

— Да! — просиял шотландец, — так он и назвал его. Тот, который со мной говорил, просил встречи с тобой, капитан.

Петр хмыкнул. Что-то в этой истории его настораживало. Но через секунду надел треуголку и произнес:

— Пошли!

Моряки двигались не спеша, Алан следовал за капитаном. Вскоре шотландец указал капитану Кингли на шлюпку, покачивающуюся на волнах. Петр замедлил шаг. Он повернулся к своему собеседнику.

— Алан, тебе не кажет…, — перед тем, как потерять сознание от удара, Петр увидел молодого моряка, лежащим на гальке с окровавленной головой. Капитана «Агнца» затащили в шлюпку. Похитители очень торопились, они не заметили, что на берегу на перевернутой лодке сидел и курил трубку свидетель происходящего.

Человек соскочил и как мог быстро побежал к ближайшему дому, дому капитана Осборна. Он вломился без стука.

— Турки! — рявкнул он по-русски, разбудив моряка. И исчез за дверью. Он уже летел вверх по каменной лестнице к дому Петра и Ксении.

Глава 26

Мехмед-бей возлежал на подушках в кают-компании своей шхуны и курил наргиле[38]. Он надеялся восстановить доверие и милость Махмуд-султана после драматической потери богатств у берегов Крита, предназначенных в дар повелителю.

Маленький остров Чериготто был как кость в горле у османских пиратов. Волчье логово: неприступное, охраняемое круглые сутки, откуда выходили на охоту дерзкие корсары - стало неприятным сюрпризом для разгулявшихся турецких фелук и галер, желающих поживиться на торговых морских путях Средиземного моря. Мехмед-бей слышал о капитане Кингли и когда у Крита горел его корабль, он возносил молитвы Аллаху, чтобы тот покарал «неверного пса», так вызывающе напавшего на его флотилию.

Мехмед-бей испытывал презрение к англичанину - Перселлу, кажется - неожиданно появившемуся на Крите несколько дней тому назад. Тот предлагал сделку: капитан Кингли в обмен на корабль с командой и возможность промышлять работорговлей и разбоем под стягами Мехмед-бея. «Кингли должен быть живым! Я приведу его султану, как бешеного пса на цепи!».

***

Грейс подошла к клетке, где сидел закованный в железо Петька. С четырех сторон стояли стражники. Они с подозрением, пристально посмотрели на пиратку. Капитана Кингли оставили на солнцепеке без воды и еды, из раны на затылке сочилась кровь. Пленённый моряк поднял равнодушный взгляд на предательницу, ничего ей не сказав. Он просто смотрел на нее, пытаясь понять природу поступка когда-то его верной соратницы и задушевной подруги Ксении. Грейс не выдержала первой:

— Кингли, у меня не было выхода!

— Фраза, которая прикрывает любую подлость, Моран! Попробуй еще. — Петька облизнул пересохшие губы. — Воды то дашь?

— Тебе не велено давать воду, Кингли, — растерянно произнесла Грейс.

— Ух ты, Моран! Тобой уже кто-то повелевает? — оскалил зубы Петька. — Отчаянный тип, надо полагать. — Он опять бросил взгляд на Грейс, — чем же я тебе не угодил?

— Ты не поймешь, Кингли!

— Да вроде не дурак, Моран, — Петька откинул голову на решетку и закрыл глаза. От жары и обезвоживания его мутило.

Грейс подошла близко к клетке, взявшись руками за прутья, ее тень немного прикрыла от палящих лучей солнца голову капитана Кингли.

— Моя жизнь не усыпана нежными цветами, Питер. Я искала денег и свободы, а люди для меня только инструмент для достижения целей. Мне не понять твоей души, а ты не лезь в мою! Чтобы защитить себя, я готова на все, даже на предательство, потому что меня никто не жалел.

Петька открыл глаза и, не глядя на пиратку, произнес:

— Дурная ты баба, Грейс! Не знаю, с кем ты якшалась все эти годы, но в этот раз ты промахнулась. Тебе Оливера Бог послал. Бедный тихий добрый Олли! Когда он думал, что тебя продали в рабство в Алжире, переродился. Природу свою забыл.

— Чушь! — ощерилась Грейс. — Что ты знаешь обо мне? Он отвернулся бы от меня, узнай он всю правду.

— То-то и оно, что Олли от тебя правды не услышал.

Пиратка сползла на колени, протянула руку к Петьке и схватила его за локоть.

— Он был такой, как ты! Красивый, как дьявол! Я носила его ребенка, а он не пропускал ни одной юбки. Ему нужен был корабль, он поднял бунт, а меня прогнал по доске. Его повесили на Ямайке, я видела это и ликовала. А когда родила… задушила его ребенка! Это надо было рассказать Оливеру??

— Ну, ты чистая Медея, Моран! — с ухмылкой проговорил капитан Кингли, высвобождая свой локоть из цепкой хватки Грейс. — Я не судья тебе, но мне тебя жаль. На мне вымещаешь свою обиду. Думаешь, я Эшби в капитаны прочил, чтобы тебя отодвинуть? Дура ты! Олли отогреть тебя мог, а главное, видел за броней страданий добрую душу. Плевать он хотел на то, что младше, на вереницу полюбовников твоих, на «подвиги» твои. Ты Олли своим пылом ублажала, а он под налетом сажи на твоем сердце, сокровище узрел. — Петька глянул в глаза пиратки и повторил, — дура, ты, Моран! Перселку опять приголубила. Вернулась на проторенную дорожку, а ведь могла все изменить. Что ж, живи, как знаешь! Ступай, устал я. Не хочу больше слышать твоих излияний. Мне приятней думать о хорошем, прежде чем в ад попаду.

Грейс поднялась. Она злобно посмотрела на своего бывшего соратника.

— Думай, Кингли, думай! Ад тебе уготован не только на том свете, на этом молить о смерти будешь!

Петька не ответил ей, он опять закрыл глаза и виделся ему игривый маленький бугорок на животе спящей лапушки.

***

Мягкая ночь Эгейского моря попутным ветром подгоняла шхуну Мехмед-бея к Криту. Перселл, подобострастно улыбаясь, стоял перед турецким капитаном, пытаясь напомнить о себе и об условиях сделки с турками. Мехмед-бею он был неприятен. Когда Перселл вошел, он даже не предложил ему сесть. Турок изучающе смотрел на англичанина и его губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Зачем ты пришел, Перселл? — проговорил он, оглядывая его. — Ты сомневаешься в моем слове? Хотя ничего удивительного! Человек, способный предать своего соратника всегда в колебаниях.

— Это просто сделка, Мехмед-эфенди! — ничуть не смутившись презрительным тоном турка, хмыкнул Перселл.

— Да, вы англичане хорошие торговцы и люди дела. — Мехмед-бей погладил свою бороду. — Но почему-то мне по душе тот русский в клетке, чем ты! Ты просишь меня о сотрудничестве, что ж сделка есть сделка, но не проси меня доверять тебе. Ты будешь у меня под присмотром, англичанин. — Мехмед-бей поднялся. Он прошел мимо Перселла, даже не удостоив его взглядом.

Наступил третий вечер Петькиного заточения на шхуне. Только сейчас Мехмед-бей разрешил напоить его водой после трехдневного пребывания пленника под беспощадными солнечными лучами. Петька выдерживал пытку жарой и жаждой стоически, чем вызвал уважение своего врага.

Мехмед-бей подошел к клетке. Его поверженный, но несломленный враг сидел, опершись на решетку спиной, закрыв глаза. Капитан Кингли очень ослаб и когда турок с ним заговорил, он не сразу отозвался.

— Кингли, ты живой? Не повезло тебе на этот раз.

Петька медленно повернул голову и шутовски приложил два пальца левой руки ко лбу.

— Кабы знать, где упасть, так соломки б подослал, — прохрипел Петька по-русски.

— Я не понимаю русский язык, хотя мой отец воевал с вами десять лет назад. — Мехмед-бей даже улыбнулся. Он подошел ближе к решетке. — Кингли, у меня есть к тебе предложение.

Петька поднял вопросительно брови.

— Мехмедушка, неужто с англичанами не ужился?

— Кингли, ты сильный и отважный воин, и я буду с тобой откровенным. Я не желаю иметь дело с англичанином. Я предлагаю тебе встать под мой флаг. Ты не пожалеешь!

Петька засмеялся из последних сил.

— Перселка-то не люб стал? Да, ты ж сам посуди, обещался султану меня на цепи привести и сотрудничество предлагаешь. Как объясняться будешь с повелителем?

— Ты, Кингли, не торопись! — Мехмед-бей подошел еще ближе, — ты не служишь царице Елизавете, ты сам по себе. Почему бы тебе не сделать свою жизнь и жизнь твоей жены еще лучше. Не бойся, в нашу веру тебя никто обращать не будет. Мне нужны только твои навыки и безрассудство! А на цепи я Перселла султану приведу!

Петька опять засмеялся. Но потом серьезно проронил:

— Лестно мне, Мехмедушка, очень лестно! Но думать я не буду, уж извини. Мозги наши русские, окаянные, никак покоя не дают. Вроде бы и не дураки, а вечно поперек течения плывем!

Мехмед-бей ухмыльнулся. Он сделал знак охраннику.

— Накормите его и воды свежей дайте!

Он вновь обратился к Петьке.

— Жаль, Кингли! Твой род продолжать надо, а не шакалий! Но ты сам выбрал…

Глава 27

В сумерках шхуна Мехмед-бея вошла в порт Канеа. Жизнь здесь застывала после захода солнца. Мехмед-бей раздумывал. В Европе и колониях война закончилась,

и новый миропорядок требовал переместить оси интересов к юго-востоку. Османская империя пребывала в упадке, торговля замерла. Мехмед-бей размышлял о расширении своих горизонтов до Индийского океана. Там открывались новые торговые пути и, как следствие, вырисовывалась хорошая добыча. «Чего хочет этот русский? Ведь он меня отлично понял. Прикинулся дурачком. Хм! Мы могли с ним составить прекрасную компанию. Отличный моряк и великолепная смекалка! Убивать такого противника недальновидно. Как его перетянуть на свою сторону? Англичанин мне не нужен».

Мехмед-бей приказал привести в кают-компанию пленника.

Как шел Петр, стало слышно сразу, по доскам палубы гремели кандалы. Пирата втолкнули в кают-компанию. Мехмед-бей оглядел капитана Кингли. Длинные волосы грязными слипшимися прядями лежали на плечах, жесткая щетина покрыла скулы и подбородок. Черные глаза в ореоле темных нездоровых кругов выражали равнодушие и апатию.

— Садись, Кингли, — сделав приглашающий жест рукой к низкому круглому столу, произнес Мехмед-бей, — поешь.

Петька уселся тут же у двери.

— Не думаю, что тебе будет приятно, если я сяду на твои подушки. Я три дня сидел в клетке на солнцепеке, — медленно промолвил пират, — к тому же я сыт. Твои слуги дали мне хлеба и воды. Говори, я слушаю.

Мехмед-бей хмыкнул и погладил свою бороду.

— Кингли, скажу прямо, я не желаю твоей смерти. Ты мне нужен! — Мехмед-бей встал и подошел к Петру. Он смотрел на него сверху вниз. Петька поднял глаза.

— Я и сам умирать не хочу, Мехмедушка, — его взгляд будто застыл на лице турка. — Но и твое предложение, боюсь мне не подходит. Хотя, скажу, мыслишь ты верно, здесь нечего делать! Да только мне и не нужно ничего. Другие у меня планы.

— На твоем месте, я бы не стал строить планов, Кингли, — отвернувшись от пирата, проговорил Мехмед-бей, уходя к кормовому окну. — У тебя выбор небольшой. Либо мы с тобой, как партнеры, идем в Индийский океан, либо я везу тебя в кандалах в Стамбул.

— Что ж, в кандалах, так в кандалах, — Петька с трудом поднялся. — Хорошо тут у тебя, Мехмедушка, но мне пора. — Открыв дверь, он обернулся, — коль пойду с тобой, навек себя потеряю, уже не верну. Так что не обессудь!

— Кингли, не отказывайся! — Мехмед-бей не знал, как подобраться к пирату. — Когда ты попадешь к султану, тебя разорвут на части. Я не смогу тебе помочь, сам в немилости. У тебя есть время, пока не пройдем Самофракию. — Он выглянул за дверь и крикнул матросу, — отведите его!

***

К шхуне Мехмед-бея подвалила шлюпка. Пассажиры ее: пожилой мужчина с окладистой белой, как снег бородой, одетый в шелковые тюрбан и субун синего цвета; и два молодых человека, один из которых держал в руках красивый резной сундучок. Матрос шхуны, переговорив с непрошенными гостями, отправился докладывать о них Мехмед-бею.

Мехмед-бей вышел навстречу визитерам, которые уже взошли на борт. Пожилой мужчина раскланялся:

— Уважаемый Мехмед-эфенди! Прошу простить за вольный визит. Меня зовут Мустафа, я купец. Это мой сын, Али, — он указал на высокого молодого человека, чье лицо было скрыто концом тюрбана. — Простите, что он не открывает своего лица, Мехмед-эфенди. Его лицо пострадало в пожаре, когда на нашу фелуку напал Черный Пит.

Мустафа сделал знак человеку с сундучком – слуге:

— Примите от нас этот дар, Мехмед-эфенди, — произнес купец, — я хотел просить вас об одолжении.

Слуга оказался неловким, по знаку хозяина он двинулся вперед и, оступившись, упал! Содержимое сундучка: золотые монеты и драгоценные камни рассыпались по палубе.

Мустафа очень рассердился:

— Неловкий раб! — он толкнул ногой молодого человека, который спешно собирал сокровища с настила.

Шум привлек внимание Петра. Охрана пленника потеряла бдительность, их глаза хищно шарили по еле освещенному шкафуту, в надежде, что слуга не уследит и оставит несколько монет и камней в самых недоступных для его зрения местах. Мустафа кипятился, то и дело пинал несчастного раба ногой, Мехмед-бей пытался утихомирить своего разгневанного гостя.

Вдруг Петька почувствовал, что его кто-то тронул за плечо.

— Питер, не оборачивайся, — услышал он знакомый шепот. Оливер, воспользовавшись суетой на палубе, скользнул к пленнику. — Мэт просто гениален. Держи, капитан. — Петр почувствовал, как в руки ему сунули ключи от замков на кандалах.

— Али, сын мой! — позвал Оливера Мустафа, — ты где?

Лжеали обходил клетку с Петром то, с одной стороны, то с другой и во всей его фигуре чувствовался неудержимый гнев.

— Что там у вас, уважаемый Мехмед-бей? — заинтересовался купец.

— О! — улыбнулся хозяин шхуны, — а это и есть Черный Пит, как вы его назвали, уважаемый Мустафа-эфенди. — Вот везу его к султану!

Синие глаза купца загорелись неистовым огнем.

— О, Аллах! — он воздел руки и очи к небу, — неужели ты услышал мои молитвы?! Вы поймали его, Мехмед-бей! Этот пес разорил меня, по его вине мой сын стал калекой! О, позвольте, Мехмед-бей, я плюну ему в лицо!

Мустафа подошел к клетке. Петр с любопытством посмотрел на него. Темное от загара, испещренное морщинами лицо, белая борода, синие глаза. Купец взялся руками за прутья решётки.

— Надеюсь, пес, ты умрешь страшной смертью! — проговорил громко Мустафа.

— Ты, кто, старик? — не выдержал Петька.

— Долгая история, — буркнул «купец». Он вернулся, изрыгая проклятия Черному Питу, к капитану Мехмед-бею.

Хозяин шхуны пригласил своего гостя в кают-компанию, и они, беседуя, удалились.

Охрана, стоящая вахту, расслабилась. Давешнее падение слуги с сундучком не давало трем стражам покоя. Они опустились на четвереньки и стали ползать в надежде отыскать потерявшиеся и не замеченные рабом монеты.

— Петр Алексеевич, — «раб» воспользовался алчными поисками охраны, пробрался к пленнику, — что с замками?

Петька узнал голос своего бывшего барина.

— Последний остался, — прошептал капитан «Агнца». — Дмитрий Павлович, утешь меня, скажи, что Ксения на Чериготто ждет.

— Не утешу. На бриге она, рядом. Петр Алексеевич, поторопись.

Капитан Кингли возился с последним замком на ноге. Слабость навалилась непомерная. При неверном свете фонарей он заметил, как на палубу через борт перевалились пираты. Ползающих на коленях охранников оглушили. Петр освободился от оков и Дмитрий Павлович, открыв решетку клетки, помог своему капитану выйти. Петьку шатало, но он взял из рук своего бывшего барина саблю.

Шхуной овладела команда капитана Кингли, воспользовавшись тем, что на судне оставалась только охрана пленника и десять, стоящих вахту матросов, остальные сошли на берег. Мехмед-бей не мог предвидеть такого поворота событий, он предполагал, что опередил противника. Теперь, выходя из рубки со связанными руками под прицелом пистолетов фальшивого купца и его мнимого сына, он проклинал себя за свою непредусмотрительность.

Оливер замешкался. Он выбрал нескольких матросов из своей команды и показал им следовать за ним. Вскоре они вернулись. С ними была Грейс Моран и Перселл. Капитан Эшби толкнул Перселла на шкафут, вытащил саблю из ножен и кинул ее предателю.

— Давай доверимся судьбе, Перси, — сверкнув изумрудным взором, произнес Оливер. — Только ты и я. Если останешься жив, пойдешь на все четыре стороны.

— Олли, это несправедливо, — вмешалась Грейс, вставая перед Оливером. — Перси владеет саблей лучше, чем тебя.

— Что ж, тогда твоя совесть будет чиста, Грейс, — горько усмехаясь, произнес Оливер. И он добавил по-русски, — не везет мне с бабами!

— Олли, прошу тебя, — не унималась пиратка, — ты должен жить, это я недостойна жизни!

— Какие высокопарные слова, Грейс! — Олли взял ее за плечи, встряхнул и отодвинул в сторону.

Оливер взглянул на Перси и взял протянутую ему одним из моряков саблю.

— Перси, приступим!

Схватка началась. Противники бились яростно. Время от времени они выбивали друг у друга оружие, и начинали битву вновь. Персиваль Перселл, опытный

вояка, постоянно шел в наступление. Оливера спасала только его энергия, и умение уворачиваться. Несколько раз Перси полоснул Эшби по руке, Грейс закрыла глаза. Оливер ушел в оборону. Вдруг он сделал отчаянный выпад, лезвие его сабли почти коснулось горла Персиваля. Но предатель отступил и Оливера кинуло вперед, он упал. Персиваль занес саблю над головой капитана Эшби, но его удар был отбит. Перед ним стоял весь черный, исхудавший и пошатывающийся капитан Кингли. Персиваль злорадно хмыкнул:

— Прекрасная парочка: доходяга и щенок! У меня есть шанс покончить с вами обоими.

Он замахнулся над тяжело дышащим Петькой, но его сабля наткнулась на сопротивление. Лжекупец Мустафа отбросил Персиваля к борту. Он сказал по-русски:

— Ты, похоже, поганец, только со слабыми да больными вояка. Тогда уж со мной повоюй, я, чай, еще не болезный!

Персиваль такого не ожидал. Он неистово бросился на «Мустафу». Мощный и ловкий старик лихо отбивал все удары предателя. Лжекупец прижал его к борту и выбил у Персела из руки его оружие. Старик, напирая на Персиваля всем весом, спокойно произнес:

— Тебе пора охладиться, негораздок! Там кок сейчас помои выплеснул, как раз акулы на ужин приплыли. Вот и посмотрим какой ты изворотливый! — и лжекупец, поддев ноги Персиваля перекинул его через борт.

Петька, подошел к старику. Он протянул ему руку и промолвил по-русски:

— Ловко вы его! И турецкий хорошо знаете.

— Да, я вот только по-русски да по-турецки и могу говорить. Когда вы там на своем аглицком лепечете, ничего не понимаю, — улыбнулся щербатым ртом старик. — А тебя, парень они уделали, еле на ногах стоишь! Иди уж на свой корабль, там тебя твоя лапушка заждалась. Все норовила сюда с нами прошмыгнуть! Да я ей наказал не делать этого!

— И Ксюша послушалась?? — Петр застыл. — она меня не слушает.

— От рук у тебя жена отбилась, пока ты здесь с турками воюешь. А я сказал ей слов нужных, по-стариковски, она и подчинилась. Ладно, иди уж, а то тебя ветром качает.

Петр кивнул и направился к трапу, повернулся, опершись на планшир:

— Звать-то вас как?

— Алексеем Михайловичем, сынок! Ты иди, я здесь все улажу! С Мехмедушкой переговорю!

***

Грейс несмело подошла к Оливеру. Дмитрий Павлович суетился около капитана Эшби, перебинтовывал ему руку.

— Мэт, — обратилась она к нему, — позволь, я сделаю. — Дмитрий Павлович посмотрел на Оливера, тот кивнул.

Грейс осторожно стала бинтовать окровавленное предплечье, боясь посмотреть в глаза Оливеру, он же не сводил с ее лица взгляда. Она молча закончила с процедурой и закинув себе на плечи его здоровую руку произнесла:

— Обопрись о меня! Пойдем, Олли, на «Агнце» тебе помогут.

— А ты не боишься вернуться на «Агнец», не боишься смотреть в глаза Ксении? — Оливер с силой повернул ее лицо к себе. — Не смотри вниз, когда я с тобой разговариваю!

— Я готова принять любую кару, Олли, — прошептала Грейс, — одно условие: сделай это сам!

Оливер хмыкнул. Он уже простил ее и внутренне приготовился бороться за нее не на жизнь, а на смерть.

Глава 28

Пиратская флотилия вместе со шхуной Мехмед-бея приближалась к Чериготто.

Мехмед-бей находился на особом положении. Под присмотром Алексея Михайловича турецкий капитан вел образ жизни, отличающийся от жизни арестанта. Его страж, пять лет проведя на каторге и четыре на галерах, не допустил в свою душу ни злобы, ни обиды. Смотрел он на турка ясным, с лукавинкой, взором синих глаз и беседовал с ним как ни в чем не бывало. Мехмед-бей озадачен был ни мало, но не подавал виду, понимая, что идет какая-то игра и ему следует быть начеку. Его немногочисленная команда, оставшаяся на борту во время стоянки на Крите и захваченная врасплох пиратами, томилась в трюме, а Мехмед-бей вкушал плоды специального обхождения.

После обеда, Алексей Михайлович предложил Мехмед-бею сыграть в нарды. Он, все еще в турецком платье, вошел в кают-компанию с резным ящиком под мышкой и уселся на подушки у кормового окна.

— Мехмед-эфенди, давай партейку сыграем, время скоротаем. — предложил весело Алексей Михайлович.

— Как мне тебя называть, старик? — мрачно отозвался турок.

— Ну, на ваш лад я, верно, Али буду, так ты меня так и кличь, Мехмедушка. — раскладывая нарды, произнес Алексей Михайлович.

— Где ты так научился говорить по-турецки, Али-эфенди?

Алексей Михайлович усмехнулся и дернул головой:

— В школе суровой, Мехмед-эфенди. Воевал с вами четыре года. При Хотине оглушило меня взрывом, вот так к вам и попал. А потом каторга да галеры девять лет.

— Мой отец погиб в той войне. Он был кавалеристом, сипахом. Проклятая война! Она разорила мою семью!

Партнеры по нардам увлеклись игрой. Алексей Михайлович закурил свою трубочку. Слуга, оставленный при Мехмед-бее, приготовил для плененного хозяина наргиле.

— У тебя есть семья, Али-эфенди? — нарушив азартное безмолвие, спросил Мехмед-бей.

Алексей Михайлович пыхнул трубочкой.

— Вдовый я, Мехмедушка, — Алексей Михайлович кинул кости, — малец остался дома, когда меня в солдаты отдали. Сирота. Уж и не знаю, жив ли! Уже двадцать четыре года должно быть. Может и его в рекруты определили.

Игроки опять сосредоточились на нардах. Мехмед-бей выиграл две партии к ряду. Алексей Михайлович молча курил, пытаясь понять, где он ошибся. Вдруг, не поднимая головы, он спросил:

— Мехмед-эфенди, а что ты там капитану Кингли про Индийский океан говорил? Уж, больно ты его настойчиво окучивал.

Мехмед-бей в удивлении воззрился на своего партнера по игре.

— А ты откуда это ведаешь, Али-эфенди? Я с капитаном Кингли приватно разговаривал, до вашего эффектного появления.

— Да уж знаю, — улыбнулся редкозубым ртом Алексей Михайлович. — Отказал он тебе?

— Да, отказал! — прикладываясь к своему наргиле, буркнул Мехмед-бей. — Не пойму я его. Он свободен в своем выборе. Конечно, у капитана Кингли мало оснований доверять мне, но я готов доказать ему свои честные намерения.

— Ну, ты сам посуди, Мехмедушка, — лукаво проговорил Алексей Михайлович, — люди твои его оглушили, в полон взяли, в клетку посадили, три дня на солнцепеке держали без воды, а он тебе доверять должен? Тут очень постараться нужно.

Вдруг Мехмед-бея осенило:

— Али-эфенди, я смотрю, ты моим предложением заинтересовался, — прищурив глаза, проговорил турок, — потолковал бы ты с ним.

— С чего ты взял, что он меня послушает? — удивился старый солдат.

— Попытайся, Али-эфенди, — не унимался турок, — скажу честно! Я в немилости у султана после того, как Кингли мою флотилию спалил. Мы теперь с ним квиты. Говоря, по совести, не желаю я на поклон к султану являться. А на просторах Индийского океана сейчас есть чем поживиться. Попытайся!

Алексей Михайлович задумался. «А почему бы и нет?! Если вернуться в Россию, так мне до смерти в солдатах маяться. А тут воля вольная!»

— Ладно, Мехмедушка, попытаюсь! — Алексей Михайлович пристально посмотрел на своего партнера. — Поклянись, что помысли твои не предательские! Слово дай, что не навредишь!

— Вот мое слово, старик! — протянул руку турок, — не предам!

— Ну, гляди мне, — Алексей Михайлович погрозил Мехмед-бею пальцем, — ежели слово нарушишь, со дна моря достану!

Глава 29

Старый пират, внешне схожий с сатиром, спустился в трюм со старшим помощником. Он поднял фонарь и близоруко прищурившись, кивнул подельнику

на изъеденный жучками сундук.

— Кастор, здесь!

Старпом подошел к сундуку и опустился перед ним на колени. После продолжительного металлического скрежета, как видно пришлось повозиться с замком, крышка со скрипом открылась. «Сатир» осклабился. Он подошел к сундуку и тоже опустился на колени.

— Да! — протянул старпом по имени Кастор. Он запустил руку внутрь сундука и с наслаждением поводил пальцами по рубиновой диадеме и ожерелью, лежащим поверх золотых монет. — Роскошно!

— Хм, — ухмыльнулся старый пират. — Если верить легенде и этому пройдохе Филату, то это диадема и ожерелье Клитемнестры[39]. По правде говоря, мне плевать, кому они принадлежали. Главное теперь они наши.

Кастор засмеялся.

— Я воображаю, какая рожа была у Мехмед-бея, когда он явился с докладом к султану! Варсава, ты мастер на подобные фокусы!

Пират, которого старпом назвал Варсавой, заулыбался, показывая редкие желтые зубы.

— Надеюсь, султан его четвертовал, — произнес он в задумчивости и закрыл крышку сундука. — Пойдем, Кастор, команда уже вся на берегу. Завтра надо заняться очисткой днища. Шхуна совсем не развивает скорости.

***

По прибытии на Чериготто, определив под арест турецких пленников, пираты засиделись за ужином в таверне. Опять пересказывались события последних дней, опять слышался хохот. За столом не было капитана Эшби, а капитан Кингли сидел в мрачной задумчивости и в явно плохом расположении духа. Ксения, поцеловав мужа, вышла на воздух.

Алексей Михайлович, понимая, что разговора с капитаном Кингли не получится, последовал за молодой женщиной. Он видел, как Ксения медленно прогуливалась по пляжу, поглаживая свой живот. Старому солдату показалось, что она плачет.

— Дочка, никак поссорились? — приблизившись к Ксении, спросил Алексей Михайлович.

Молодая женщина вскинула на него глаза. Да, на щеках блеснули слезы. Но, разглядев своего знакомца, она заулыбалась:

— Мы не ссоримся никогда, Алексей Михайлович, — произнесла Ксения. — Иногда спорим, но не до обиды. Просто грустно мне стало. По батюшке скучаю. И Петруше не хочу докучать. Знаю, как ему тяжело. Знаю, почему он в Россию не хочет возвращаться.

Алексей Михайлович сделал затяжку из трубки. Вопрос вертелся на языке.

— А ты мне, Ксенюшка, обещала рассказать свою длинную историю.

Ксения вздрогнула.

— Вот и батюшка меня так называет. — И невольные слезы опять брызнули из ее глаз.

Алексей Михайлович подошел к Ксении, и она вдруг уткнулась ему в плечо лицом. Он по-отечески нежно обнял ее. Ксения дала волю рыданиям.

— Да ты моя хорошая! — гладя Ксению по голове, проговорил Алексей Михайлович. — Поплачь, девонька! Чужбина-то она вроде и ласковым морем богата и небом чистым, а все равно милее нам дом родной, пусть и неприветливый. Я, почитай, уже десять лет дома не видел. Сын сиротой остался. Что с ним даже и не знаю.

Ксения перестала плакать, вдруг подняла голову и посмотрела на старого солдата.

— Откуда вы, Алексей Михайлович? — ее взгляд лихорадочно горел.

— Из Смоленской губернии, именье господ Назаровых. Кузнецом я был. Что с тобой, дочка? — последний вопрос он задал растерянно. Ксения, при его словах вскликнула, прижав руки к губам, смотрела на старого солдата и с радостью, и недоверием.

— Как сына вашего зовут? — почти прошептала женщина.

— Петькой…да неужто…

И вдруг Алексей Михайлович схватил Ксению и прижал ее к себе. Потом взял ее лицо в руки, целовать стал в щеки, в лоб.

— Деточка моя, невестушка! Вот уж чудеса то! Думал я, старый, и сына никогда не увижу! А тут и сын, и невестка, и внук на подходе! Милость то, какая Господня! Да ты ж меня из плена и вызволила!

Они стояли так, обнявшись еще некоторое время и, вытирали друг у друга слезы со щек, и смеялись. Ксения рассказывала своему обретенному свекру всю историю Петьки, его сына.

— Да неужто, прям, два зуба барину и выбил? Ох, Петька! Так этот самый Мэт, наш барин? Ха-ха! Петро его на невольничьем рынке купил??? Нарочно придумывать будешь, да не придумаешь!!

— Ну, что, Алексей Михайлович, — произнесла Ксения, когда они вдоволь потешились рассказом, — пойдемте, Петрушу обрадуем. Он ведь помнит вас. С любовью вспоминает.

— Ты иди, Ксенюшка, — лукаво улыбнувшись, произнес старый солдат. — Я за тобой пойду. Пока подыматься буду, хоть в себя приду. Ты пока Петьке-то ничего не говори.

Ксения кивнула и послушно пошла наверх.

***

Чудный Чериготтский вечер баловал своих жителей изысками южного прибрежного вечера. Ласка его безмерно изливалась истомой теплого моря и свежего бриза, наполняя души людей добротой и покоем.

Капитан Кингли вышел из таверны, но направился не к дому, а в сторону бараков, которые Дмитрий Павлович определил под гауптвахту. У двери одного из них стоял на страже молодой Алан Грант. Время от времени он трогал повязку на своей голове, иногда потирая лоб и переносицу. Увидев капитана Кингли, он козырнул:

— Капитан, на посту все спокойно! Арестованная ведет себя прилично.

— Как твоя голова, Алан, — не отреагировав на бодрый рапорт молодого шотландца, спросил Петр.

Парень вновь потрогал повязку и махнул рукой:

— А! Болит немного, но терпимо.

— Открой мне дверь и ключи отдай, а сам прогуляйся, — проговорил Петька, — мне необходимо потолковать с арестованной. Я сам все закрою после.

Алан понимающе поджал губы и, открыв замок, вручил ключи капитану.

Грейс приподнялась на своем, вполне удобном для тюрьмы, ложа, когда вошел Петька и улыбнулась.

— Как устроилась, Грейс? — осматривая пристанище пиратки, спросил Кингли. — Я тебе табаку принес. — Он протянул женщине сверток и расположился на топчане рядом с соратницей.

— О! Как, кстати, Кингли, — обрадовалась Грейс, развернув пачку и начиная забивать трубку вожделенной смесью.

— Заварили мы с тобой кашу, Грейси, — хмыкнул Петька, — да пока без результата.

Грейс в блаженстве затянулась несколько раз из трубки и, щурясь от дыма, взглянула на Кингли.

— Да, загадок стало больше, Питер! Мехмед темнит. Зачем мы ему понадобились, если он знает, где спрятал сокровища? Добивался он тебя с завидной настойчивостью, будто от этого его жизнь зависит.

— А может и зависит, Грейси, — задумчиво протянул Петро, откинувшись спиной на стену. — Знаешь, сдается мне, не прятал Мехмедка сокровищ. Возможно, ему кто-то дорогу перешел и этот кто-то очень силен, коль он так упорно настаивает на сотрудничестве с нами.

— Да, спектакль затягивается, — ухмыльнулась пиратка, — но я потерплю. Тебе хуже было в клетке, Питер. Здесь, по крайней мере, нежарко!

Петька хохотнул.

— Кстати, — поднявшись, оживился Кингли, — спасибо, что мне воду подсунула, когда в страстях своих «исповедовалась». По правде говоря, постился я, конечно, но не так истово. Да! Грейси, что ты там мне наплела про убиенного тобой ребенка? Мы договаривались, что в случае отсутствия сокровищ на борту, ты упомянешь покойника, а от твоей истории у меня волосы на голове зашевелились.

Грейс невесело засмеялась.

— Я, конечно, чудовище, но не до такой степени. — Она вновь затянулась из трубки. — Знаешь, я как-то влюбилась, как кошка. Он завербовался в мою команду на Барбадосе. Красив, как дьявол! Вы с ним внешне похожи: та же

стать, те же черные глаза, гармония в чертах. Но на том все сходство и заканчивается. Ты мрачный, неразговорчивый, серьезный, а он беззаботный, балагуристый. Веселил меня. И не пропускал ни одной юбки. Любой похотливый женский взгляд воспринимал как приглашение в постель. Я носила его ребенка под сердцем, когда он поднял бунт и прогнал меня по доске с моими немногочисленными товарищами. — Грейс помолчала немного. Она встала и прошлась по тесному пространству своей темницы. — Я рассказывала Ксении, как после его казни на Барбадосе, у меня случился выкидыш. — Грейс бросила взгляд на Кингли, — тебе, мужчине, сложно понять чувства, отравляющие мою душу. Но ты сам спросил.

— Ладно, Грейс, — промолвил Кингли, поспешив закончить этот разговор, от которого он чувствовал неловкость, — каждый из нас прошел через свое пекло. Что думаешь сказать Оливеру? Когда я уходил из таверны, видел его на берегу. Похоже, он бутылку рома прикончил. Не исключено, что к тебе заявится.

— Позволь, я ему расскажу все, Питер! — оживившись, взмолилась Грейс. — Он должен знать. Мне невыносимо думать о том, какой ад творится в его душе. Тем более, ты так трогательно рассказал мне о его чувствах ко мне! Кстати, не хочешь извиниться за «дурную бабу»?

Петька прыснул, но сделав серьезную мину произнес:

— Извини, Грейс, надо было вести себя натурально. А что до Эшби, говори, конечно, Грейси, — вставая, вздохнул Петька, — под твою ответственность. Завтра на совете, все должно выглядеть натурально: Мехмедка не дурак, раскусит фальшь и не поморщится.

— Положись на меня, Кингли!

Петька подошел к двери, и вдруг Грейс остановила его, удержав за локоть. Резко поддавшись вперед, она прильнула поцелуем к его губам, но Петро не ответил ей на лобзание. Оторвав пиратку от себя, он хмыкнул и сказал по-русски:

— Ну и шлёнда[40] ты, Грейс! Со своим мужиком не разобралась, а на чужого кидаешься!

— Я не понимаю твой язык, Питер, — обескураженно произнесла пиратка. — Завидую я Ксении! У нее идеальный мужчина!

— Сплюнь, а то сглазишь, — Петька прищурился. — В чувствах своих разберись, матушка. Если Олли не залил глаза до беспамятства, пришлю тебе твоего

идеального мужчину. А то вот как тебя разобрало!

Петька вышел и закрыл дверь на замок. Алан гулял неподалеку и капитан Кингли, отдавая ключи, намекнул молодому моряку, что, если придет капитан Эшби, пустить его к арестантке и дверь за ним запереть.

***

Петька шел вниз по лестнице, уже стемнело, и он едва заметил человека, сидящего на ступеньках. Приглядевшись, капитан Кингли узнал в нем Алексея Михайловича.

— Добрый вечер, Алексей Михайлович! — приветствовал старого солдата Петро. — Никак дожидаешься кого?

— Тебя, — последовал короткий ответ.

Петька заинтересовался и присел рядом на ступеньку.

— Вот как? — Петро с любопытством посмотрел на старика. — И что ж за дело у тебя ко мне, Алексей Михайлович?

— Ну, зачем же непременно дело, сынок! — его редкозубая улыбка была обезоруживающей. — Там, приказчик твой, баньку растопил. Не желаешь после трудов ратных? Можжевеловым веничком попаримся.

Петро хмыкнул.

— А что, пошли, Алексей Михайлович. — Вставая, он протянул руку старому солдату. — Давно я в бане не парился, хотя Мэт поставил ее сразу, как осели здесь. Я все больше в лохани моюсь.

Алексей Михайлович со знанием дела поддал пару. Петька с удовольствием растянулся на лавке, вдыхая запах распаренных бревен, можжевеловых веток, неповторимый аромат русской бани. Тело будто погружалось в горячее, подвижное облако. Алексей Михайлович, взяв два веника, стукнув ими, друг о друга, провел для начала по мускулистой спине Петьки, по его бедрам и ногам, мягко похлопывая. Похлопывания становились с каждым новым заходом все жёстче и интенсивней, и Петр ощущал уже, как тело его освобождается под напором покалывающих веток от тяжести и напряжения дня. Что-то знакомое, будто из детства вдруг всплыло в его памяти: «Ух, напарю сейчас!». Капитан Кингли разомлел, забытое ощущение обволакивающей истомы поползло по телу от пят до самой макушки. Вдруг Алексей Михайлович нещадно вылил на

размякшего и изнеженного Петьку ушат холодной воды. У молодого человека перехватило дыхание.

— Ну, пойдем, отдохнем малость, сынок, — произнес старый солдат, укладывая веники в ведро с водой.

Петька нехотя встал с лавки и, обернув бедра простыней, взяв ее из стопки специально приготовленных на подоконнике, вышел вместе со своим банщиком на воздух. Они уселись на бревне перед входом. Солнце уже полностью скрылось за горизонтом, напоследок осветив небо тревожным багрянцем.

Петька, откинувшись на шершавые стены баньки, прикрыл глаза.

— В море меня возьмешь, Петр Алексеевич? — вдруг спросил Алексей Михайлович. — Моряк то из меня ледащий, но буду за снохой да за внуком еще не родившимся приглядывать. Ты ж Ксенюшку не оставишь здесь, да и она не захочет. Упрямица она у тебя.

Петька встрепенулся. Ему показалось, что он задремал, и послышалось ему что-то. Но старый солдат не дал ему опомниться.

— Эх, всыпал бы я тебе, Петро за то, что бабочку свою втравил в разбойничьи дела, да только вот ты у меня какой вырос. Силы в тебе, что скрутишь меня в бараний рог и не вспотеешь!

Петька не повернул головы к Алексею Михайловичу, а только улыбнулся и произнес:

— Тять, да ты ж меня никогда пальцем не трогал!

— А тебе и так доставалось, сынок! Я отец твой, а не палач. Вот оно как обернулось! Барин наш молодой теперь у тебя в услужении, а я помню, как из-за стервеца этого тебя пороли.

Отец и сын сидели, оба откинувшись на стену и, смотрели на море. Алексей Михайлович продолжал:

— Мне Ксенюшка все про тебя рассказала. И про Емельяна Захаровича-паскудника, и про плёху-сестрицу его. И про побег твой. И про то, что вольный ты теперь, сынок!

— Да, тять, вольный! — Петр повернул голову к отцу, — Паспорт на имя Петра Алексеевича Царева да вольную сам Ломоносов мне выправил по просьбе Егора Ивановича, тестя моего.

— Ломоносов? — Алексей Михайлович озадачился. — Это кто ж такой?

Петька провел руками по мокрым волосам и улыбнулся:

— Ученый, тять, матушка-императрица ему покровительствует.

— А почему Царев-то, сынок?

— Ксюшина причуда! Рассказывал ей про нас с тобой, она и заметила, что имена у нас с тобой царские. Вот и… Вот возьмем сокровища, тять, выкуплю тебя из рекрутов …Тять!! Тятя, родной!!

И не выдержал уже Петька, бросился перед отцом на колени, обхватил и прижался к ногам его лицом. Алексей Михайлович запустил руку в мокрую шевелюру сына и в глазах набухло, затомилось.

Глава 30

Реформы царя требовали денег. А денег не было, и Петр I мечтал о богатых колониях! Как известно, Персидский поход его в 1722 году, преследовавший данные цели, увенчался приобретением Россией западного и южного побережья Каспийского моря, Дербента, Баку, провинции Ширван, Гилена, Мазендарана и Астрабада.

Но была Индия, богатая Индия! А сведения о Мадагаскаре, о пиратском государстве лишили покоя российского императора. Англия, вечный антагонист России и мощная морская держава, никогда не брезговала заработать любыми способами, одним из которых было каперство. Каперские патенты раздавались всякому, кто отличал правый галс от левого.

Император российский не мог пропустить столь простого и гениального, в своем роде, вида деятельности в получении желаемой прибыли. Доверившись бывшему шведскому подданному вице-адмиралу Даниэлю Вильстеру, Петр Романов распорядился готовить флот к сверхсекретной экспедиции к берегам Мадагаскара. Операция была столь секретной, что вся переписка велась исключительно через походную канцелярию Федора Матвеевича Апраксина[41] в обход Адмиралтейства.

Великий реформатор грезил о тесном сотрудничестве с Мадагаскаром, об установлении дипломатических и торговых отношений с Индией, о покорении новых земель! К сожалению, идея африканского похода закончилась

безуспешно, а после смерти Петра Великого и вовсе умерла, даже не сделав глубокого вдоха.

***

Пиратские корабли вышли в море: бриги «Агнец» и «Гордость королевы», шхуна «Изумруд», бермудский шлюп «Дельфин» и шхуна Мехмед-бея. Турецкую шхуну вел Джок Дугэл. Мехмед же с командой находились на своем корабле в качестве узников. Все, что удалось Грейс выудить у турка, которая для всех членов экспедиции, кроме четырех человек, считалась предателем, это что сокровища находятся на Мадагаскаре. На совете, предшествующем плаванию, шли долгие и горячие споры, и все же большинством голосов было принято решение отправится к юго-восточному берегу Африки.

Погода благоприятствовала! Северо-восточный ветер, радуя моряков своим постоянством, в полном бакштаге разгонял корабли до 12 узлов[42]. Пираты считали это добрым знаком, совершенно уверенные в счастливом исходе данного предприятия.

***

Питер Кингли стоял на квартердеке, поглощенный своими мечтами, рожденными еще в далеком и несчастливом детстве, когда он тайком пробирался в хозяйскую библиотеку и читал о Великом своем тезке. Емельян Захарович, верный и фанатичный поклонник первого российского императора, обладал прекрасным собранием томов, посвященных большим делам своего венценосного кумира. Мальчишка-холоп за полночь зачитывался изложением свершений и проектов царя-реформатора, воображая себя капитаном, ведущим свой корабль к волшебной Индии, издревле манящую путешественников богатством, тайнами и экзотикой. И вот теперь мечта становилась явью! К тому же его воображение будоражила таинственность, которой хитрый турок опутал историю с сокровищами царя Агамемнона.

«Ну, ничего, Мехмедка, меня на мякине не проведешь! Туману напустил-то! Так и мы не лыком шиты, таких тебе морских узлов накручу, что век не распутаешь!».

— Петр Алексеевич, — голос Дмитрия Павловича вывел капитана Кингли из задумчивости, — кофе по новому рецепту!

Петр обернулся. Его бывший барин, ловко балансируя на сильно накренившейся палубе с подносом, пытался удержать кофейник в положении ровного горизонта.

— Ты, Дмитрий Павлович, смотрю, наловчился, — промолвил Петр, — валяй, что там у тебя за рецепт такой!

— Тебе понравится, Петр Алексеевич, — хитро улыбаясь, при этом виртуозно наливая в чашку ароматный напиток, произнес Митюнушка.

Петр принял чашку из рук своего кока и сразу оценил тончайший аромат свежесваренного кофе. Отхлебнув глоток, Петр обратился к Дмитрию Павловичу:

— Вижу, сказать мне что-то хочешь, аж дыхание сбилось! Выкладывай, что там у тебя!

— Я без предисловий, Петр Алексеевич! — откашлявшись, начал Дмитрий Павлович. — Когда на Чериготто пленных турок привезли, я подумал, что неплохо бы у их кока выведать, как он кофе варит. Турки в этом деле - мастаки! Кок, правда, оказался упрямым да невежливым! Пришлось на хитрость пойти. Угостил его щами нашими. Он то ест, аж за ушами трещит, хвалит. Еще просит! А я ему и говорю: «ох, прости меня, окаянного, забыл! Щи то со свининой!» Ты бы видел его, Петр Алексеевич! — Дмитрий Павлович помотал головой сокрушенно, — бросился мне в ноги! Говорит: «не погуби, не говори никому!». А я ему: «секрет приготовления кофе раскрывай!». Он мне и выложил все, как на духу.

Петька прыснул:

— Зело коварен ты, Дмитрий Павлович!

— Потом-то я ему сказал, что соврал я, из баранины щи были! Думал, вцепится в меня. Да, нет! Вздохнул с облегчением. Мы с ним даже подружились. Кофе пили, да я ему немного рома то и капнул. Он и разговорился с непривычки.

Петр перестал улыбаться и с интересом посмотрел на своего бывшего барина. Дмитрий Павлович приосанился, готовясь передать важные сведения:

— Петр Алексеевич, слышал ли ты о Варсаве?

Петр пожал плечами:

— Кое-что.

— Это грек, и когда-то они с Мехмедом сотрудничали. Грабили всех без разбору. Но вот между ними кошка пробежала, рассорились они в пух и прах! И вроде бы из-за бабы. Уж, кто у кого бабу увел, про то кок не ведал. То ли Варсава из гарема Мехмеда, то ли Мехмед у Варсавы невесту переманил… Так вот! Наш Мехмед был в большой чести у султана и тот ему поручил добыть сокровища Агамемнона. Мехмед задание султана выполнил исправно. В общем, Петр Алексеевич, там у Крита Мехмеда не только ты ждал. Варсава стал свидетелем нападения и уничтожения хваленого флота Мехмед-бея. Но Варсава знал то, чего не знал ты, Петр Алексеевич, — поджав губы, констатировал Митюнушка. — Мехмеду тогда удалось на своей фелуке ускользнуть от нашего брата вместе с заветным сундуком, но тут подоспел Варсава… А Мехмед султану уже донесение отправил!

— Ах, черт! — покачал головой Петр, — вот же …

— В том то и дело! — прищелкнув языком, проронил Дмитрий Павлович. — Так что не просто так тебя Мехмед умасливал. Варсаву просто так не возьмешь.

— Да! — протянул Петька, — слышал у Варсавы фрегат английской постройки 32-пушечный, три брига. Солидный флот. Значит нет сокровищ у Мехмедки. Вот шельма! — Капитан Кингли с признательностью посмотрел на Митюнушку. — Спасибо тебе, Дмитрий Павлович и за кофе, и за сведения важные. Теперь переиграть надо!

Дмитрий Павлович улыбнулся. Он порадовался похвале капитана.

— А поведай ты мне, Дмитрий Павлович, — обратился к нему Петр, — только как на духу, почему домой возвращаться не хочешь?

Дмитрий Павлович вздохнул:

— Знаешь, Петр Алексеевич, жил я под крылом матери да под опекой дяди Емельяна, вроде горя не знал, а лишен был возможности следовать своим желаниям и стремлениям, ощущать покой в душе. Все за меня решали, превратили в болвана бесчувственного. А ведь мне одна девка нравилась, по-настоящему. Жениться думал. Луша славная девушка была, добрая да понятливая. Просил мать ей вольную подписать. А она…, да ты и сам все видел, Петр Алексеевич!

— Лукерья, Демьянова дочка? Как же тебе дворянину-то на крепостной жениться?

— А я не думал об этом, Петр Алексеевич! Мать велела Лушеньку мою на конюшне пороть, а Матвей не рассчитал, до смерти… Не мог я простить этого, да и сейчас не простил.

— А надо мной то зачем издевался? — Петька поднял брови.

— А ты не знаешь? — невесело взглянув на своего бывшего холопа, произнес Митюнушка. — Завидовал я тебе! Да, да! Сильный, ловкий да смышленый! Тебя и дядя Емельян мне в пример ставил!

— Вот те раз! — удивился Петька. — А мне только тумаки, да подзатыльники раздавал!

— А мать моя! — продолжал Митюнушка, — думаешь, не видел я, как она об тебя глаза ломала? Однажды застал ее, как она из палисадника за тобой подглядывала, когда ты коней купал на речке. Противно стало!

—Ладно, Дмитрий Павлович! — вздохнул Петр, — ты на мать обиды не держи. Какая есть! Ты иди, спать пора. Я тоже уже час вахты отстою. Благодаря твоему кофе, хоть носом клевать перестал.

Дмитрий Павлович кивнул и побрел в сторону рубки. Обернулся.

— Ты ж у меня единственный друг, Петр Алексеевич!

Но из-за шума ветра, Петька не расслышал. Махнул рукой, мол, завтра поговорим!

Глава 31

— Ну, Мехмедушка, выкладывай! — Петро присел перед узником на табурет, прищурив глаза, давая понять собеседнику: чтобы тот не сказал, он про все ведает. — Видно же, боишься ты чего-то. Нас в союзники залучить полагаешь. Чужими руками жар загрести хочешь?

Мехмед тяжело поднялся в гамаке. Неудобство лежать в «куске парусины» вызывало в нем раздражение.

— Хорошо, Кингли, — Мехмед попытался встать, но с непривычки вновь неуклюже завалился в гамаке. Он выругался по-турецки.

Петро улыбнулся:

— Да, здесь сноровка нужна! Тебе пристало на подушках возлежать. — Пират протянул руку турку и помог ему подняться. Мехмед, встав, пересел напротив своего соперника на сундук.

Петр не спешил дальше чинить допрос, он разглядывал Мехмеда. Держался тот по-восточному равнодушно-спокойно, но Питер Кингли видал виды: во взгляде когда-то заносчивого турецкого пирата мелькнул страх. Видя, что Мехмед не намерен первым начинать разговор, Петро спросил:

— Ты с чего с Варсавой рассорился?

Мехмед мрачно посмотрел на Петьку и, цокнув языком, по-лошадиному мотнул головой.

— Говорят, невесту ты его в свой гарем умыкнул. — Кингли безучастным тоном продолжал «раскачивать» собеседника.

— Какую невесту? — оживился Мехмед, и скривил губы. — Он же старый! Дочку!

— Ха! — Петька изобразил озарение. — Ах, вот почему Варсава тебе голову отрезать хочет! Или того хуже, — он сделал паузу и осмотрел свои ногти на руке, — мечтает тебя в цепях султану привести, — и поднял насмешливый взгляд на турка.

Мехмед сдался. Он согнулся со стоном и уронил голову на руки:

— Этот чертов грек жизни мне не даст! Рассорил меня с султаном! Окопался здесь на Мадагаскаре!!

Петька внимательно смотрел на сокрушающегося турка. Его внутреннее чутье подсказывало, что Мехмед под эмоциональными каскадами, кроет вполне холодный и коварный расчет. «Не верь бабе, не верь турку, не верь непьющему!» - в памяти всплыло это назидание Петра Великого.

Вдруг Мехмед вскинулся. Его глаза горели, в голосе послышалась мольба:

— Кингли, помоги! Одолеем Варсаву, вот тебе мое слово - заберешь все сокровища! Мне только диадему и ожерелье отдашь!

— Знаешь, а это неплохое предложение, — на удивление Мехмеда, Кингли легко согласился. — Только договор составим. — Петька поднялся и, приоткрыв дверь каюты, крикнул, — эй, Алан, бумагу, перо и чернила!

***

Таверна ломилась от посетителей. Контингент не отличался разнообразием: моряки, продажные женщины, торговцы. Закончился сезон штормов, торговля шла в полном разгаре, корабли вышли в море. А там, где торговые корабли, там и пираты! И здесь их было в достатке. Они сидели за столами компаниями и, по степени громкости звука их бесед и споров, можно было определить, кто и как давно наполнял свои кружки алкоголем.

Команда «Изумруда» тоже засиделась, а капитан Эшби, похоже, перебрал лишнего. Оливер, в тот памятный день, когда он, щуплым растерянным юнцом, сидел перед Грейс Моран и Перселлом, поклялся не пить рома. С тех пор «священная» клятва была нарушена не раз. Полная непредсказуемости жизнь пирата диктовала свои правила. И вот бедный Оливер сидел в таверне на Мадагаскаре, тупо вперяв пьяный взгляд на компанию моряков, распевающих разудалые песни. Вдруг он оживился, и без того налитые кровью глаза сверкнули яростью. В таверну вошла команда «Агнца» и «Гордости королевы». Капитаны Кингли и Осборн о чем-то оживленно беседовали. Оливер поднялся.

— Я предупреждал тебя, Кингли, чтобы ты мне не попадался? — рявкнул Эшби так, что заглушил шум таверны.

— Ба, Олли! — капитан Кингли расплылся в издевательской улыбке. — Да у тебя грозный рык! Ладно, я тебе не помешаю! Заскочил поесть. Мой кок куда-то запропастился.

Оливер угрожающе положил руку на эфес шпаги. Питер сделал вид, что не заметил этого жеста и уже уселся с товарищами за стол.

— Прости, дружище, — подойдя к Кингли вплотную, вкрадчиво промолвил Эшби, — я не могу позволить тебе насладиться ужином. — Оливер медленно вытащил свою шпагу из ножен. — Ты так циничен, мой друг, что после подлого предательства ты не потерял аппетита?

Капитан Осборн в раздражении оттого, что и его ужин подвергся отсрочке, подошел к Эшби:

— Прекрати, Олли! Устроил здесь истерику из-за бабы! Это тебе не Кингстон, и не Пэлл-Мэлл в Лондоне! Подумаешь, Моран переспала с Кингли! Она спала со всеми, на кого падал ее взгляд!

Оливер в ярости зарычал и толкнул Осборна с такой силой, что тот упал под взрыв хохота толпы. Осборн взревел.

— Олли, успокойся и протрезвей! — послышался спокойный голос Кингли. — Завтра я к твоим услугам. Я не намерен драться с тобой, когда ты на ногах не стоишь.

— Трус! — сверкнул изумрудным взглядом Эшби.

Петька пожал плечами и обратился к членам команды «Изумруда»:

— Джентльмены, возьмите своего капитана. А то наломает дров, не разгребешь!

Боцман Ли и штурман Броснан из команды «Изумруда» поднялись, но Оливер выхватил пистолет:

— Я прострелю башку любому, кто приблизится ко мне! — он повернулся к Петьке. — вынимай шпагу, трус!

Питер Кингли со вздохом обнажил свой клинок. Начался бой. Оливер яростно шел в атаку, но Кингли сдержанно отбивал любой выпад, находясь в защите. Все заметили, что капитану Эшби приходилось тяжело. Но Оливер не сдавался, он вновь пошел в наступление, но Петька, легко отбив его туше, полоснул друга по груди. Все ахнули! По рубашке поползло длинное кровавое пятно.

Петро, переложив шпагу в другую руку, шагнул к Оливеру и поддержал его. Кингли мельком осмотрел рану, шепнув по-русски:

— Царапина, жить будешь!

Оливер еле слышно, прошипел:

— Иди к черту, Кингли!

Глава 32

Рангоут корабля мерно поскрипывал. Варсава гордился своим фрегатом, носящим название «Артемида», дерзко захваченным им у охотников за пиратами близ Багамских островов. Вот эта была пальба из пушек! Из-за порохового дыма света Божьего не видно. Золотое время! Варсава тогда - крепкий жилистый мужчина, полагающийся только на себя - его экзотическое имя для тех мест, наводило мистический ужас на жителей карибского бассейна.

Грек по происхождению, ожесточенный, просоленный и выжженный, даже в пиратских кругах Варсава слыл человеком без чувств. На борту его корабля царила железная и грубая дисциплина. За любую провинность матроса могли

килевать, сечь, оставить подвешенным на рее за руки на солнцепеке. Он не терпел азартных игр, не терпел алкоголя на борту. Варсава считал, что ремесло пиратское непредсказуемо, что надо молится Богу и быть во все оружие круглые сутки.

Его союз с Мехмедом, молодым, дерзким турком оказался весьма удачным. Варсава не испытывал патриотических чувств, не испытывал боли за поверженную Грецию. Пирата интересовали только деньги, и он добивался цели невероятно легким способом. Матросы прозвали его царем Мидасом, за способность все превращать в золото. Поговаривали, что дочь Варсавы Поликсена не была похищена Мехмед-беем. Жуткая история! Будто бы в гневе за непослушание дочери, пират продал ее турку за мешок золота.

Варсава редко сходил на берег. Он отпускал свою команду изведать сушу, но сам предпочитал «покачиваться на волнах», как он сам выражался. Он говорил, что в его жилах течет не кровь, а морская вода, а бог Посейдон приходится ему отцом.

***

Кастор: старший помощник, правая рука, глаза и уши Варсавы - не решался прерывать молчаливую задумчивость капитана. Варсава стоял у кормового окна и любовался, если такая эмоция могла зародиться в черствой душе старого грека, мадагаскарским насыщенным закатом. Не поворачиваясь к Кастору, Варсава, наконец, устало спросил, голос у него был низкий и скрипучий, как звук ненастроенного контрабаса:

— Ну, что там в поселке? Что там за корабли на рейде? Я их раньше не видел.

Плотный, с крючковатым носом и глазами навыкат, Кастор крякнул и расплылся в презрительной улыбке:

— Англичане, Варсава! Тебе понравится, что я расскажу…

— Хватит кривляться, Кастор! — отрезал старый пират.

Кастор перестал скалиться и начал описывать все им увиденное:

— Появились они второго дня, а уже шуму от них!! Главари рассорились в пух и прах! Из-за женщины! Драка была в таверне. Тот, который Кингли, играючи ранил рогоносца! — Кастор вдруг залился смехом, будто бы зрелище это являло собой самое смешное, что он видел в этой жизни. Варсава посмотрел на него и

смех мгновенно стих. — Рогоносец, похоже, не из смельчаков. Он взял две свои шхуны, и отправился восвояси. У Кингли тоже не все гладко. Баба, вероятно, пожалела своего обманутого голубка и представляешь, Варсава!! Она захватила бриг своего любовника, пока они перепились там все. Я слышал про нее, Варсава! Грейс Моран, жуткая дамочка!

— Кингли, говоришь? — подал голос Варсава, — не тот ли это Кингли, который так кстати оказался у Крита и красиво спалил галеры этого обрубка!

— Он самый, Варсава, — просиял Кастор, — но должен сказать, удача ему изменила! Грейс эта упаковала его вместе с командой в трюм. Там еще было два корабля: бриг и шлюп. Но ребятам все это не понравилось. Они снялись с якоря на рассвете. Ушли северо-восточным курсом.

— Странно, — в задумчивости протянул старый грек, — я слышал, что у Кингли был договор с байло Корфу. Он неплохо справлялся в Средиземноморье, Магриб до сих пор в себя не придет. Что они здесь забыли?

Кастор пожал плечами. Его больше забавляла пошлая история с пришлыми пиратами нежели загадка их появления. Он почесал свое округлое поросшее густо брюшко, попытался сказать что-либо, но не найдя слов, просто щелкнул языком. В приоткрытую дверь пролезла голова молодого матроса.

— Там женщина на борт просится, — произнесла голова, повязанная синим платком. — Серьезная такая, говорит, ей капитан нужен.

Варсава повернулся. Его разобрало любопытство, но где-то в затылке заныло. Его опыт нашептывал веские доводы: не пускать на борт бабу.

— У нее в шлюпке какой-то человек с мешком на голове. Говорит, желанный подарок капитану!

Варсава взглянул на Кастора, посмотрел в кормовое окно.

— Пусть взойдет на борт, — последовал приказ.

Глава 33

Мангуки – река на юго-западе Мадагаскара. Трудность пути вдоль русла реки может оценить только преодолевающий её, отважный и закаленный путешественник. Так называемые колючие леса, по хищному восхитительны и экзотичны, но создающие весьма нелегкий переход путникам. Кроваво-красный

песок неописуем в своей мощной красоте, но так тревожно ступать по нему, так по щемящему тоскливо. Будто пропитанный за многие века страданием, песок остался вечным памятником пролитой крови на Земле, за все существование человечества.

Путь был неблизкий, и отряд корсар, обзаведясь в поселке тремя мулами, медленно двигался к своей цели. Впереди шел Мэт, он неплохо ориентировался и казалось, восторг от всего происходящего влился в молодого барина и сделал его неутомимым и выносливым. За ним следовал Оливер, он с остервенением рубил саблей цепляющиеся за одежду ветки. Алексей Михайлович вел под уздцы крепкого серого мула, на котором, легко перенося всю тяжесть пути, сидела Ксения. Оливер взял с собой часть своей команды с «Изумруда» и пираты упрямо двигались вглубь Мадагаскара, не жалуясь и не задавая лишних вопросов.

До цели их путешествия оставалось около дня пути и моряки решили сделать привал на закате.

Хорошо было сидеть у костра. Искорки, будто рассерженные светлячки, устремлялись вверх в надежде достичь неба, но соприкоснувшись с вечерней прохладой, безнадежно гасли во тьме. Пираты сидели молча, жуя свой скудный ужин. Никто не мог даже предположить, что их ждет завтра. Вскоре все улеглись спать, распределив вахты.

Оливер, пребывал в смятении. Да, он знал о планах, знал, что все - игра, но его не покидало унылое чувство. Оливер понимал, что ведет себя как подросток, но ничего не мог с собой поделать. Ему было гадко.

Оливер думал о Грейс. Неукротимая ирландка, подарившая ему страсть, уверенность, силу - теперь предстала для него чужой и незнакомой. Он вспоминал ее грубое, медальное лицо, ее рыжие волосы. В этой женщине, будто материализованной из манускриптов о грозных кельтских воительницах, виделось нечто эпическое. Но Оливер ведал о нежных руках и сладких поцелуях, о ее податливости в лунном свете. Он представлял ее, Амфитритой[43], входящей в теплое ночное море, ощущал ее объятия и слышал смех. Как и говорил Питер, Оливер не думал об их разнице в возрасте, не думал о ее прошлой жизни. Ведь он понимал, что эта женщина, которую он ласкал в исступлении, познала ни одного мужчину. Оливер просто любил. «Когда любишь, душа словно с Богом разговаривает…» Слова Питера засели у Эшби в голове. Так и есть! Оливер вспомнил как он в страстном неистовстве шептал – люблю – и не слышал ответа! Сейчас ему захотелось отхлестать эту женщину по щекам. «Бабочек бить - последнее дело!»

Оливер посмотрел на Ксению, по-детски трогательно положившую голову на колени Алексея Михайловича. Старый солдат бережно гладил ее волосы, приговаривая: «Спи, дочка!». Чувство, по мерзости своей схожее с обидой и завистью, вдруг прокатилось по его душе. Он пожирал глазами старика и молодую женщину, так по-семейному тепло относящихся друг к другу. Он пытался представить себе своего отца. Сухого, с поджатыми губами, уголки которых всегда смотрели вниз. Никогда Оливер не слышал от него доброго слова.

Как не рисовал себе Оливер идеалистическую картину симпатии старшего Эшби к Грейс, получалось фальшиво и по-жестокому комично.

Оливер бросил охапку хвороста в костер, огонь вспыхнул с новой силой. К капитану Эшби подсел Дмитрий Павлович, который вместе с ним нес вахту:

— Завтра будем на месте, — сообщил он. — Если кок ничего не перепутал, — Мэт кивнул на спящего турка.

Оливер ничего не ответил, и Дмитрий Павлович, уловив направление его взгляда, хмыкнул:

— Конфуз выдался, однако, мистер Эшби! Я вроде бы барин Алексея Михайловича, а вот Петр Алексеевич мало того, что вольный, так еще и мне хозяином приходится.

Оливер пожал плечами. Эффекта, которого хотел достичь Мэт не случилось. Оливер привык к русским парадоксам. Питер приучил его ничему не удивляться.

— Ты, мистер Эшби, в думы то не впадай! — вдруг невесело произнес Дмитрий Павлович. — Предоставь все Богу, ему только решать, как с нами быть. Ты небось и ведать не ведал два года назад, что с тобой станется. А он, — Мэт кивнул на небо, — все уже расписал.

Оливер засмеялся.

— Я также когда-то Питера утешал! — он вынул часы из-за широкого кожаного пояса. — Все, Мэт, наша вахта закончена. Буди Тейлора и Дика.

Глава 34

Варсава: в затейливом, не похожем на мусульманский, тюрбане из дорогой ткани с золотой вышивкой, бархатном кафтане, чем-то напоминающим зипун и в черных шароварах – встретил Грейс Моран на шкафуте. Он безучастно окинул

взглядом незваную гостью, давая ей понять, что не расположен говорить долго.

— Можешь не утруждать себя представлениями, женщина, — проскрипел на ломаном английском языке Варсава, — я знаю кто ты. Только, ума не приложу, зачем пожаловала.

Грейс сделала знак своим матросам, которые сопровождали ее и пленника, и они вытолкали на середину человека с мешком на голове. Грейс сдернула с него дерюгу. На палубные доски упал муаровый тюрбан, обнажив стриженые черные волосы Мехмед-бея. Варсава хмыкнул, казалось равнодушно, но Грейс, украдкой наблюдающая за выражением лица грека, заметила, как плотоядно и злобно блеснули его глаза.

— А, Мехмед, старый приятель! — осклабился Варсава, — я думал, что ты уже подох на плахе!

— Аллах смиловался надо мной, Варсава, — промолвил пленник, — и возможно, все еще может измениться.

— Я бы не советовал тебе, Мехмед, так уповать на Аллаха, — сложив руки на груди, парировал грек. — Ты прогневал своего Бога, о чем ведают твои последние неудачи. Флот ты свой потерял, милость господина тоже. И сокровища...

Варсава свысока обратился к Грейс:

— Хороший подарок, женщина...

Грейс вспыхнула:

— Варсава, я капитаном уже пять лет. И видала я таких заносчивых мерзавцев, как ты, в превеликом множестве. Правда, заносчивость их повисала на нок-рее, как правило. Я пришла к тебе не за тем, чтобы ты мне кивнул на женскую половину. У нас в Ирландии женщины втайне молятся Морриган[44], и мне неприятно твое небрежение, Варсава.

Грек сверкнул злобой, но потом, рассудив, что перед ним Грейс Моран, знаменитая пиратка, суровостью своей не уступающая ему самому, утихомирил свой гнев.

— Чего ты хочешь?

— Хочу встать под твой стяг, Варсава.

Варсава мотнул головой, удивляясь дерзости ирландки. Он прошелся мимо Мехмеда, оглядел матросов Моран, наконец подошел к Грейс.

— Я не против, но меня кое-что смущает.

— Что?

— Кингли. Что за история? Вы держали в страхе и Магриб, и юго-восточное побережье империи. У вас был договор с Корфу, у вас был свой остров.

— Переплелось все как-то нелепо, Варсава, — уклонившись от ответа Грейс, пошла верным путем, чтобы заинтересовать собеседника. — Кингли стал много брать на себя, вообразил себя адмиралом. Мне это не понравилось. Заносчив чрезмерно.

— Вот как! — вскинул свои кустистые брови грек, — я слышал про тебя другое. — Он осклабился, — неужели Кингли так плох в постели, что ты решила от него избавиться?

Его последние слова утонули во взрыве хохота матросов. Грейс не улыбнулась, она положила руку на эфес шпаги.

— В сравнении с тем, что у меня было раньше, это самое худшее!

— Где Кингли? — небрежно спросил Варсава.

— На бриге, в трюме, и шестеро ему верных членов команды.

Варсава бросил на Грейс заинтересованный взгляд:

— Значит в его команде есть люди, которые не способны на предательство? Знаешь, Моран, я хочу взглянуть на него. По плодам встречи с ним я решу наш с тобой вопрос.

Грейс ничего не ответила, она только дала вполголоса распоряжение своим матросам и вскоре шлюпка отчалила в сторону «Агнца».

***

— Ну, давай знакомиться, — на английском языке пробасил Варсава.

Петька, а с ним канонир Коннор, матросы Брайн, Алан, доктор Ангус, плотник Фергус и рулевой Эррол предстали пред суровым взглядом старого пирата.

— Давай, коль не шутишь! — промолвил Петька. — Хотя нужды нет, каждый из нас знает, кто перед ним. Можешь говорить по-гречески, я понимаю.

— Что ж ты, Кингли, так опростоволосился то, — перейдя на греческий, фальшиво посетовал старый пират. — Потерял бриг, команду.

— Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — оглядывая мачты фрегата Варсавы, проронил Петька, — может Господу угодно, чтобы я фрегатом командовал.

— А ты наглец, Кингли, — вдруг расхохотался Варсава. Но ему не понравился ответ молодого моряка, ему не нравился его вызывающий вид и манера держаться. Старый пират чувствовал неладное. — Не боишься?

— Коли боялся, в пираты бы не подался, Варсава, — последовал простосердечный ответ, — знал на что я шел! Ты, Варсава, страху нагнал здесь, а я смотрю, вид у тебя уставший. — Грек метнул в Петьку гневный взгляд. — К тому же, ты мне благодарен должен быть, Варсава! Ежели бы знал я раньше про сундук с сокровищами, вы бы с Мехмедом сейчас супротив меня компанию развернули. А так получается, что я тебе помог, а ты меня глазами сверлишь.

— Что ж, — неожиданно по-доброму ответил Варсава, — я отблагодарю тебя, Кингли! — Он повернулся к Грейс. — Проведешь его по доске, команду в трюм!

Казнь омерзительная и страшная. Через планшир перекидывали поперек доску. Пленнику, которого хотели высадить на острове в наказание, завязывали глаза и подгоняя уколами сабель и шпаг, «вели» по доске пока он не упадет. Несчастный, если не успевал сгруппироваться, разбивался. Были «везунчики», правда, которые доплывали до земли, как правило, до необитаемого острова, и там ему грозило либо безумие, либо голодная смерть.

Когда же цель казни предполагала смерть мгновенную, то казнимому не только завязывали глаза, ему связывали руки, а на шею вешали груз. Шансов на спасение не было!

Именно такой казни должна была подвергнуть своего бывшего соратника Грейс Моран. Варсава хотел добиться следующих результатов: он проверит Грейс и избавится от серьезного противника. Варсава слышал о подвигах Кингли, он сам стал свидетелем разгрома флота Мехмеда. Он видел многие крепости Магриба в руинах. И этот нахальный тон, и вызывающее спокойствие! Его чутье, никогда не подводившее его, шепнуло греку, что Кингли лучше убрать с дороги.

Петру великодушно дали время помолиться, приготовления к казни подходили к завершению. Капитан Кингли стоял вскоре с завязанными глазами и руками, один из матросов повесил ему на шею чугунное ядро так неловко, что у Петьки подогнулись колени.

—Что за олух ему руки связал, — Петька услышал голос Грейс.

Пиратка подошла к капитану Кингли и раздраженным рывком затянула веревку на его запястьях: «Грейси, не зарекайся! По краю пропасти ходишь». - «Я уважаю мужчин, Кингли, поэтому ты первый испробуешь это блюдо!».

Когда Кингли почувствовал под ногами доску, он сделал пару неуверенных шагов. Остановившись, капитан «Агнца» постоял немного, несмотря на болезненные уколы по всему телу немилосердных клинков и аккомпанемент сомнительных шуточек, и улюлюканье. Вдруг он бодро, будто зная куда идти, направился к краю. Всплеск воды и моряки все как один посмотрели вниз за борт фрегата. В месте падения пирата синева воды взбурлила пузырьками воздуха и побелела.

Глава 35

— Тсс! — Дмитрий Павлович вскинул руку, призывая путников, уже изрядно уставших, к тишине. — Пришли!

Уже смеркалось. Запад пылал сладострастным закатом, но корсарам было не до созерцания природных явлений. Пираты затаились. Вдали, там, где местность становилась крутой и холмистой, а растительность мягче, виднелись огни. Ни с чем не сравнимый запах костра и жареного мяса щекотал ноздри, и утомившиеся, изголодавшиеся путники, чьим пайком несколько дней являлись сухари и солонина, сглотнули в зависти слюну.

— Эй, Юнуска, — позвал шепотом турецкого кока, Дмитрий Павлович. — Сколько там народу то? Знаешь?

Маленький упитанный турок с реденькой бородкой, карие глаза его с красными белками таили в себе страх и настороженность, робко приблизился к Мэту. Кок со шхуны Мехмеда глупо попался на «удочку» хитрого русского и теперь понимал, что, помогая пиратам из опасения, что его мучитель поведает всем, как он ел свинину и пил ром, маленький кок сжег мосты, ведущие его на камбуз Мехмед-бея.

— Не знаю, Мита-эфенди, — проблеял бедный коротышка, — знаю только, что у Мехмеда были другие планы на эту девицу. Поэтому он не отправил ее в свой гарем. Слышал, что он велел охранять ее как сундук с сокровищами.

Дмитрий Павлович ухмыльнулся.

— Ну, за сундуком то он не углядел. Ладно. Разведка нужна. — Барин хитро взглянул на турецкого кока, и пробормотал по-русски, — вот, ты шельма, Юнуска, чего не спросишь по-хорошему, ничего не знаешь! Вот и про предмет ссоры Варсавы и Мехмеда не ведал. А как кофея «волшебного» хлебнул, так вспомнил, где дочка грека находится. Подливать тебе что ли всякий раз, чтоб память восстанавливать. Так на тебя никакого рома не напасешься!

Юнус только хлопал непонимающе глазами.

Дмитрий Павлович оставил озадаченного турка и подошел к Оливеру, что-то нашептал ему. Оливер кивнул и неутомимый кок с «Агнца» сверкнув напоследок белозубой, но щербатой улыбкой, нырнул в сумерки.

Пираты не стали разжигать костра, чтобы не выдавать своего присутствия. Все уселись под огромным баобабом на красном песке в рядок. Ксения устроилась подле Оливера, который заметно нервничал.

— Вам не стоило с нами идти, мисс Ксения, — произнес капитан Эшби. — Здесь может быть опасно, очень опасно! Боже, я даже боюсь представить, что мне скажет Питер, если узнает, что я поддался на ваши уговоры.

— Для меня опасно везде, мистер Эшби, где Петруши рядом нет, — тихо молвила Ксения. — Мне кажется, что здесь от меня больше толку будет, чем на шхуне.

Время тянулось невыразимо долго. Пираты тихо переговаривались и наблюдали как гаснут краски буйного мадагаскарского заката.

Уже воздух наполнился ночными звуками, силуэты баобабов, как мистические существа, тянущие свои костлявые руки к черному небу, вызывали неприятную оторопь.

Темнота шевельнулась. Удивительно, как этот человек ориентировался во мраке, безбоязненно пробираясь среди колючих кустарников! Дмитрий Павлович плюхнулся на песок рядом с Оливером и довольный вид его угадывался по взволнованному дыханию.

— Эшби! Полный порядок! — переводя дыхание, выпалил он. — Девчонка в хижине. На посту три человека. Сидят, паразиты у костра, мясо уплетают. Там их отряд, десять человек. Семеро дрыхнут. Расслабились, басурмане. Но незаметно подобраться не получится. Обойти нет возможности, с двух сторон обрыв отвесный. — Дмитрий Павлович недобро взглянул на турецкого коллегу. — Связать тебя надобно и кляп всунуть, чтоб не дай Бог, своим не пособил!

— Не подобраться, говоришь, — в задумчивости протянул Эшби. — Надо подумать…

Ксения улыбнулась про себя и произнесла:

— По-моему это случай, когда я пригожусь.

Эшби замотал головой.

— И не думайте, мисс Ксения! Мы все за вас головой отвечаем!

— Э, нет, капитан Эшби, — вдруг вступил Алексей Михайлович, он так и не поменял своего турецкого облачения, — головой мы то точно отвечаем, но Ксенюшку послушать стоит. — Он посмотрел на Дмитрия Павловича, — а ну-ка барин, поменяйся одежей с турком.

Мэт Назаров, просияв от догадки, даже руки потер от удовольствия:

— Ну, Ксения Егоровна! Смекалка-то у вас, дай Бог вам всяческого благополучия!!

Глава 36

Джок Дугэл, которого капитан Кингли поставил своим старшим помощником и временно командующим захваченной у Мехмед-бея шхуной, вглядывался в темный горизонт и в его шотландской закаленной душе бушевали демоны. Весь план Кингли с самого начала вызывал в нем яростное отрицание — казалось все логично, но рискованно невообразимо! Нет! И логики не найдешь в его треклятом плане! Все на… Дьявол, как это слово? О, да! Авось!!!

Джок вспомнил рассказы отца, служившего в русском флоте. «Если горят, так адским пламенем эти русские! — говорил старший Дугэл. — Они ленивы, очень ленивы, и, кажется, спят наяву, как вдруг что-то взрывается в них. Они способны на самую преданную дружбу и ради этого готовы пойти даже на смерть. Можно строить догадки о том, что у русских на уме, предполагая, что они что-то замышляют. Но ты глубоко ошибаешься! Именно в эту минуту они не думают ни

о чем! И вся твоя стратегия рассыпается в прах».

Джок ощущал болезненное напряжение в глазах, он не видел ничего.

«Сумасшедший Питер! Зачем я согласился? Такого расстояния не преодолеть вплавь!»

По борту будто что-то стукнуло. Звук был еле слышным, так если бы дрейфующий обломок дерева волной ударило об обшивку корабля. Джок прислушался, звук повторился. Он перегнулся через борт и стал вглядываться в темную бездну. Старпом увидел человека, лежащего вверх лицом на волнующейся воде. Когда по воле Посейдона тело приближалось к кораблю, человек, очевидно, из последних сил бил кулаком по борту.

— Трап, спускайте, трап!! — заорал Джок. — Двадцать пять миль, двадцать пять миль, — бормотал он про себя, пока Питеру Кингли помогали взобраться на борт шхуны.

Петька, вскарабкавшись по трапу, увидел своего старпома, улыбнулся и рухнул бы на палубу без сил, если бы Джок не подхватил совершенно обессиленное тело капитана Кингли.

***

Суровые условия взросления, закалка в самых немыслимых обстоятельствах жизни теперь позволили Петьке преодолеть расстояние почти в двадцать пять миль и пробыть в воде - благо теплое Мадагаскарское течение в этих местах не даст замерзнуть пловцу – больше шести часов. Джок, ругаясь последними словами, дотащил обессилевшего капитана Кингли до кают-компании и помог ему переодеться в сухую одежду. Протягивая Питеру кружку, наполненную ромом, старпом не удержался:

— Дьявол тебя дери, Питер! А если бы Варсава решил тебя повесить? А если бы ты захлебнулся прежде, чем освободился от веревок? А если бы…

— Слишком много «если бы», Джок, — тяжело переводя дыхание, произнес Петька. — Варсава очень предсказуем и не любит новых методов расправы. Его коронная казнь - провести по доске пленника с ядром на шее. — Петька отпил из кружки, ром медленно и приятно укутал тело теплом и негой. — Грейс подрезала веревки. Она - умница! Сыграла свою роль отменно. Ребят Варсава отправил в трюм. Джок, взбодрись! Все идет как по маслу! Ксюша где?

Джок поджал губы. Петька заподозрил недоброе, поставил кружку на стол:

— Ушла с Эшби?

— Питер, мисс Ксения не слушала никого!!

— Вот упрямая!! — Петька стукнул кулаком по столу, — ей рожать скоро, а она по Мадагаскару путешествует!

Джок покачал головой:

— Решительная и бесстрашная женщина! И, мне кажется, она знает, что делает!

Петька исподлобья посмотрел на старпома, заходившие желваки его выдавали плохо скрываемый рвущийся наружу гнев. Джок не смел прерывать тяжелое молчание своего капитана. Кингли еще пару раз приложился к кружке с ромом. «Ладно. Разберемся. Рядом с ней Алексей Михайлович. Он присмотрит».

— Мистер Дугэл, просигнальте на «Гордость королевы» и на «Дельфин». Нам необходимо встретиться с капитанами.

— Сделаем, Питер! — козырнул Джок, — приказать принести тебе поесть?

— Да, мистер Дугэл, а то живот к хребту подводит. — Кингли стал раскуривать трубку. Джок приоткрыл дверь и крикнул юнгу, дав ему распоряжение сбегать на камбуз и принести капитану ужин. — Как настроение у экипажей?

В кают-компанию зашел кок с подносом нехитрой снеди: хлебом, сыром и холодной говядиной. Джок посмотрел на него, давая понять, чтобы тот убрался быстрее.

— Ты же знаешь Осборна! — улыбнулся Джок. — Этот англичанин никогда не задает лишних вопросов. Считает, что если что-то происходит, то так тому и быть. Спокоен как викарий[45] на похоронах. Диксон тоже ему под стать.

Петька усмехнулся. Он взял со стола кусок хлеба, покрыв его ломтем сыра, и прошел к кормовому окну, к турецкому топчану с большим количеством подушек. Капитан Кингли в изнеможении рухнул на мягкое ложе Мехмед-бея, бывшего хозяина шхуны.

— Я отдохну немного, Джок, — проговорил Петька, дожевывая свой ужин и прикрыв отяжелевшие веки, — мне нужно полчаса, не больше.

Старпом понимающе кивнул и вышел из кают-компании. Разговор с капитаном Кингли его успокоил. В невозмутимости Питера чувствовалась неоспоримая

уверенность в успешном исходе дела. Когда Джок поднялся на палубу, чтоб исполнить приказ, он еще раз окинул взором расстояние, которое преодолел его капитан. Корабля Варсавы даже при свете дня не было видно, а теперь и подавно. Джок - бывалый моряк, видавший виды - сам не робкого десятка! Ни разу, за время службы плечом к плечу с Питером, он не пожалел, что тогда в Глазго они ударили по рукам. И все же! Сумасшедший русский!

Глава 37

Мехмед на борту фрегата Варсавы и не мог рассчитывать на хорошие условия. Его держали в трюме, в клетке. Тусклый свет фонаря еле дотрагивался до противоположного борта, где в такой же клетке сидели шесть человек из команды «Агнца». Пираты лежали вповалку на вонючей соломе, покрывающей палубные доски трюма и мычали громко какой-то кельтский мотив. Вероятно, эта песня когда-то лилась в другом темпе, но теперь в невеселом исполнении шестерых пленных моряков, она звучала немного заунывно, чем раздражала несказанно турецкого пирата. Несколько раз Мехмед срывался и кричал в темноту: «Заткнитесь!» Пираты затихали на мгновение, а потом начинали мычать мотив с новой силой и большим надрывом. Но ни раздражающее пение корсар, ни скотское содержание его, ни грозящая ему смерть не волновали так Мехмеда, как события происшедшие за последние дни. Мысли Мехмед-бея бешено метались в голове: Варсава казнил Кингли, Грейс перешла на службу Варсаве!

«Что, что он задумал? Что творится вообще? Как мог Кингли позволить так легко расправиться с собой? Так! Пираты рассорились. Рыжебородый дрался на дуэли с Кингли, а потом увел «Изумруд» и его, Мехмеда, шхуну на запад. Грейс подняла бунт на «Агнце» и отдала Кингли на растерзание Варсаве. О, Аллах! Рыжебородый увел корабли на запад! Откуда пираты пронюхали о Поликсене? Об этом никто не знал. А остальные: шлюп и бриг? Где они? А этот старик? Уж больно он был учтив, чересчур учтив. Моя печать!!! Грейс получила сведения, что сокровища спрятаны на Мадагаскаре. Варсава перехитрил меня на Крите. Все сводится к тому, что Кингли был в сговоре с греком».

Мехмед метался по клетке как дикий зверь. Во всей этой истории не было ни капли здравого смысла. И Кингли мертв. Не мог же он спастись со связанными руками и ядром на шее? А если смог? А если это игра? А если…? Страшный грохот и удар со стороны мучителей его слуха потрясли фрегат и Мехмед упал, сильно ударившись головой о решетку. И взрыв, и удар повторились еще раз, не дав Мехмеду прийти в себя. Когда он очнулся, то увидел зияющую дыру в борту

как раз там, где сидели моряки с «Агнца». Клетка пиратов была раскурочена и Мехмед узрел, как флибустьеры высыпали из заточения. Они действовали на зависть слаженно и четко. Разрубив топорами, закинутыми им в брешь товарищами со шлюпа, замок на двери, ведшую в другой отсек трюма, шесть молодцов бесшумно проникли внутрь. Вскоре они появились, и Мехмед испытал ни с чем не сравнимое чувство досады и гнева. Пираты несли сундук, который нельзя было спутать ни с каким другим!

«Живей, живей! Греки очухались! Дик заноси конец налево! Сейчас рванет!»»

Мехмед вскочил, и вцепившись в прутья своей клетки, стал ее трясти, будто надеясь разрушить. В его глазах отразились языки пламени. Брандер[46]! Ужас оттого, что он может сгореть заживо, обуял турка. Уже все пираты покинули борт «Артемиды», только молодой Алан Грант задержался. Под мышкой у него виднелась голова сыра, а в руке абордажный топор[47]. Он напоследок подскочил к клетке Мехмеда и с силой рубанул по замку на решетке, и мгновенно исчез, проникнув в брешь в борту фрегата, освещенную всполохами начинающегося пожара. Мехмед рванулся наверх.

На борту «Артемиды» царила неразбериха. Была глубокая ночь, когда из тьмы в крутом бакштаге возник бермудский шлюп, и шел он с огромной скоростью. Его было не узнать. Шлюп отдаленно напоминал древнегреческую трирему с металлическим тараном, «украшающим» форштевень шлюпа. Но и это было не все! Когда шлюп на полном ходу врезался тараном в борт фрегата Варсавы, с «Агнца» последовал залп, и толстая обшивка корабля не выдержала. Когда пираты с сундуком покинули трюм, шлюп, накрепко сцепившийся с фрегатом, подожгли.

Моряки фрегата спешно пытались отцепиться от горящего шлюпа, еще немного и огонь перекинется на борт. Варсава был в бешенстве. Ведь чувствовало его сердце, что с этой Грейс что-то не так. Страшная баба! Избавилась от одного любовника и утопила второго и … Дьявол!!! Адское пламя озарило уходящий бриг! Но он не один! Там шхуна! У штурвала же… Не может быть! Варсава слышал, что этот человек умеет вести судно против ветра!

Варсава увидел Мехмеда, он подскочил к турку и схватил его за парчовую грудь:

— Подлая змея! Ты был с ними заодно! — старый пират тряс Мехмеда как куклу.

— Нет, Варсава, нет! — кричал Мехмед. — Кингли перехитрил меня! Там на Мадагаскаре твоя дочь Поликсена. Он отправил туда Рыжебородого.

— Поликсена?? Поликсена?? — Варсава продолжал трясти Мехмеда. — Почему она на Мадагаскаре?

— Варсава! Мне заплатили, чтобы я выкрал ее!

— Кто?? — орал грек.

— Байло Корфу!

Матросам удалось в страшной суматохе, поставив кое-как паруса и «взяв» ветер, отцепить фрегат от горящего шлюпа, но борт судна Варсавы уже занялся огнем. Моряки спешно тушили пожар: крики, стоны раненых, ругань, удушающий запах гари и дыма, треск горящего корабля – ад!

Новый удар потряс фрегат. Из темноты вынырнула «Гордость королевы», ее залп правого борта по бизани «Артемиды» решил исход битвы. Мачта жалобно застонала и стала крениться на бок.

***

К костру подошли двое мужчин. Охранники вскочили. Здесь среди колючих лесов на Мадагаскаре, ночью! Откуда эти люди?! К оторопелым воинам Мехмеда уверенно подошел старик, его улыбающийся взгляд подействовал на турок успокаивающе, он заговорил:

— Да продлит Аллах ваши дни, храбрые воины!

— Продлит Аллах и твои дни, путник! — произнес в ответ высокий воин, по виду чорбаджи[48]. — Откуда путь держите?

— Мы с важным делом, — Старик протянул руку к своему молодому соратнику, тот вложил ему в ладонь что-то. — От Мехмед-бея! Он в большой беде и послал нас выполнить поручение. Его взял в плен Варсава и ему грозит смерть. Грек готов пойти на уступки только при условии, если ему вернут его дочь!

Охранники недоуменно переглянулись. Они получили указания лично от своего господина беречь пленницу, как зеницу ока. Старик медленно протянул на мозолистой длани большой золотой перстень. Воины сразу узнали его, это печать Мехмед-бея, с которой он не расставался ни при каких условиях.

— У Мехмед-бея не было времени и возможности написать приказ. Он передал свою печать в надежде, что вы поймете. — Старик был очень убедителен.

Рядом заухала какая-то птица. Чорбаджи вздрогнул. «Откуда здесь…» Все трое охранников рухнули тут же у костра, оглушенные рукоятями пистолетов.

Пока Алексей Михайлович «заговаривал зубы» охранникам и полностью завладел их вниманием, пираты проникли в лагерь и связали семерых спящих турок, Ксения Егоровна пробралась в хижину.

В углу убогого жилища, сбившись как загнанный зверек в клубок сидела девушка, укутанная в полотняное покрывало. Когда Ксения проскользнула сквозь щель приоткрытой двери, пленница вздрогнула и выдохнула испуганным шепотом по-гречески:

— Ποιος είσαι??[49]

Ксения осторожно подошла к девушке и присела перед ней на колени. Пленница заметила живот своей незваной гостьи и казалось немного успокоилась. Ксения прошептала:

— Не бойся! Мы пришли освободить тебя! Мне трудно объяснить, кто мы, но уверяю, что зла не причиним.

— δεν σε ξέρω![50] — истерично взвизгнула девушка.

Ксения рискнула прикоснуться к руке несчастной. Та отдернула ее в страхе. Вдруг в хижину влетел Дмитрий Павлович, глаза девушки расширились от ужаса.

— Ксения Егоровна, ну, как тут у вас? — начав бодро, последние слова Дмитрий произнес растерянно, заглядевшись на пленницу.

Большие карие глаза ее, обрамленные длинными ресницами, взирали на нового пришельца и со страхом, и с интересом одновременно. Дмитрий Павлович, сняв от жары тюрбан, стоял опешило и не мог поверить своим глазам: Луша, Лукерья, живая!

Его привел в чувство голос Ксении Егоровны:

— Дмитрий Павлович, да что вы застыли то?! Как там солдаты?

— А! Солдаты? В порядке! — проронил барин. Он очнулся и тряхнул головой, чтобы отогнать наваждение. — Ксения Егоровна, идти пора!

Ксения вновь протянула руку Поликсене. Девушка помедлила немного, но потом робко, но доверительно, как-то по-детски, взяла спасительницу за руку и поднялась.

В путь решили двинуться немедля. Сейчас время работало против отчаянных голов и надо было скорее возвращаться на борт «Изумруда». Пираты прихватили лепешки и жареное мясо, на ходу с жадностью поглощая трофейный ужин.

Глава 38

Пираты торопились, пока Варсава не опомнился, пока он не воспламенился местью за свой любимый сожженный фрегат, надо было сниматься с якоря. Все цели были достигнуты: Варсава и Мехмед одурачены, в трюме «Изумруда» стоял сундук с сокровищами Агамемнона, на борт «Агнца» Дмитрий Павлович привел Поликсену, (как думали, девушка послужит отличным козырем против Варсавы, но этого не понадобилось. Очаровательное создание не горело желанием возвращаться к деспотичному отцу, а ее взаимная симпатия к молодому коку стала доказательством, что человеческие планы это одно, а у Господа всегда найдутся контраргументы на все земные доводы).

«Гордость королевы», «Изумруд» и маленькая, захваченная когда-то у Мехмеда шхуна, несущая теперь незатейливое имя «Лаки», караваном, взяли курс на северо-восток к любезному сердцу острову Черигото. Решили: Индия Индией, но от добра добра не ищут. Содержимое сундука Мехмеда, как на глаз определил, потерявший свой шлюп, Диксон, тянуло на миллион фунтов стерлингов, обещающий безбедную жизнь каждому из матросов и командиров четырех пиратских кораблей.

«Агнец» вернулся под командование капитана Кингли, который как матерый волк в стае должен стать арьергардом своей флотилии. Матросы забегали вокруг шпиля, Петро отдал команду рулевому. Северо-западный ветер заходил с нарастающей силой, что было на руку пиратам. В крутом бейдевинде можно было быстро обогнуть южные рубежи африканского континента. Петька приходил в восторг от самой игры со стихией.

Он злился на Ксению и когда путешественники по Мадагаскару вернулись с трофеем, Петька грозно взглянул на строптивицу, не одарив ее обычным поцелуем в щеку.

Ксения попыталась как-то оправдать себя, на что капитан Кингли рявкнул:

— Экая ты упрямая, Ксения Егоровна! Ступай в светлиц.., тьфу, в каюту и смотри мне, чтоб носа не казала на квартердеке! — он посмотрел ей сердито вслед, когда женщина, поджав губы, отправилась в рубку.

— Капитан, руль заклинило! — рулевой, огнеголовый ирландец Оуэн, грязно выругался по-русски.

— А главное вовремя, — вполголоса проговорил Кингли, разглядывая в подзорную трубу тревожащий активным движением парусов горизонт. — Алан, Шемос, установите причину!

Петька поднялся на палубу юта, вслед за ним взобрался в приподнятом настроении Дмитрий Павлович, с чашкой кофе для капитана. Суета на борту его насторожила, растерянно подавая напиток Петьке, спросил:

— Что случилось, Петр Алексеевич?

Петька принял кофе из рук кока, выпил его залпом и посмотрев на своего бывшего барина, ухмыльнулся:

— А у нас, Митя, судьба да дыба[51] рифмуются отменно!

Капитан Кингли перегнулся через гакаборт, Алан вынырнул и теперь махал рукой:

— Оси «полетели», капитан, — выдохнул молодой моряк, — придется повозиться.

Капитан выронил слово, значение которого понял только кок.

— Ну, что Дмитрий Павлович! — грустно улыбнулся капитан Кингли, видя, как горящие местью турки приближаются неумолимо к его потерявшему свою завидную маневренность и подвижность кораблю. — Повоюем?

— Повоюем, Петр Алексеевич! Двум смертям не бывать, а там видно будет!

— Повоюем, сынки! — эхом отозвался на квартердеке Алексей Михайлович.

— Мистер Дугэл, приготовиться к бою! Открыть порты!

Артиллерия «Агнца» ненадолго оттянула тройной абордаж с бригов Варсавы, разозлив старого пирата до невозможности, но, когда его матросы лавиной хлынули на палубу «Агнца», их встретила мощная контратака отчаянных потомков суровых кельтов и несгибаемых русов, спина к спине принявших неравный бой с полчищем осатаневших от потери сокровищ, слившихся в странном сотрудничестве греков и турков. Казалось, поток нападавших нескончаем! Будто какая-то дьявольская мать рожала без остановки озверевших, без страха шедших в бой солдат.

— Петр Алексеевич, выдюжим ли! — крикнул Дмитрий Павлович, отбиваясь от двух турков одновременно.

— Да, Митька, — орал Петр, натыкая противника на шпагу с такой силой, что конец клинка вышел на шесть дюймов со спины несчастного. — Должны сдюжить! Нас просто так с хреном не сожрешь!

Полчище врагов захлестнуло нещадно. На палубных досках, залитых кровью, невозможно было удержаться. На смену одному убитому являлись двое живых. Команда «Агнца» не сдавалась, но силы иссякали. Петька видел, как, отбивающийся от четырех турков, рухнул, с рассеченным черепом верный Джок Дугэл. Дмитрий Павлович вдруг схватился за руку, сквозь пальцы брызнула кровь. Петька не дал добить барина, откинув замахнувшегося турка назад.

— Держись, Митя, — подставив плечо товарищу, крикнул Петро, — давай в трюм, к Ангусу!

— Саблю, Петро, саблю, — требовал Митюнушка, — не брошу я тебя! Эх, Петр Алексеевич! Вот эта сеча, так сеча! Жаль только я и девки-то не разу не щупал!

— Пощупаешь еще, Дмитрий Павлович! Вот черти, прут-то!

Слившись воедино, как суровый дух битвы, бывший холоп и его барин отбивали атаку за атакой. Вдруг разрывающая боль полоснула Петра по ребрам слева. Выстрелом из ружья распороло бок. Рубаха поползла кровавым пятном.

— Петро, смотри! — крикнул Дмитрий, — Мехмед!

Мехмед, скользя по залитой кровью палубе «Агнца», искал глазами Петра. Рыча, как дикий зверь, он метнулся к своему обидчику.

— Кингли! Этот мир тесен для нас двоих!

Мехмед делал короткие энергичные выпады. Петька, придерживая локтем рану на боку, ушел в оборону. Он терял много крови, и силы покидали его. Пытавшегося помочь ему Дмитрия, он оттолкнул.

Пираты дрогнули. Турки и греки стали оттеснять их к корме. Дмитрий пытался поднять команду на новую атаку, но тщетно! Пираты отступали.

Вдруг дикий, холодящий кровь рык разъяренной волчицы пронизал воздух вокруг. И последовал выстрел. Мехмед застонал и повалился на бок, корчась от боли.

Участники битвы вдруг замерли, как по команде. На шканцах стояла женщина, ее растрепанные волосы развевались на ветру, лицо и одежда были залиты кровью, раскосые глаза метали искры! На сгибе левой руки ее виднелся какой-то сверток, в правой исходил пороховым дымом пистолет.

— Вы что это удумали, черти полосатые? — кричала женщина команде «Агнца», - Сдаваться?? А ну, в атаку пошли живо, и чтоб духу здесь басурманского не было! Думаете рожать легко?!! Собрались! А то я подумаю, что вы струсили!

По рядам турков прокатился шепот суеверного ужаса:

— Чериготтская ведьма!

Нападавшие поддались назад.

Фурия не растерялась:

— Прокляну!

Команда «Агнца», посрамленная и воспрявшая одновременно, с новой силой ринулась в атаку. Дрогнувших турков и греков швыряли за борт, рубили, сминали и теснили к бортам.

Петр, держась из последних сил, помог подняться раненному Дмитрию. Из рубки вышла Поликсена и рванулась к юноше. Она говорила, говорила что-то по-гречески и брала в ладони лицо Митюнушки. Ее взгляд горел тревогой: «Димитриос, Димитриос!»

Петька хмыкнул:

— Охмурил девку-то, Мить!

На палубе перед Петром стонал Мехмед:

— Кингли – дьявол и жена твоя ведьма!

Ксения с презрением плюнула на Мехмеда.

— Вот ведьма тебя и усмирила!

Потеряв всякий интерес и к битве, так неожиданно повернувшую к победе, не замечая приближающихся запоздало «Изумруда» и «Гордости королевы», Ксения подставила свои сильные и хрупкие плечи тяжело раненному мужу. Петька пугал своей бледностью, его мутило от большой потери крови. Он кивнул на сверток в руке жены, стараясь говорить, как можно бодрей:

— Ксюш, лапушка, опросталась никак?

— Да, — она открыла красное сморщенное личико мирно спящего младенца и черты лица ее изменились, налились нежностью, — Егорушка, сыночек!

— Егор Петрович, — заулыбался Петька и поцеловал жену в висок.

— Пойдем, сокол мой, — проворковала Ксения, — перевязать тебя надо. Кровь-то как хлещет!

— А у тебя-то почему лицо в крови, лапушка? — опираясь на жену, растянул губы Петька.

— Услышала, что здесь у вас к сдаче дело пошло, так пуповину зубами перегрызла, некогда было нож чистый искать.

Они медленно подходили к рубке, вдруг корабль стал давать сильный крен.

— Капитан, пробоина ниже ватерлинии в левом борту!

Уже подошел «Изумруд». Эшби видел со стороны, что «Агнец» начал тонуть и отправил шлюпки к борту брига. «Гордость королевы» и «Лаки» кинулись за турками в погоню.

— Ксюшенька, иди, свет мой, — пробормотал Петька, из последних сил подталкивая жену с сыном к спасительному трапу.

«Агнец» дал сильный крен и на палубе уже было трудно держаться.

— Нет уж, сокол мой! — возразила отважная амазонка, — мы бриг вместе покинем, с тобой!

Спешно выносили из трюма раненых, оставшиеся моряки уже погрузились в шлюпки. Капитан Кингли, поддерживаемый женой и матросами, последним покидал свой бриг. Когда шлюпка подошла к борту «Изумруда» Ксения украдкой взглянула на Петра. По его щекам, покрытым пороховой сажей, проложили светлые дорожки две предательские слезы. «Агнец», скрипя рангоутом, будто говоря последнее «прости» своему капитану, медленно погружался на дно.

Алексей Михайлович, помогая подняться на борт сыну, проронил:

— Вот Господь и ответил тебе, Петро!

— Да понял я его, тять, понял!

Глава 39

Капитан Кингли впервые спал, после двухсуточной борьбы за его жизнь доктором Ангусом. Его не покинуло сознание, и он не стонал от боли. Просто спал. Ксения напоила мужа отваром крапивы и ромашки: Феклины запасы заканчивались и нашла же лапушка в чужой стороне, собрала, да и высушила. Любящая жена, подложив Петьке больше одеял, устроила его в гамаке удобней.

Рана от турецкой пули оказалась тяжелой, по ребрам будто сохой прошли. Петро потерял много крови, и доктор Ангус крайне опасался за жизнь моряка, правда, тщательно скрывая свою тревогу, чтобы не беспокоить молодую мать. Ксения, конечно, осознавала, что доктор стремится скрасить действительность. Она видела, как Петька проваливался надолго в забытье, как его лицо, утратив свою известную цыганскую смуглость, превращалось в безжизненную маску. Ксения неистово молилась Богородице, заливаясь слезами и целуя Петькины похолодевшие руки. Алексей Михайлович, сам тяжело раненный в ногу, но маскируя поврежденную конечность, нес вахту у двери кают-компании «Изумруда», куда был помещен сын. Ксения заподозрила что-то неладное, увидев капельки пота на высоком челе свекра, но Алексей Михайлович быстро перевел разговор на Петьку, сославшись на жару и духоту. Он никого не пускал и против обыкновения был груб со всеми, кто пытался проникнуть в кают-компанию и узнать о здоровье капитана Кингли. Друзьям приходилось довольствоваться надеждами и собственными домыслами, относительно состояния своего товарища.

По истечение двух дней и ночей, доктор Ангус, не спавший все это время: ведь с «Агнца» на «Изумруд» прибыло много раненых - мог с уверенностью сказать, что капитан Кингли справился и теперь его пациенту необходим покой и хорошее питание. Доктор удалился в свою каюту и рухнул в гамак, забывшись здоровым, заслуженным сном.

Ксения вознесла благодарственную молитву Божьей Матери. Капитан Кингли держал лапушку за руку, ощущая ее тепло, будто подпитывая себя силой любви своей отважной амазонки. Его веки тяжелели. Он сжал в ладони бесценную ручку Ксении и провалился в крепкий, несущий теперь выздоровление, сон.

***

Ксения сидела у гамака спящего мужа и кормила грудью сына. Младенец, обхватив сосок розовым пухлым ртом и, поглядывая на мать круглыми

глазенками, жадно поглощал молоко. Лицо Ксении сияло нежностью, уста шептали милые ласковые слова. Время от времени на глазах ее наворачивались слезы, она тянулась губами к маленькому лобику и целовала его.

Петр проснулся и от картины такой заулыбался. «Сейчас мадонна светлая, а то чистая дьяволица была!» Ксения почувствовала взгляд мужа. Она протянула к нему руку.

— Проснулся, Петруша? Я сейчас Егорушку покормлю. А тятя колыбельку внуку смастерил.

— Ксюш…— Петр помедлил. — А может в Санкт-Петербург вернемся?

Ксения в удивлении подняла на него глаза. В ее взгляде читался лукавый вопрос.

— Знаю, знаю, лапушка, — согласился Петр, — вот поменял свое решение. Теперь сын у нас! Егору Ивановичу внука покажем. Домик купим под Петербургом, я во флот служить пойду, ты ждать меня будешь, пироги печь.

Сынок насытился и уснул. Ксения осторожно поднялась и, положив ребенка в колыбельку около гамака мужа, снова присела на табурет рядом.

— Петруша, свет мой, — проговорила Ксения, улыбаясь, — а ведь мне такая жизнь уже по нраву.

— Вижу я, — подтвердил Петр, — совсем ты здесь у меня одичала. Да ведь неправильно это! Не должна бабочка саблей размахивать, да корабли грабить. Распугала ты намедни турок, даже мне не по себе стало.

Ксения нагнулась над Петькой, в вырезе рубахи виднелась ее полная молочная грудь, прикоснулась устами к его бледным губам и нежно произнесла:

— Да ты у меня деспот, Петруша, кику на меня надеть хочешь! Ведь знал же, что горячая я, непослушная, — Ксения продолжала целовать мужа.

— Знал, — протянул разомлевший Петька, — за то и полюбил. Так ты скоро и кораблем начнешь командовать, а я у тебя в зятьях ходить буду.

— Никак боишься, сокол мой, — ее поцелуи становились все слаще.

Петька раскис от ласк жены, но рана совсем не способствовала продолжению нежностей.

— Свет мой, — пробормотал он, — не деспот я! Просто негоже, ежели малец на корабле расти будет. Ему нежная да ласковая мать нужна! А ты ж сейчас как солдат в юбке!

— Никак не люба стала тебе я, Петруша, — с легким укором произнесла Ксения.

Петр нежно обнял жену и прошептал:

— Дурашка ты моя! Люблю я тебя! Нет мне жизни без тебя! — Петр стал целовать губы Ксении, его уста легко прикасались к ее щекам, скользили по изгибу атласной шеи, — лапушка моя, любушка!

— Сокол мой, неужто все обиды забыл?

— Забыл, Ксюша! Я через тебя на мир другими глазами стал смотреть.

Ксения прижалась к мужу и улыбнулась.

— Конечно, Петруша, вернемся в Санкт-Петербург. Я тебя дразнила. Я по батюшке соскучилась и по Фекле. Поживем немного на Аптекарской, пока дом не купим?

Петр поднял лицо Ксении и опять стал целовать.

— Да, свет мой! Знаешь…, хочу миловаться с тобой в чуланчике на перинах и чтоб Фекла не заглядывала, да и поручик из Тайной канцелярии.

Ксения выпрямилась и посмотрела на Петра с наигранным возмущением:

— Ах, бесстыдник! Значит, когда мы с тобой атлас смотрели, ты о срамном думал?

Оба засмеялись. Правда, Петьке это далось с трудом, схватившись за бок, он застонал. Потом он опять прижал к себе любимую:

— Думал, Ксюша, думал! Прости меня, окаянного! Я, тогда как во сне был и в отчаяние! Думал, никогда моей не будешь, так хоть представлю себе, как трепещешь ты в моих объятиях. — Супруги дарили друг другу нежные поцелуи. Счастливые! В колыбельке сопел плод их любви, за кормовыми окнами всходило солнце, а они растворились друг в друге.

***

Алексей Михайлович время от времени, пока Петькина жизнь висела на волоске, со страхом заглядывал в кают-компанию. Молился. Когда же миновала

опасность, он сам подошел к отдохнувшему доктору Ангусу и показал свою ногу. Шотландец чертыхнулся. Он насильно увел старого солдата в лазарет, Алексей Михайлович умолял доктора ничего не говорить его детям: сын еще слаб, а сноха кормящая мать. Доктор мрачно посмотрел на Алексея Михайловича, но молча согласился. И вот теперь, Оливер, Грейс и Дмитрий Павлович, когда строгий страж покинул свою вахту, стояли у двери в полной решимости, наконец, проведать своего отважного товарища.

Капитан Эшби винил себя, что «лег» на курс, не убедившись, что корабль друга готов к отплытию. История с эффектным появлением Ксении уже облетела все пиратские корабли, обрастая веселыми шутками, но Оливер не смеялся. Он понимал, что, суеверный ужас, который внушила врагам восхитительная амазонка, спас Питера Кингли. А потери на «Агнце» были чудовищными: половина экипажа погибла в неравном бою, большая часть получила ранения, сам бриг ушел ко дну.

«Лаки» и «Гордость королевы» подчистую разгромили деморализованную команду Варсавы. Сам Варсава теперь томился в трюме вместе с раненным и злобствующим Мехмедом. Варсава же был спокоен. Он даже пребывал в восхищении от великолепно сыгранного пиратами спектакля, восторгался мужеством и тонкой игрой своего врага. На Мехмеда он смотрел с презрением! Варсава был готов простить ему похищение своей дочери, попади она в гарем к его бывшему соратнику. Но нет! Мехмед, как подлый Иуда продал Поликсену, чтобы дать байло в руки мощное оружие против ее отца, чтобы обмануть султана и самому владеть сокровищами Мекен. Варсава знал, что Поликсена, подозревая причастность отца к ее похищению не желает его видеть. Старый грек впервые в жизни почувствовал уколы совести, его неудача сейчас подсказала: царя Мидаса больше не существует, есть старый несчастный отец, потерявший все!

Оливер еще больше впал в самобичевание, когда увидел своего друга. Питер, бледный, с запавшими глазами в ореоле темных кругов, и ясно: до полного выздоровления пройдет немало времени.

— Питер, прости меня! — винился Оливер, — я отвратительный друг!

Петька улыбнулся и протянул несчастному руку.

— Ты еще себя хлыстом отпарь, Олли! У нас говорят: чему быть, того не миновать! Какие новости?

— Идем к Корфу, Питер!

Петька откинулся на подушку, закрыв глаза.

— Вот и славно! — промолвил он, — Мехмеда байло отдадим, пусть сам разбирается, коль за нашей спиной с ним в сговор вступил. За нарушение договора бы с турка спросить. Да, что взять-то с убогого! И с байло бы потолковать.

— Ты, Петр Алексеевич, — вступил Дмитрий Павлович, — не тревожься! У меня все договоры с байло прописаны, все проценты и сроки, все занесено в книгу. Мы свои обязательства исполнили, как договорено.

— Знал я кому доверить нашу канцелярию! — проронил Кингли. — Что Варсава?

Оливер с опаской посмотрел на Ксению.

— К тебе на разговор просится.

— Вот как! — Петька, оживившись, открыл глаза. — Коль просится, так надо уважить.

— Петруша, — не выдержала Ксения, — ты слаб еще! Доктор Ангус сказал, что тебе покой нужен, а разговор с этим аспидом вряд ли приятным получится.

— Вот что, друг мой сердечный, — Петька строго посмотрел на жену, — с Егорушкой на воздухе погуляй, нечего здесь в духоте мальцу томиться. — Ксения закусила губу, но перечить мужу не стала.

Грейс пришла на помощь подруге, она подошла к колыбельке. Пиратка с мольбой посмотрела на Ксению. Ксения поняла ее без слов и, взяв сына из кроватки, протянула его своей подруге.

— Боже! — пробормотала Грейс, — Какой ангел! И как он пахнет! — грозная пиратка приблизила теплый лобик младенца к своим устам и осторожно поцеловала. Малыш смешно поморщился. Женщины, нежно щебеча с младенцем, вышли из кают-компании, предоставив мужчинам решать вопросы без их участия.

Глава 40

— Прости, что не встаю, Варсава, — вместо приветствия произнес Петр, когда вошел старый пират, — ты садись, разговор, чай, не на пять минут.

Варсава, воспользовался приглашением и опустился на приготовленный для него стул напротив Петькиного гамака.

— Ты, я смотрю, бессмертный, Кингли, — констатировал грек, — удивил ты меня, да и, что греха таить, обвел вокруг пальца.

— Так, где силой не возьмёшь, там хитрость на подмогу, Варсава. — промолвил Петр. Молодой моряк говорил, от слабости часто переводя дыхание. — Пришлось, конечно, туману напустить. У нас как-то в деревне волки овец таскать повадились, так на них облаву сотворили. Шуму, гаму! Лес взбаламутили! Серый — зверь умный и то, побежал куда следовало. Больше гвалту непонятного, добавить сальной новости, на виду у всех драку затеять – и понесется хищник туда, куда охотнику надо. Говоря, по совести, воевать мне с тобой не хотелось: кровь лить - да вот, как видишь, не обошлось.

— Разыграл ты меня изрядно, Кингли. — Оперев руки в колени, Варсава оглядел кают-компанию, его взгляд упал на колыбельку. — Говорят, у тебя сын родился?

Петька разглядывал Варсаву из-под полуопущенных век:

— Да, Варсава! Так ты чего видеть-то меня хотел?

— Ты смелый человек, Кингли. — проскрипела старая виолончель, — говоришь со мной один на один, а сам ты слаб, я не связан. У меня ведь может быть оружие.

— Тут же, Варсава, как, ежели мне суждено сгинуть, так я и без твоей помощи смерть свою найду. Ты мог меня утопить тогда, сейчас можешь горло перерезать, да ведь не за этим ты со мной беседы пришел вести.

Варсава хмыкнул, дернув головой:

— Да, точно не за этим! Для меня удивительно, что ты вообще согласился. По всему, давно бы мне висеть на рее.

— Я не злодей, Варсава! — проронил устало Петька. — Могу в любую минуту перед Богом предстать, так зачем же перед смертью лишний грех на душу брать, прежние еще не отмолил.

Старый пират встал, прошел к кормовому окну и вперил свой взгляд в горизонт:

— Кингли, я знаю, у тебя на борту моя дочь Поликсена.

— Да, — согласился Петька. — Признаться, хотел по-скверному действовать, поменять дочку твою на сундук, но повернулось все иначе. Кок мой симпатию имеет к дочери твоей. А мы с ним не чужие друг другу.

— Кок? — Варсава в презрении вывернул губы.

— А ты нос-то не спеши воротить, — Петька ухмыльнулся, — Дмитрий Павлович старинного дворянского рода. Именье большое под Смоленском, пара деревень душ на двести. Молод, хорош собой.

— Да ты никак сватаешь его? — подхватил старый пират.

— А почему бы и нет, Варсава! — Петька пристально посмотрел на грека. — Тебе спокойней будет, кабы будешь знать, что чадо твое пристроено прилично, а не в басурманском гареме мается.

Последовала напряженная пауза, заставившая собеседников воззриться друг на друга как перед последней схваткой. Варсава понимал: Кингли не собирается казнить его. Но грек и не торопился обращаться к молодому пирату со своей просьбой.

В дверь вежливо постучали и Петро обратился к Варсаве:

— Глянь, Варсава, кому там неймется, просил же не беспокоить.

Немало удивленный такой доверительной просьбой, старый пират подошел к двери и приоткрыл ее. В проеме мелькнула физиономия Мэта. Он стоял с подносом, на котором красовалась большая глиняная кружка, исходящая аппетитным ароматом куриного бульона.

— Ты уж прости, Петр Алексеевич, за помеху, — Дмитрий Павлович протиснулся между Варсавой и полотном решетчатой двери, — тебе силы восстанавливать надо. Война войной, а …

— А ты весьма кстати, Димитриос, — ухмыльнулся капитан Кингли, — давай свой бульон и сходи-ка ты за агапитос[52] своей.

Варсава резко развернулся и в изумлении посмотрел на своего собеседника.

Дмитрий Павлович осторожно поднес Петру кружку и мгновенно исчез за дверью. Петька с наслаждением отхлебнул бульона.

— Вот что, Варсава, — произнес молодой пират, — не собираюсь я здесь судилище учинять. Свободен ты, грехи, уж сам думай, как отмаливать будешь! Мы идем на Черигото после Корфу. Димитриос остается на Черигото. И тебе решать, как быть.

— А ты, верно, себя безгрешным мнишь, Кингли, — парировал Варсава.

— Не собачься, я уж за себя отвечу.

В кают-компанию робко зашла маленькая девушка. В карих глазах затаился страх, но, когда она заметила отца, ее лицо вспыхнуло. Страх испарился, она подошла к старому пирату и стала что-то говорить по-гречески. Варсава понурился, как школяр. Поликсена хлестала отца словами обиды и гнева, и вот несколько раз ударила его по груди своими маленькими кулачками, потом закрыла лицо руками и заплакала. Варсава несмело притянул дочь к себе, она упиралась.

Петька не смотрел на эту сцену, невольным свидетелем которой он стал. Но, увы, он не мог покинуть своего ложа.

— Кингли! — Петька повернул голову на зов старого пирата. — Я иду на Черигото.

Варсава подошел к гамаку Петра:

— Благодарю тебя!

Глава 41

Как отъехали от Ревеля, так дорога пошла заснеженной да холодной. Солнце, поднимающееся над горизонтом, светило ярко, да толку-то! Мороз перехитрил светило, снег под полозьями возка[53] заскрипел, застонал, прихваченный декабрьской стужей. Вдоль дороги потянулся белый притихший лес, поблескивая серебряным мехом инея. В ветвях чернели вороньи гнезда, навевая невольную тоску.

В возке шести пассажирам было тепло и просторно. Все дремали. Давеча на станции, пока лошадей ждали, ночлег случился неважный. Народ сновал бесконечно, хлопала дверь, какой-то недовольный путник ругался с хозяином трактира. Ксения за всю ночь не прилегла, меря шагами маленькую комнату с Егорушкой на руках: у шестимесячного карапуза резались зубки, он не плакал, но и не спал, кряхтел. Как матери уснуть!

Петька по дороге один в возке не сомкнул глаз. Между ним и Ксенией стояла корзинка, с теперь уже мирно спящим младенцем и Петр, подсунув палец в сдобную ладошку сына, заулыбался, когда карапуз во сне инстинктивно крепко ухватил отцовский перст. «Силен, постреленок! Мать совсем измучил, сна моей лапушке не даёшь! А щеки-то наел!» Петро смотрел на сына и умилялся: как длинные ресницы малыша лежали на зефирных пухлых щеках, как он смешно причмокивал во сне и как он вырос.

Петр отвел взгляд от сына и воззрился в окно. Тревога не оставляла его с тех пор, как они покинули Черигото, любезный сердцу маленький остров, разделяющий два моря. Как примет их Россия? Что ждет впереди? В памяти всплыл мрачный рассвет на Неве, когда он, почти три года назад, покидал дом на Аптекарской, как сердце его разрывалось от тоски и ощущения бездны.

Напротив Петра и Ксении, в мягких подушках, устроив уютно голову на плече Оливера, спала Грейс. Как изменилась грозная пиратка, и так к лицу ей была меховая опушка воротника песцовой шубки. Черты смягчились, налились нежностью! Во сне на ее устах играла улыбка, выдающая счастливого и охваченного заботой человека. Оливер, похоже, тоже дремал, но осторожно, чутко, чтобы не тревожить свою возлюбленную.

«Олли! Добрый друг! Спасибо тебе, что не оставил меня! Как же ты, сверкнув изумрудным взором, изрек: Питер, мы с тобой в Россию! Уж, выловил ты меня тогда, не избавишься!»

Рядом с Оливером, надвинув треуголку на глаза и выставив деревянный протез на культе по колено, крепко спал Алексей Михайлович. Почти белые волосы его создавали разительный контраст загорелому лицу, в мочке уцелевшего уха красовалась серебряная серьга: «Ох, тятя! Пират!»

За окном возка лес сменила долина. Сверкающий в лучах светила снег слепил, очаровывал, манил к себе идеальной гладью. Петька стукнул тихонько кучеру. Возок остановился. Петр осторожно высвободил свой палец из цепкой ручонки сына, надел лисий малахай и вышел из возка.

Вдохнув полной грудью студеного воздуха, моряк закрыл глаза. Хорошо-то как! Мороз щиплет щеки, забытое ощущение.

Петр сделал шаг с дороги и его ботфорты почти полностью утонули в глубоком плотном снегу. Раскинув руки, моряк упал спиной в мягкую холодную перину. Душой овладела неподдельная, безотчётная радость и он засмеялся. Петька посмотрел в сторону возка. Все-таки он всех разбудил. Оливер стоял у края дороги и с восторгом оглядывал мощный бескрайний простор. «Да! В Бристоле и снега толком не было. Вперемежку с дождем расквасится по мостовым и вся красота! А здесь! Великолепие!»

Вдруг Оливер охнул и схватился за щеку, которую будто обожгло. Он посмотрел в ту сторону, откуда прилетело белое ядрышко и увидел своего хохочущего друга. Вызов принят! Оливер спрыгнул в белый океан, на ходу скатывая снежок. Битва началась!

Женщины, стояли у возка со снисходительными улыбками, переглядывались.

— Детишки! — проронила Грейс. Она была еще и удивлена. Повернувшись к Ксении, пиратка спросила, — это точно Кингли?

Молодые люди перекидывались снежками, смеясь, но Грейс не зря была озадачена. Она впервые слышала смех Питера. Она видела не раз как он улыбался, как он мог хохотнуть, но теперь Грейс услышала его искренний мальчишеский смех.

— Боже, что они удумали? — вскрикнула Ксения, увидев, как Петька и Оливер несутся к ним с полными руками снежных боеприпасов. — Ах, вот как!

Женщины не остались в долгу. Началась снежная баталия и мороз был нипочем, и становилось жарко. Алексей Михайлович взирал на забаву молодежи улыбаясь и покачивая головой.

— Эй, барин! Ехать пора! — крикнул кучер Петьке.

Участники битвы пришли в себя. Отряхивая друг друга от снега и все еще смеясь, раскрасневшиеся, они подошли к возку.

— Питер, — переводя дыхание, произнес Оливер, — твоя Россия встречает хорошо!

Петька хмыкнул:

— Ты по весне здесь прокатись, Олли. Грязи намесишь, что в болоте! Россия - она бабенка непредсказуемая. Сегодня тебя по голове гладит, а завтра может и нагайкой по всем местам пройтись. Вон наш-то родовитый боярин и не захотел сюда возвращаться.

— Питер, — Оливер обнял друга за плечи, — у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик!

— Почти обрусел, старик, — кивнул Петька, поджав губы. — Думаю, ты уживешься в России!

Глава 42

Февральское, скупое, серое, прибывающее в унынии солнце, краем коснулось горизонта. Уже и зима истрепалась, но и весна в путь не собралась. Небо тяжелое, будто свинцом налитое; вороний концерт, как в мрачной сказке,

предвещающий гибель главного героя - кручиной ледяной сковали душу.

К дому с римскими колоннами подкатил возок. Емельян Захарович пополдничал, и, утирая губы салфеткой, встал из-за стола и подошел к окну:

— Кого это там принесло-то?

Мажордом, старый слуга Антипка в красной ливрее, вошел в столовую, поискал глазами барина:

— Господин Петр Алексеевич Царев и мусье Оливер Эшби!

Вслед за объявлением вошли двое высоких, отменно одетых молодых мужчин. Елизавета Захаровна, еще за столом, допивая кофе, выпучила глаза. Она сильно располнела и постарела, от былой пышной красоты ничего не осталось. Двойной подбородок залил шею и нижнюю часть лица, превратив его в рыхлую маску. Пальцы, унизанные перстнями, выглядели, как перетянутые бечёвкой немецкие колбаски, взгляд серых глаз пустой мутный. Живет будто во сне после того, как получила известие о гибели своего ненаглядного Митюнушки. Немного придя в себя, выпалила:

— Постылый! Как посмел? В каторги пойдешь!! Душегуб!

Петька, взглянул на Оливера с ухмылкой «Вот так вот, Олли!»

Емельян Захарович отошел от окна. Он злобно посмотрел на сестру и прошипел:

— Цыц, сестрица! — помещик оглядел своего бывшего холопа, оценив и его синего бархата жюстокор, сидящий безукоризненно на идеальной Петькиной фигуре, тонкой кожи ладные ботфорты и воздушные батистовые манжеты, обволакивающие запястья молодого человека. — А то сами в каторги пойдем! Ты, Петруша, не серчай на Елизавету Захаровну. Она сама не своя после смерти Дмитрия.

— Жив Дмитрий Павлович, — доставая из кармана конверт и увесистый кошелек, произнес Петро, — жив и пребывает в счастье и благоденствии. Вот письмо и деньги просил передать лично.

Елизавета Захаровна всплеснула руками. Она встала и тяжелой походкой подошла к Петьке, протягивая пухлые пальцы за письмом. Выхватив его из рук своего бывшего холопа, она тяжело опустилась в кресло:

— Дашка, очки неси!

Емельян Захарович, посмотрев на Петьку и Оливера, произнес:

— Не угодно ли пройти в гостиную, господа! Поговорим без помех.

Петька хмыкнул, как быстро Емельян-то перевернулся. «Господа!»

Дворня забегала, в камин подбросили дров. Хозяин дома предложил гостям присесть.

— Ты прости за прием худой, Петр Алексеевич, — начал он. — Сам видишь! Но ты с хорошей вестью пришел. Да где это теперь племяш-то?

Из столовой послышалось завывание Елизаветы Захаровны: «Неблагодарный! Оставил меня сиротой! Митюнушка, ирод!»

— На острове Черигото, — сухо ответил Петька, в памяти всплыли все неприятные воспоминания, нахлынули чувства постылые, давно им забытые, связанные с этим домом и людьми. — Со своим тестем храм Божий строят вдвоем. Женат, скоро отцом станет.

— На басурманке женат, что ли?

— Нет, Емельян Захарович, на христианке, гречанке Поликсене. Она в нем души не чает, да и он с нее пылинки сдувает. А тесть его, бывший морской разбойник, теперь грехи отмаливает!

— А ты то сам как же? Вижу, не бедствуешь! — улыбнулся Емельян Захарович.

— Питер теперь свободный человек, — вступил в разговор Оливер, видя, как его другу трудно общаться. — Его вольная подписана самой императрицей Элизабет! К тому же за помощь нашим христианским друзьям в Ионическом море и личную благодарность от Великого Магистра Мальтийского ордена, Питер жалован дворянством.

Петька с укором посмотрел на друга:

— Это то зачем, Эшби!

Оливер с вызовом посмотрел на Емельяна Захаровича.

— Отчего же, зачем, Питер? — отчеканил он. Оливер хорошо говорил по-русски с приятным мягким акцентом. — Чтобы не возникло охоты оскорблениями сыпать. А то и правда в каторги пойдут.

— Ладно, — произнес Петр, вставая, — визит пора завершать. Просьбу Дмитрия Павловича я выполнил. Теперь хочу выкупить конюха Степана Демьяновича.

Емельян Захарович потупился на мгновение, потом поднял глаза на Петьку:

— Так помер он, Петр Алексеевич! Следующим годом, после того как ты сбежал. Напился да в сугробе то и замерз.

У Петьки заиграли желваки. Сделав поклон, только головой, из вежливости, он направился к двери. Оливер последовал за ним.

Садясь в возок, Петька повернулся к другу:

— Вот и отдали долги, а все равно, как мордой в дерьмо ткнули. Приедем в Петербург, в баню пойдем, Олли. Отмыться надо!

— Воля твоя, Питер! Я уж попарю от души! Будь уверен!

Глава заключительная

Вьюга перед Рождеством разыгралась. Метет, метет вторые сутки. В трубах каминных завывает так, что порой собеседника не расслышишь. В уютном одноэтажном доме с колоннадой и большим полукруглым окном на фасаде в очагах горел огонь, и елка стояла, благоухая, а в кухне, распространяя соблазнительный запах, пеклись пироги. И суета! Приятная суета! Вот только Ксения Егоровна тревожилась. Уж все приехали. Кроме Егорушки. Как заезжал он после Эландского сражения[54] летом, так больше и не случилось ему навестить родителей. Жену его Зилушку и сыновей сегодня привезли супруги Эшби. А он задержался в Адмиралтействе.

В Петербурге нынче слякотно. А здесь зима разыгралась!

Петр Алексеевич сидел в гостиной у огня, недовольно потирая разболевшуюся ногу. Он расставил фигуры на шахматной доске, а его партнер по игре все никак не шел: «Да, где ж Ольку черти то носят!» Наконец, в дверях показался полный, бородатый Оливер Эшби. Похоже, что с праздничным туалетом случился конфуз. Камзол морщил и Оливер, сердито отдуваясь, пытался прикрыть его роскошным шелковым аби[55]. Парик он, видно было, надел на ходу. Оливер Эшби полюбил этот предмет туалета с тех пор, как голова его засияла предательской лысиной.

— Ох, и разжирел я, Питер, — буркнул Оливер, тяжело опускаясь в кресло напротив друга. — Грейс пришлось распускать по бокам, да и то…

— Сидишь сиднем там у себя в конторе в Петербурге, вот тебя и разнесло, — недовольно зыркнув на своего опоздавшего партнера, произнес Петр Алексеевич. — И пост не держишь!

— Можно подумать, ты держишь, — парировал Оливер, делая первый ход. — Порода у тебя другая, гончая.

Петр Алексеевич хмыкнул и сделал ответный ход.

— А ты, Олька, не завидуй! Мы все больше по экспедициям, солонину да сухари лопаем! Только дома меня Ксенюшка разносолами и балует. А тебя Грейс раскормила, что борова к Мясоеду[56]. В море тебе надо, в море! Погонять по реям да по выбленкам!

— В море!! — передразнил Петра Оливер, делая следующий ход, — ты же знаешь, у меня морская болезнь! Тошнит меня!

— Ну, вот! — расплылся в издевательской улыбке Петр Алексеевич, «съедая» конем слона противника, — повисел бы пару суток на леерах, глядишь брюшко б подтянулось. Морская болезнь у него, ты глянь! А когда перед Грейс гоголем ходил, бороду растил, про морскую свою болезнь враз забыл!

— Так-то ж, когда было то! Ладно, ладно! — вдруг примирительно проговорил Оливер. Он уже разыграл в голове выгодную комбинацию, и радовался тому, как красиво поставит другу мат.

На улице послышался долгожданный звук бубенцов. В гостиную ворвалась аккуратненькая пухленькая женщина лет шестидесяти в кружевном накрахмаленном чепце и нарядной шелковой робе. Ее раскосые глаза, обрамлённые гусиными лапками морщинок, светились радостью и поблескивали слезами.

— Петруша, Оливер! — воскликнула она. — Егорушка приехал!

— Что ж ты так кричишь, Ксения Егоровна! — покачал головой Петр Алексеевич. — Чай, не турки! Ну, вот, всю мою шахматную мысль развеяла! Ладно, Олли, потом доиграем!

Петр Алексеевич поднялся со своего места, подошел к жене и звучно чмокнул ее в щеку. Ксения Егоровна залилась краской. «Петр Алексеевич, все как молодой!»

— Ох, а покраснела-то лапушка, как девка! — старый моряк приобнял супругу за пышный стан ее и что-то пошептал на ушко. Ксения Егоровна смущенно хихикнула, прикрыв ладошкой рот, и хлопнула потом по груди мужа: «Охальник!»

В свои шестьдесят пять лет, Петр Алексеевич также строен. Волосы, изрядно посеребренные, он носил длинные, связанные сзади в хвост шелковой лентой. Взор его черных глаз по-прежнему ясен, но годы, проведенные им в долгих суровых экспедициях: на Северо-Ледовитом океане, на Аляске, да в сибирской тайге[57] - взяли свое, и его мужественное лицо покрывали жесткие складки и морщины, которые, однако, придавали ему вид бесстрашный и величественно-спокойный.

Из детской слышался восторженный визг и веселый смех. Дед Алексей Михайлович, сухой и крепкий старик, развлекал правнуков перед сном. Малыши: внуки Царевых и Эшби – души не чаяли в беловолосом веселом прадеде, балующих их безмерно.

Все вышли в парадную встречать Егора Петровича Царева. Героический капитан, обласканный самим Григорием Александровичем Потемкиным[58], Егор Петрович теперь служил под командованием Федора Федоровича Ушакова[59] и вскоре предстояло ему участвовать в славном Керченском сражении.

Старшему сыну Петра Алексеевича и Ксении Егоровны, родившемуся в огне последней битвы легендарного брига «Агнца», уже пошел сорок первый год. Черноволосый, с глазами цвета моря, как у деда Алексея, Егор был гордостью и отрадой любящих родителей. Он женат, его супруга рыжеволосая красавица Зила, старшая дочь Оливера и Грейс родила ему трех сыновей.

В парадной собралась вся фамилия Царевых-Эшби. Женщины шумно, с объятиями и поцелуями приветствовали долгожданного гостя. Мужчины жали крепкую руку Егора Петровича и хлопали его душевно по сильной спине. Встреча бурная и радостная, все в предвкушении праздника Рождества.

Во главе стола сидел Петр Алексеевич, справа от него супруга его Ксения Егоровна. Взор хозяина дома теплел от созерцания своей многочисленной семьи. Егор с женой Зилой, взявшись за руки не могли наглядеться друг на друга. Машенька, вдова инженера Шубина уже три года. Перебралась с детьми к родителям: отец и мать слышать не хотели, чтобы дочка жила вдали без опоры. Далее расположился Алексей, ученый, любимец покойного деда Егора Ивановича Давыдова, живет бобылем в Москве и кроме своей науки ничего не желает знать. С братом рядом устроился Николай, недавно вернувшийся из

экспедиции по Сибири. Ксения Егоровна робко спрашивала его, не хочет ли он жениться, на что Николаша отшучивался, говоря, что редкая женщина будет терпеть его частые отлучки. Сидящая с ним очаровательная зеленоглазая мисс Эшби, Шарлотта Эшби грустно улыбалась, когда Ксения Егоровна устремляла на нее свой полный надежды взгляд.

Наталья, красавица и бунтарка! Вышла замуж без родительского благословения за художника. Вернулась домой избитая, на коленях молящая отца и мать о прощении. Петр Алексеевич вскочил на коня и на веревке притащил художника в дом. Заставил валяться в ногах у Натальи, а после выставил «пачкуна» в чем мать родила из дому. Наталья теперь жила под родительским кровом, отогревалась душой.

Вася-Василек, двадцатипятилетний красавец! Весь в отца и моряк отменный, служит мичманом на одном из кораблей контр-адмирала Ушакова. Рядом с ним устроилась хохотушка Оленька, двадцатилетняя сестра его, последыш Петра Алексеевича и Ксении Егоровны. Она подшучивала над длинными ресницами брата и его вздохами, когда взор юноши устремлялся на статную фигуру мисс Хэтти Эшби. Василий отдувался за свою давешнюю выходку. Заставил плясать Ольгу, чтобы отдать ей письмо от любезного друга Ванечки Эшби, единственного, кто не попал на традиционный семейный праздник. Задержался по делам отца в Бристоле.

Слева от Петра Алексеевича сидел дорогой друг Оливер. Хозяин дома сделал знак слуге. Тот подошел и из кувшина тонкой работы, похожего изгибами на греческую амфору, стал разливать золотистое вино гостям и хозяевам.

— Догадайся, Олли, из каких мест вино? — прищурившись загадал Петр Алексеевич.

Оливер повел бокалом у носа:

— Аромат отменный!

— А то! — вздернув бровями, выпалил его друг. — Гостинец с Чериготто, от Димитриоса. С его собственных виноградников! Вот к Рождеству прислал, письмецо черкнул.

— Чего пишет Дмитрий Павлович? — поинтересовалась Грейс, дама степенная и весьма набожная. Кто бы мог подумать, что сия почтенная матрона держала когда-то в страхе северное побережье Южной Америки и острова Карибского бассейна!

— Пишет, цветет наш любезный Черигото, — вздохнул Петр Алексеевич. — Море, пишет, теплое, небо приветливое. Дмитрий Павлович сыновей женил, дочерей замуж выдал. Живут с Поликсеной да жизни радуются. Осборн вернулся на Черигото. Помыкался-то в Новом свете. Теперь сидит на своей каменной террасе, пьет кофе и жмурится как кот, объевшись сметаны. Варсава живет в пустоши, в молитве да посте. Его там за святого старца почитают! Вот так вот!

Алексей Михайлович, сидящий напротив сына, перекрестился:

— Велики дела твои, Господи! Все расставил по своим местам! Всем счастья дал! Всем управил мудро!

Конец

[1] Гангутское сражение — морское сражение Северной войны 1700—1721 годов, состоявшееся 27 июля (7 августа) 1714 года у мыса Гангут (полуостров Ханко, Финляндия) в Балтийском море между русским армейским флотом и шведским отрядом из 10 судов, первая в истории России морская победа русского флота.

9 августа является Днём воинской славы России — День победы в Гангутском сражении — первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут.

[2] Волочайка - распутница, блудница, мессалина, потаскунья, потаскуха, шлюха; растлительница.

[3] Роба – В течение большей части XVIII века, вплоть до 1790–х годов, женщины высших сословий носили преимущественно широкие платья (робы) с пышными юбками на фижмах. Крой, отделка, качество ткани, цвет и рисунок различались в зависимости от обеспеченности и социального статуса дамы, а также модных тенденций конкретного периода. Существовали два основных типа платья – закрытое и распашное; которые, в свою очередь, существовали в разных фасонах и вариациях.

[4] Денник - отдельное просторное стойло для крупного домашнего скота, чаще — для верховых лошадей в конюшне.

[5] Хри́стиан фон Вольф (нем. Christian von Wolff; 24 января 1679 года)— немецкий учёный-энциклопедист, философ, юрист и математик, один из наиболее заметных философов в период после Лейбница и до Канта, основоположник языка немецкой философии. Учитель М. В. Ломоносова.

[6] Ванты, фордуны и штаги-снасти стоячего такелажа

[7] Фалы, брасы, галсы-снасти бегущего такелажа

[8] Марс-рей - второй снизу рей на мачте, к которому привязывается марсель

[9] Сте́ньга — часть судового рангоута, служащая продолжением верхнего конца мачты. Стеньги присоединяются к топу нижней мачты при помощи стень-эзельгофтов, опираясь на шлагтовы, лежащие на саллингах марсов. Раскрепляются стеньги стень-вантами, стень-фордунами, стень-штагами и стень-бакштагами. Грот и Фок – мачты.

[10] Бакшта́г (нидерл. bakstag) — курс, образующий с направлением ветра угол больше 8, но меньше 16 румбов, то есть ветер по отношению к кораблю дует сзади-сбоку. Выделяют курс полный бакштаг, при котором угол превышает 135° градусов, то есть приближающийся к фордевинду, и крутой бакштаг (менее 135°). Парус устанавливается под углом к ветру. Обычно на этом курсе парусное судно развивает наивысшую скорость. В бакштаг парус работает с большим углом атаки, при котором давление ветра играет основную роль в создании тяги паруса. Сила дрейфа практически отсутствует.

[11] «Пасть дьявола» - так называли моряки мыс Горн.

[12] Война за австрийское наследство

16 дек. 1740 г. – 18 окт. 1748 г. — длительный военный конфликт, вызванный попыткой ряда европейских держав оспорить завещание австрийского императора Карла VI и расчленить значительные владения дома Габсбургов в Европе.

[13] Килт — предмет мужской шотландской национальной одежды, традиционная одежда горцев Шотландии. Килт представляет собой кусок ткани, обёрнутый вокруг талии, плиссированный сзади и закреплённый с помощью 2—3 пряжек и ремешков; обычно килт носится вместе со специальной сумочкой для мелких вещей, называемой «спорран»

[14] Ка́неры, корса́ры, приват и́ры — частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооружённое судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля. То же название применяется к членам их команд.

[15] Иони́ческие острова́ (греч. Ιόνια νησιά) — группа островов в западной и юго-западной части Греции. Ионические острова — единственная часть Греции, никогда не бывавшая под властью Османской империи

[16] Протáскивание под кúлем (килевание) — в эпоху парусных судов наказание, заключавшееся в протаскивании человека при помощи подкильных концов с борта на борт под днищем корабля. Могло проводиться с задержкой под килем и без задержки. Килевание часто приводило к смерти наказуемого и считалось равноценным смертной казни. Такой вид казни применялся ещё древнегреческими пиратами.

[17] Форштевень - самая передняя часть носа лодки или корабля и является продолжением самого киля.

[18] В кабельтовых обычно выражается дистанция между кораблями при совместном плавании флота, размещении его по диспозиции, расстояние от корабля до берега и т. п. Различают несколько видов кабельтовых. Международный кабельтов = 1/10 морской мили = 6 угловых секунд меридиана = 185,2 метра.

[19] Межеумок (старослав.) -Недалёкий по уму человек.

[20] Жюстокор — тип мужского кафтана, появившийся в конце XVII века и сделавшийся в XVIII веке обязательным элементом европейского придворного костюма, наряду с камзолом. Жюстокор характеризовался прилегающим по талии фасоном с узкой линией плеч и расширением к низу, без воротника, с короткими рукавами и карманами.

[21] Бейдеви́нд (нидерл. bij de wind), или на ветер — курс, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет менее 90° (меньше 8 румбов)[4][1]. Выделяют бейдевинд полный и крутой. Границу между ними разные источники проводят по-разному (в диапазоне от 45 до 67,5°). Тяга паруса при бейдевинде целиком определяется его подъёмной силой, при увеличении давления ветра сила тяги уменьшается, зато возрастает сила дрейфа. Таким образом, на этом курсе парус, устанавливаемый с минимальным углом атаки к вымпельному ветру (5—10°), работает полностью как аэродинамическое крыло

[22] Бак — передняя часть палубы или палубы носовой надстройки. Надстройка над верхней палубой в носовой части корабля называется полубак.

[23] Байло — венецианская должность. Байло был постоянным представителем Венецианской Республики. В зависимости от места службы байло исполняли функции губернатора и/или дипломата.

[24] Провведитор — должность в Венецианской республике. Провведитор был гражданским официальным лицом, призванным наблюдать за действиями

капитана наемников, которые нанимались республикой. Должность была в значительной степени административной.

[25] Чериготто - Андики́тира (греч. Αντικύθηρα) — остров в Ионическом море, части Средиземного моря, принадлежит Греции. Отделён от Крита одноименным проливом. Площадь острова 19,776 квадратного километра.

Древнее название острова — Эгила . Венецианское название острова — Чериготто (итал. Cerigotto).

[26] Пожаревацкий мир — мирный договор, заключённый 21 июля 1718 года между Австрией и Венецией с одной стороны и Османской империей с другой стороны в городе Пожареваце и закончивший Австро-турецкую и Турецко-венецианскую войны.

[27] Рустры (нидерл. rooster — решётка) — решётчатый настил на полубимсах, между рубкой и специальными стойками по борту судна.

[28] 20 кабельтовых примерно 3,7 километра

[29] Квартердек- приподнятая часть верхней палубы в кормовой части судна

[30] Камбуз -Кухня на судне.

[31] Иван-чай - Известно, что популярным этот напиток был еще в XII в. Тогда его также именовали как огненная трава, скрыпник, маточник, плакун, пожарник, иванов. Его с большим удовольствием пили как простые крестьяне, так и знатные люди. Элементы, содержащиеся в этой душистой траве, тонизируют организм, делают кости и зубную эмаль крепче, уменьшают вероятность появления судорог, оптимизируют процессы кроветворения.

[32] Ευχαριστώ (греч.) – спасибо

[33] Τι συνέβη εδώ? Πού είναι η Ksenia? (греч.) – Что здесь случилось? Где Ксения?

[34] Πειρατές από τη Δύση! (греч.) – Пираты с запада!

[35] Ма́гриб (араб.) «там, где закат» — название, данное средневековыми арабскими моряками, географами и историками странам Северной Африки, расположенным к западу от Египта.

[36] …оттянет женитьбу мою…- «…Насильственные браки крепостных оставались на протяжении всего периода (XVIII века) рядовым явлением…» Из книги Н.Л. Пушкаревой «Частная жизнь русской женщины XVIII века»

[37] Кренговать - наклонять судно без выхода киля из воды для чистки подводной части от обрастаний, для мелкого ремонта обшивки корпуса и т. п.

[38] Наргиле - курительный прибор у восточных народов, сходный с кальяном, но имеющий, в отличие от него, длинный рукав вместо трубки.

[39] Клитемне́стра — дочь Леды и Тиндарея, супруга Агамемнона. Упомянута в «Илиаде» и «Одиссее».

[40] Шлёнда (старослав.) – пустая бабенка (прим. автора)

[41] Граф Фёдор Матве́евич Апра́ксин — один из создателей Армейского флота и Российского военно-морского флота, сподвижник Петра I, генерал-адмирал, первый президент Адмиралтейств-коллегии, сенатор. Командовал русским флотом в Северной войне и Персидском походе.

[42] 12 узлов = около 22 км/ч

[43] Амфитри́та (др. -греч. Ἀμφιτρίτη) — в древнегреческой мифологии одна из нереид, по Гесиоду, дочь морского бога Нерея и Дориды (либо дочь Океана и Тефии, согласно Псевдо-Аполлодору). Жена Посейдона, мать Тритона, Роды и Бентесикимы.

[44] Морриган (ирл. Mór-ríoghain, «Великая Госпожа Воронов», «Великая королева») — богиня войны в ирландской мифологии. В мифологии ирландских кельтов Морриган была одной из целой группы ирландских богинь-воительниц. Её можно воспринимать и как отдельное божество, и как своего рода триипостасную богиню.

[45] Викарий - В православной церкви: помощник епископа, епископ без епархии; в протестантской церкви: помощник священника.

[46] Брандер — судно, нагруженное легковоспламеняющимися, либо взрывчатыми веществами, используемое для поджога или подрыва вражеского корабля с целью его уничтожения. Могло управляться экипажем, покидавшим судно в середине пути, либо сплавляться по течению или по ветру в сторону вражеского флота

[47] Абордажный топор — разновидность топора, применявшегося во времена парусного флота. Использовался военными моряками и пиратами при абордажных схватках. Обычно имеет длинную рукоятку, укреплённую железными пластинами — лангетами. В большинстве вариантов снабжён на обухе крюком, выполняющим роль багра.

[48] Чорбаджи (по-турецки «суповой сервак») был командиром орты (полка), примерно соответствуя званию полковника (турецкий : Албай) сегодня. В мореплавании этот термин использовался для обозначения начальника экипажа корабля, роль которого схожа с ролью боцмана.

[49] Ποιος είσαι? (греч.) – Кто ты?

[50] δεν σε ξέρω (греч.) – Я вас не знаю!

[51] Ды́ба — колодка, в древней Руси и орудие пытки посредством растягивания тела жертвы с одновременным разрывание суставов.

[52] Агапитос (греч.) αγαπητός - возлюбленная

[53] Возок — зимний крытый экипаж на полозьях. Возки, как правило, были меньше обычных карет, с тщательно заделанными отверстиями, благодаря чему ездить в возке даже в лютый мороз было тепло, а иногда и жарко.

[54] Эландский бой — морское сражение, состоявшееся 15 (26) июля 1789 года у южной оконечности острова Эланд в Балтийском море между русским и шведским флотами, во время русско-шведской войны 1788—1790 годов.

[55] Аби́ (фр. habit — костюм, платье; англ. coat, рус. кафтан) — часть мужского костюма XVIII века, входившая в ансамбль «наряда на французский манер» (фр. habit à la française), однобортная приталенная одежда с полами до колен, отрезной спинкой с группой складок от талии по бокам сзади, сквозной застёжкой на пуговицах спереди и воротником-стойкой, носившаяся нараспашку. Типичный предмет мужской одежды эпохи рококо, более узкий вариант жюстокора

[56] Мясое́д (устар. мясоя́стие; ст.-слав. мѧсоѧдѣ́ние, мѧсоѧ́стїе) — период, когда по церковному уставу разрешена мясная пища. Обычно это время после какого-либо поста.

[57] Северо-Ледовитом океане, на Аляске, да в сибирской тайге - Академические экспедиции — комплексные научные экспедиции по изучению и описанию природы и народов России (естествознание и экономика), организованные по инициативе и плану М. В. Ломоносова Императорской академией наук и художеств в Санкт-Петербурге начиная с XVIII века.

[58] Григорий Александрович ПотёмкинГосударственный деятель

Светлейший князь Григо́рий Алекса́ндрович Потёмкин-Таври́ческий — русский государственный деятель, создатель Черноморского военного флота и его

первый главноначальствующий, генерал-фельдмаршал

[59] Фёдор Фёдорович Ушако́в — русский флотоводец, командующий Черноморским флотом; командующий русско-турецкой эскадрой в Средиземном море, адмирал, знаменитый на всем Востоке непобедимый «Ушак-паша». По его собственным словам, не потерял в боях ни одного корабля, ни один его подчинённый не попал в плен